

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Макаренко-Курносова Мария Витальевна

**ПРОЩЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ:
КОНЦЕПЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ**

специальность 5.7.8 – философская антропология, философия культуры

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Золотухина Елена Всеволодовна

Ростов-на-Дону – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ПРОЩЕНИЯ В ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	16
1.1. Представления о прощении в религиозных и эзотерических учениях	16
1.2. Метафизика прощения в философии XX века	42
ГЛАВА 2. ФЕНОМЕН ПРОЩЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ	76
2.1. Психология прощения: самопрощение как путь преодоления обид	76
2.2. Проблема прощения в области современной коммуникативной культуры	98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128
ГЛОССАРИЙ	131
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	132

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования

Настоящее диссертационное исследование посвящено философско-антропологическому анализу проблемы прощения. Обращенность к вопросу о прощении не нова в истории философской мысли. Однако на вопрос о понимании его роли в сфере личных отношений не существует однозначного ответа, что обусловлено не только отличными друг от друга способами рассмотрения феномена прощения в различные эпохи, но и многообразным спектром существующих подходов к определению этой дефиниции многими областями научного знания. Поэтому сложность в изучении данного явления характеризуется тем, что многосмысленность понятия прощения создает барьер в виде его неоднозначного понимания. Философско-антропологический подход, являясь по определению интегративным, позволяет связать воедино разные ракурсы темы прощения, и это делает нашу тему особенно актуальной.

В настоящее время, для которого характерны глобальные трансформации, связанные с так называемой цифровой революцией, а также различными внешними политическими изменениями мирового сообщества, тема прощения по-новому востребована и важна. Человечество XXI века, несмотря на все достижения науки и техники, не перестает обижаться, гневаться, желать мести. Поэтому наше диссертационное исследование акцентирует внимание на прощении именно как на решаемой, но нерешенной проблеме. Прощение для многих людей остается недостижимой целью – как в межличностных контактах, так и в душе человека. Философия сегодня призвана, как нам кажется, рассмотреть трансформацию феномена прощения через призму традиции и определить его значение в контексте современной культуры.

Актуальным остается не простое изучение религиозных и нравственно-этических оснований прощения, но обращенность к психологической оптике, показывающей значимость этого феномена не только для достижения гармонии между людьми, но и для самой личности. Проблемы взаимопонимания существовали всегда и характеризуют личные отношения *близких людей*. Неумение прощать как себя, так и *другого* – причина разрушения самости человека, основывающаяся на накоплении обид и негативных эмоций. Прощение необходимо, оно нуждается в глубоком осмыслении, и наша работа – еще одна попытка содержательно обсудить эту важную тему.

Степень разработанности проблемы

Диссертационное исследование предполагает изучение широкого спектра научной литературы. Основные идеи настоящей работы строились на изучении религиозных, эзотерических, психологических, нравственно-этических и философских текстов.

Вопрос о прощении и его роли в межличностных отношениях известен, прежде всего как вопрос, относящийся к области теологии. Поэтому важным этапом в рассмотрении такого феномена как прощение стало обращение к религиозным текстам. Здесь, религиозное направление в основном представлено изучением священных текстов (Библия, Коран), а также комментирующей литературы (раби Джозеф Телушкин, диакон Г. Максимов, А. Мень и др.). Главные особенности такого подхода показывают определенные мотивы прощения личности, основанные на идее общения Бога и человека и их единения. Сравнительный анализ религиозных взглядов на природу прощения на примере иудаизма, ислама и христианства, показывает, что прощение является одной из базовых этических категорий религиозного сознания. Главные мотивы такого прощения лежат в глубоко укоренившемся представлении о посмертном пребывании души в Раю, что дает незыблемые основания поступать правильно и прощать своего обидчика.

Эзотерические учения в лице Ошо, Дж. Ямпольски, С.Н. Лазарева, В.В. Синельникова акцентируют положительную роль прощения во взаимоотношениях людей. Идеи этих авторов проходят на границе совокупности теологических представлений и идей внутреннего совершенства личности благодаря глубокой саморефлексии. Прощение здесь больше представлено как некоторое мистическое переживание, которое в первую очередь предполагает изменение практической жизни человека здесь и сейчас. Умение прощать формируется в результате духовных практик человека, изменяющих его представление об окружающем, о других людях и о себе самом. Практика самопрощения дает основания не только принять себя, но и помогает выработать положительные взгляды на окружающую действительность. Все это необходимым образом должно привести к тому, что человек начинает принимать *другого* и формирует в себе навык, позволяющий простить этого *другого*.

При рассмотрении вопроса о сущности прощения с точки зрения философии с учетом как традиционных, так и современных способов коммуникации людей необходимым стало обращение к работам, содержащим изучение нравственных, этико-моральных и культурных оснований возможности прощения. Этические основания в изучении прощения представлены работами Т. Гувье, Р.Г. Апресяна, Э.А. Гассин, исследования которых представлены в виде анализа проблемы прощения, базирующегося на понятии ответственности и наказания, нравственности, морального выбора и т.д.

В философской литературе можно столкнуться с работами Л.Н. Толстого и И.А. Ильина, понимание прощения которыми происходит через характеристику категорий добра и зла. Мыслители выдвигают общую идею о необходимости бороться со всяческим проявлением зла и приумножением добра. Если первое включает все, что связано с насилием, то второе напрямую базируется на понятии любви и прощения. Однако разница в отношении к внутренней позиции борьбы со злом, выраженная в идеях непротивления Л.Н.

Толстого и противления злему И.А. Ильина, дает представление о крайне противоположных воззрениях русских мыслителей. Философия Л.Н. Толстого представлена как в его собственных работах («В чем моя вера?», «Исповедь», «Наше жизнепонимание», «Благо любви» и др.), так и в комментирующей литературе (А. Мень, Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов, О.В. Артемьева, Е.Д. Мелешко). Позиция И.А. Ильина также представлена его собственной работой «О сопротивлении злу силой».

Французская философия в лице П. Рикёра и В. Янкелевича показывает прощение с точки зрения его возможности. Если первый мыслитель говорит о существовании «могущего человека» как автора прощения в контексте его дарения, а стало быть, возможности, то второй считает, что истинное, или чистое, прощение в принципе может существовать лишь как идеал, к которому нужно стремиться, поскольку практики осознанного отказа от всякого рода обид не может быть. Даже прощая, человек надеется на что-то ответное, будь то признание со стороны общества или же прощение о самом прощении со стороны обидчика.

Психологические и психотерапевтические исследования перенаправляют вектор прощения на личностные особенности обиженного, указывающие на актуализацию внутренних душевных сил для осознанного отказа от всяческих обид, а также роль самопрощения на пути принятия *другого*. К. Типпинг в своей работе «Радикальное прощение» показывает основания для прощения личностью как самой себя, так и окружающих. Автор транслирует некоторые практики, способные помочь в осознании обидчиком и жертвой проблемы обиды, вины, а также призвать обоих субъектов конфликта к его позитивному разрешению. Г.М. Бреслав выводит основания изучения прощения в область дихотомии «обида – прощение», указывая на особый статус понятия обиды. Автор разделяет ее на два элемента – обида ложная, или мнимая, и обида истинная, – выделяя при этом их важные отличительные особенности. Большую роль обиде отводят также С.М. Зубарев, К. Изард. Особую концепцию дарования прощения, состоящую из четырех ступеней,

показывает К. Эстес в своей работе «Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях».

Анализ литературы, относящейся к религиозной, этической, философской области, говорит о том, что проблема прощения не обходит стороной исследователей в различных отраслях знания. Следует понимать происходящие внедрения по изучению проблемы прощения во все большее число дисциплин, что вызывает необходимость комплексного анализа данного вопроса и, стало быть, превращает его в междисциплинарную проблему. Экзистенциально-антропологический, философский подход, который мы здесь представляем, черпает свои идеи в том числе из философских ракурсов, психологической и психотерапевтической литературы. Стоит отметить, что среди многообразия мнений на проблему прощения мы придерживаемся идеи того, что прощение для личных отношений не просто возможно, но необходимо, поскольку порождение обид загоняет в поведенческие рамки в первую очередь самого прощающего (или скорее не-прощающего). Некоторые современные позиции транслируют понимание прощения как слабость, ведущую к формированию жертвенности личности, однако мы считаем, что как раз злоупотребление обидой формирует этот образ. Умение прощать вовсе не говорит об отсутствии здоровой реакции на нанесенные обиды, однако оно формирует способность человека к рефлексии над ситуацией, способность налаживать контакт с собеседником, способность выстраивать позитивные отношения с окружающими.

В качестве **проблемы**, в диссертационном исследовании поднимается вопрос о роли прощения как универсального культурного явления в *личных отношениях людей, полагающих себя близкими*.

Вместе с тем, в качестве **гипотезы** выдвигается предположение, что в личных отношениях, связанных с интимно-душевым общением, основным триггером к формированию обиды на *другого* является *чувство неуверенности в себе и внутренней обиды личности на себя*, вследствие чего ключевым элементом, стоящим на пути к прощению *другого*, может выступать феномен

самопрощения. К тому же акт прощения воспринимается как подобие смыслотворчества в отношениях между людьми, поскольку проявляется только тогда, когда имеет непосредственный смысл для прощающего.

Объект исследования – проблема прощения в условиях междисциплинарного подхода в его изучении.

Предмет исследования – прощение как исторически динамичный феномен межличностных отношений, увиденный с позиции субъекта прощения и получивший выражение в гуманитарных текстах.

Цель диссертационного исследования заключается в изучении прощения как исторически динамичного межличностного феномена, прежде всего, увиденного с позиций субъекта прощения (того, кто стремится простить обиду). Это требует от нас обратиться к многообразию толкований сущности прощения не только с точки зрения традиционных представлений, но также с точки зрения современного состояния общества.

Задачи диссертационного исследования

1. Провести сравнительный анализ взглядов на проблему прощения в религиозных, а также в эзотерических учениях, т.е. в тех концепциях, которые имеют долгую традицию;
2. Проанализировать ведущие философские точки зрения на прощение в теперь уже прошлом XX веке;
3. Показать важность для экзистенциального прочтения новейших взглядов на прощение, представленных в психологических текстах;
4. Выявить специфику прощения в рамках виртуальной коммуникации, характерной для сетевого общения.

Понятийный аппарат и теоретические и методологические основания диссертационного исследования предполагают философско-антропологический базис, характеризующий прощение как усилие личности на пути формирования здоровых межличностных отношений в условиях трансформации культурной среды и переход отношений в просторы сети Интернет.

Определим основные подходы к решению поставленных задач, для чего объясним терминологию и понятийный аппарат.

Культура в нашем понимании – это совокупность способов действия, поведения и мироосмысления в единстве с их объективированными результатами (Э.С. Маркарян, В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов, Г.В. Драч). В этом отношении одним из ведущих компонентов культуры выступают *ценности*, а прощение и способность прощать – одни из таких ценностей.

Под **духовной культурой** мы понимаем как раз ментальную и ценностно-целевую сферу, которая ярко выражена в коммуникации человека, в формах и способах его общения. Прощение – акт человеческой воли, направленный на сохранение отношений, имеющих смысл или ценность для прощающего. Смысл, или ценность [прощения] – это то, что имеет непосредственное значение для личности, то, что лежит выше ценности материальных благ.

В настоящей работе понятийный ряд «обидчик – обиженный» и «обида – прощение» относятся к области **экзистенциально-нравственных отношений между людьми**, т.е. к отношениям, где участниками общения предполагается особая значимость и ценность одного человека для другого. Акцент проблемы прощения, таким образом, переносится с социально-политического аспекта вопроса (обида, нанесенные одним народом другому в ходе, например, войны; историческая память обид и т.п.), а также с уголовного аспекта, где речь идет об убийстве и мученичестве, в том числе и по отношению к незнакомым людям, на аспект близких межличностных отношений. Поэтому мы стремимся *избегать термина «жертва»*, хотя уклониться от него трудно в силу того, что он часто применяется в литературе, посвященной прощению в широком смысле слова. Трудно говорить о прощении и в случае стокгольмского синдрома, когда случайные жертвы террористов начинают не прощать, но оправдывать действия мучителей, пытаясь найти в происходящем какой-либо смысл.

*Проблема прощения в нашем понимании есть проблема душевно-личных взаимоотношений людей. Это именно **проблема**, потому что люди часто друг друга не прощают и продолжают обижаться, «заикливаются» на обиде. Они страдают от реальных и мнимых обид, и будучи не способными к великодушию желают зла другим. Дефиниция прощения, если давать его рабочее определение, неизбежно звучит метафорически **Прощение** – это безвозмездный дар, добровольный отказ от всякого рода мщения и проклятий в отношении другого. Оно связано с избавлением прощающего от тяжелых переживаний по поводу обиды и обидчика. Разумеется, предполагая, что само прощение может протекать на разных уровнях: как способность просто «отпустить человека», не вспоминая его злым словом, и как возможность возобновить с ним доброжелательные контакты.*

Также следует дать и рабочую характеристику второму важному термину, сопряженному с прощением – *обиде*. Поскольку мы уходим от представления о нанесенной обиде как о преступлении и переносим разговор в экзистенциально-нравственную плоскость, постольку для нас *обида* – это нанесение ущерба и причинение страдания прежде всего *значимому, в более широком смысле – знакомому человеку*: это ложь и обман доверия; унижения и оскорбления; измена и предательство в любви, дружбе и деловых отношениях; высокомерное и заносчивое поведение; отказ в помощи и поддержке, игнорирование как самого человека, так и его интересов и потребностей, ответ злом на добро. В данном случае мы не ставим задачей рассмотрение мотивации обидчика, что увело бы нас в сторону, поскольку мотивы нанесения обид многообразны и могут быть не только сознательными, но и эмоционально-бессознательными.

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретическую базу диссертационного исследования составили классические и современные работы по философии, религии, эзотерике, психологии, в которых речь идет о проблеме прощения. Методологическую

базу данного диссертационного исследования составили следующие методы и подходы:

1. **Герменевтический подход**, с помощью которого осуществлялось понимание и объяснение изучаемых источников.

2. Исследование опирается на **метод сравнительного анализа**, позволяющего сопоставлять различные подходы к проблеме прощения

3. Поскольку личные отношения рассматриваются как ценность, а прощение есть способ сохранения этих отношений, в работе применяется **аксиологический подход**.

Выбранные методы и подходы позволяют определить специфику диссертационного исследования как философско-антропологическую и показать значение прощения в рамках межличностных отношений, представляя прощение как универсальное явление духовной культуры, задающее тон отношениям между людьми в рамках традиционной и виртуальной коммуникации.

Научная новизна исследования. На основе проведенного диссертационного исследования:

1) Проведен сравнительный анализ взглядов на проблему прощения в религиозных, а также в эзотерических учениях, т.е. в тех концепциях, которые имеют долгую традицию;

2) Проанализированы ведущие философские точки зрения на прощения в теперь уже прошлом XX веке;

3) Показана важность для экзистенциального прочтения новейших взглядов на прощение, представленных в психологических текстах;

4) Выявлена качественная специфика прощения в рамках виртуальной коммуникации, характерной для сетевого общения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Первоначальные попытки в рассмотрении феномена прощения и его роли в жизни человека можно обнаружить в большинстве религиозных учений. Мировые религии, и в яркой форме христианство, в частности православие,

показывают человеку, что отношения между людьми должны складываться на основе милосердия, любви, прощения и т.п. в силу того, что любовь и прощение исходят от Бога и являются его заповедью людям, они служат для всех путем избавления от страданий и благой посмертной перспективы. Поскольку Бог завещает человеку любить ближнего, прощать ближнего и, как следствие, **мотивы** религиозного прощения заключаются в высшей цели – достижении благой жизни в Царстве Бога.

2. Эзотерика, представленная в массовой культуре, в отличие от религии, делает акцент на том, что прощение обидчиков влияет прежде всего на текущую жизнь: позволяет прощающему подняться на более высокую духовную ступень и дает шанс исправления обидчику. Духовные практики эзотерических учений направлены на изменения сознания человека с негативного в положительное русло. Благодаря этому отношение человека к окружающей действительности и другим людям меняется, помогая прийти в гармонию с миром. Однако, прежде чем принять внешний мир и *другого* необходимо принять себя, для чего подходит практика самопрощения. И, если христианство в большей степени апеллирует к смирению, то эзотерические учения – к научению и учету опыта.

3. Философия вносит огромный вклад в изучение проблемы прощения. Минувший XX век выводит проблему прощения в область самостоятельной проблематики. С точки зрения и недогматических, и светских философских учений прощение выступает высшим духовным принципом нравственного совершенства личности. Отношения между людьми складываются на базе светского мировоззрения, без посредничества высших инстанций. Само прощение выступает при этом как акт личной воли: преодолеть негативное отношения к *другому*, его принятия как себя самого. Непрощение же означает отторжение не только *другого*, но и собственной личности. Человек говорит о прощении до тех пор, пока оно имеет смысл для прощающего, что отличает философию от других областей знания. Тема прощения в философии XX века часто обращена к социально-политическим обидам и экстремальным

ситуациям. Ближе к теме прощения межличностного прочтения темы оказывается психология.

4. Экзистенциально-антропологический подход, опирающийся на трактовки психологов, в свою очередь, подчеркивает значимость прощения не только для гармонизации личностных отношений, но и как *внутренние мотивы человека на пути к преодолению обид*. Обиды людей друг на друга нередко взаимны, они – зеркальное отношение, а исследования психологов показывают, что прощение дарует освобождение не только обидчику, но и самому прощающему. Некоторые авторы-психологи, которых в полной мере можно считать также философами, считают, что по-настоящему обидеть себя можем только мы сами, поэтому в первые десятилетия XXI века на первый план выступает феномен *самопрощения*. Самопрощение – спусковой крючок для прощения и принятия *другого*.

5. Интернетное общение «под никами» и без идентификации формирует новый тип взаимоотношений, специфичных своей «виртуальной моралью», менее требовательной, чем традиционная. Сетевая коммуникация способна вносить неумеренную агрессию в вербальное поведение личности. Она делает оскорбления в режиме частичной анонимности более простыми и легкими. Конечно, при безличных контактах есть возможность быстро «забанить» обидчика, но при наличии реального знакомства «виртуальные обиды», тем более преследования (буллинг и троллинг) остаются, как и прежде, психологически разрушительны. И прощение здесь ничем не отличается от прощения в «докомпьютерную эпоху».

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования заключается в расширении понимания прощения в условиях цифровой трансформации культуры общения. Проведенное исследование показывает многофункциональный аспект в попытке определить сущность понятия прощения. Акцентируя внимание на личностном аспекте прощения как возможности преодоления негативных барьеров в межличностных

отношениях, диссертационное исследование вносит вклад в изучение соотношения феноменов прощения и самопрощения.

Результаты диссертационного исследования могут выступать в качестве основы для соответствующих разделов лекционных и практических курсов экзистенциальной философии, гуманистической психологии, философской антропологии.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Диссертационное исследование соответствует научной специальности 5.7.8 – «Философская антропология, философия культуры» по пунктам 21 – культурно-философская антропология, 22 – психоаналитическая антропология, 25 – философско-религиозная антропология.

Апробация результатов диссертационного исследования

По теме исследования опубликовано 12 работ, в том числе 5 статей в изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Положения диссертационного исследования были также представлены в виде докладов на научных конференциях различного уровня:

1. V Всероссийская национальная научная конференция молодых ученых «Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований», Комсомольск-на-Амуре, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 11-15 апреля, 2022 г.

2. «Наука и общество – 2022», Ростов-на-Дону, 2022 г.

3. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: «Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности», МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, 4 марта, 2021 г.

4. XXIII Международная конференция молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», г. Томск, ТГУ, 23-24 апреля, 2021 г.

5. IV Всероссийская Национальная научная конференция молодых ученых «Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований», Комсомольск-на-Амуре, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 12-16 апреля, 2021 г.

6. XXVI Дмитриевские образовательные чтения «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность», Ростов-на-Дону, 27 октября – 15 ноября 2021 г.

7. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности», Комсомольск-на-Амуре, Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 25-26 ноября, 2021 г.

8. Внутривузовская научно-практическая конференция ППС, молодых ученых и аспирантов «Религия, культура, человек: экзистенциально-антропологический дискурс», РГЭУ (РИНХ), апрель, 2020 г.

Кроме того, отдельные положения были разработаны и использовались при выполнении грантового проекта РФФИ № 20-311-90005 «Проблема прощения в контексте современной культуры».

Структура работы и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа, заключения, глоссария и списка литературы. Общий объем текста – 146 страниц. Список литературы включает 148 наименований.

ГЛАВА 1. ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ПРОЩЕНИЯ В ЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

1.1. Представления о прощении в религиозных и эзотерических учениях

Тема прощения на сегодняшний день довольно актуальна и интересна для обсуждения. За всей кажущейся простотой этой проблемы скрывается широкий спектр подходов в определении понятия «прощение», что усложняет его изучение. Прощение можно представить в двух ипостасях: непосредственное прощение и опосредованное. В первом случае мы говорим о самопрощении и прощении другого человека, во втором – о прощении Божественном и прощении виртуальном, о котором речь пойдет в других параграфах. Опосредованное прощение предполагает наличие некоторого «третьего компонента», будь то Бог или церковь, или же средства связи (для виртуального прощения).

Также хотелось бы отметить и то, что тема прощения тесно связана с понятием обиды. Поскольку прощать нужно за что-то, тогда необходимо должен присутствовать факт обиды. Можно обижаться на себя, можно обидеть *другого*. Однако оговоримся, что обида в свою очередь тесно связана с понятием вины. Мы не будем сейчас сильно углубляться в соотношение понятий этих понятий, их сравнения и сопоставления, поскольку здесь необходимо полномасштабное исследование, и внимание именно к этой проблематике увело бы нас от главной темы исследования в сторону. Однако все же скажем пару слов о понятии вины. **Вину** мы понимаем как психологически-эмоциональное состояние личности в отношении поступка, который принес вред *другому*. Иными словами, она есть внутреннее переживание личности, угрызания совести по поводу совершенного проступка. И здесь также, как и с понятием обиды отметим, что винить можно как себя, так и *другого*. В данном случае мы говорим о вине, которую человек

непосредственно испытывает за те обиды, которые он причинил. Вина имеет под собой светское основание, в религии же мы часто встречаем понятие греха. Последний уже в своем содержании подразумевает виновность человека. Хотя, конечно, концепт греха с развитием культуры меняется. Грех в религии – отступление от праведности за счет нарушения Божественных заповедей, грех в социальном плане – нарушение норм, традиций, принятых в обществе. В отличие от вины, грех – это сознательное нарушение правил: «грех есть беззаконие» (1 Ин. 3:4), в то время как вина – переживание. Я. Красицкий разделяет два понятия: вина и чувство вины. Причем, чувство вины может быть здоровым, как выражается автор, а может быть патологическим. Важное различие их в том, что первое есть осознание и исправление, в то время как второе есть простое переживание¹. Очень интересно и то, что, в некотором плане, религия упрощает природу греха, поскольку иногда грех расценивается как неведение, или незнание Бога. Однако полной ответственности не снимает. С точки зрения религиозных представлений вина есть следствие греха. Вина всегда подразумевает несение ответственности за совершенные деяния.

Чувство вины, так же, как и чувство обиды, если с ними не справиться, ограничивают жизнедеятельность человека, разрушают его самость. Поэтому так важно научиться признавать собственную вину и просить прощение, с одной стороны, а с другой – отпускать обиды и прощать *другого*. К слову сказать, что и простить можно как себя, так и *другого*.

Традиционно проблема прощения относилась к области религиозного дискурса, однако сегодня мы говорим о существовании эзотерического, психологического, философского и других подходов в изучении данного вопроса. Именно поэтому вопросы, так или иначе касающиеся тематики прощения, носят междисциплинарный характер. Обращение к вышеперечисленным способам понимания и толкования проблемы прощения обусловлено тем, что таким образом можно в достаточно полном объеме

¹Красицкий, Я. Грех, вина и чувство вины // Вестник РХГА. 2017. №1. С. 40.

раскрыть значимость прощения и его роль в межличностных отношениях. В этом параграфе обратимся к религиозным и эзотерическим учениям.

Религия – особая форма общественного сознания и один из способов постижения действительности. Она представляет собой ту часть духовной культуры общества, которая провозглашает ценность человеческих отношений. Попытка осмысления природы прощения интуитивно приводит нас к религиозным представлениям о прощении. Более того, именно в области теологии можно найти первые попытки определения роли прощения в отношениях между людьми. К тому же, религиозные представления на природу общения имели наибольший авторитет. Однако стоит отметить, что в большинстве известных обществу религиозных учениях вопрос о личном прощении раскрывается через диалог, с одной стороны, между людьми, а с другой – между Богом и человеком. При этом ключевым элементом в большинстве известных религиозных систем и практик выступает именно нравственное совершенство личности, одной из ступеней которого можно назвать умение человека прощать. Именно прощение выступает главным принципом человеческих отношений в религии. Например, идеи конфуцианства строились на понятии «жэнь», или «человеколюбие», «милосердие». В учении буддизма также можно обнаружить идеи самосовершенствования, результатом которого будет любовь и отсутствие ненависти и вражды к *другому*.

В Библии мы находим несколько видов прощения: прощение вечное, прощение опосредованное и прощение в общении.

Вечное прощение непосредственным образом приводит нас к личности Бога, поскольку вечное прощение означает то, что грех или вина прощаются раз и навсегда. Это связано, например, с идеей пришествия Сына Божьего на землю, когда все страдания Христа были направлены на прощение Богом-Отцом человеческого греха.

Опосредованное прощение предполагает наличие посредника в акте прощения. В данном случае посредником Бога в даровании прощения людям

является церковь. Важно понимать, что прощает не церковь, но Бог, через церковь.

Прощение в общении. Здесь речь идет об общении между человеком и Богом, а также между людьми. Именно о таком прощении и пойдет речь далее.

Иудаизм – национальная религия еврейского народа. Она представляет собой совокупность нравственных установок, которые регламентируются религиозными предписаниями. Главным этическим мотивом здесь можно назвать личные отношения между Богом и человеком, на основе которых и складывается понимание и толкование вопроса о прощении. Последнее представлено как прощение Божественное и прощение человеческое. Причем первое напрямую зависит от второго, т.е. умение человека прощать *другого* влияет на его возможность получить прощение Бога. Именно в иудейской традиции начинает складываться представление о том, что Бог являет собой оплот милосердия и прощения.²

Того, кто не в состоянии найти в себе силы простить обидчика, можно смело считать греховным перед Господом. Такое возможно потому, что иудейское прощение показывает интерсубъективный диалог, который основывается на необходимости признания обидчиком своей вины и словесного ее выражения в виде просьбы о прощении. Только искреннее раскаяние приводит к истинному прощению. С точки зрения психологии прощение здесь можно назвать условным, поскольку признание вины выступает первым шагом или условием на пути к прощению. Тот, кого обидели надеется на раскаяние со стороны обидчика, он ждет этого раскаяния. Опять же, в иудаизме складывается представление о том, что прощение получить достаточно просто в том плане, что необходимо только лишь искренне раскаяться и попросить прощения у того, кого обидел и стараться больше не обижать людей.³ Хотя отметим, что раскаяться и попросить прощения уже

²Электронная еврейская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eleven.co.il/judaism/religious-ethics/13339/> (дата обращения: 30.04.2023).

³ Гассин, Э.А. Психология прощения. С. 94. [Электронный ресурс]. URL: https://nashaucheba.ru/v11246/гассин_э.а._психология_прощения (дата обращения: 30.04.2023).

достаточно трудно. Иными словами, религия иудеев призывает обидчика к признанию за собой виновности своих действий. С другой стороны, обиженную личность иудаизм призывает отказаться от обиды и простить виновного. В случае непощения обидчик вправе трижды покаяться перед жертвой, что автоматически очищает его и перед Богом, и перед людьми. При отсутствии дарованного прощения в иудейской традиции считается, что уже жертва совершает грех путем совершения акта непощения. Поэтому можно говорить о том, что прощение в религии иудейского народа приравнивается к добру, а непощение – к злу или греху.

Хочется отметить, что способность человека к последнему, согласно иудаизму, есть его природная сущность. Если, согласно христианской традиции, испорченность природы человека, который изначально был добр, поскольку создан по воле Бога и актом Божественного творения, связано с первородным грехом, то религия иудаизма отказывается трактовать послушание воли Бога первых людей как первородный грех, распространяющийся на весь род человеческий. Раби Джозеф Телушкин в своей работе «Еврейский мир» указывает на тот факт, что все христианство отступление человека от праведности, или от самого Бога, связывает с историей первородного греха, в то время как еврейский народ не принимает идеи первородного греха, хотя, безусловно, не оправдывает человек. Нарушение заповедей Б-жых – это и есть грех⁴.

Стоит отметить, что мораль религии иудейского народа характеризуется как религия, базирующаяся на понятии справедливости. Прощение никогда не умаляет наказания, и, стало быть, милосердие Божественное и человеческое вовсе не несет в себе признак хаоса или вседозволенности. Скорее наоборот – наказание есть необходимость за проступок. В Библии сказано: «Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской. Ни вдовы, ни сироты не притесняйте; если же ты притеснишь их,

⁴Телушкин Дж. Еврейский мир. – Издательство М. Гринберга. 2021. С. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://bookscafe.net/read/telushkin_dzhofef-evreyskiy_mir-203937.html#p1 TOC idp3680 (дата обращения: 30.04.2023).

то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их, и воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами»⁵ (Исх. 23:21-24).

Таким образом, прощение человеческое и прощение Божественное образуют собой единое целое. Разумеется, они не есть суть одно и то же, поскольку человек не обладает даром всепрощения, но для полного очищения своей природы от греха необходимо и первое, и второе. Условием для получения первого, человеческого прощения выступает раскаяние. Для второго, Божественного – умение прощать личные обиды. При всем при этом важно понимать, что прощение вовсе отрицает наказание. Справедливость включает в себя как первое, так и второе. Стало быть, обрести самость и быть единым целым с Богом – значит жить по Его законам, которые есть законы справедливости.

Ислам – одна из трех мировых религий, последователями которой являются 23% населения планеты. Главная книга мусульман – Коран. В религии ислама, так же, как и в иудаизме, умение прощать – навык, которым должен обладать каждый человек. Всепрощение, так же, как и в традиции иудейского народа, свойственно только природе Бога, в исламе – Аллаху. Истинный же мусульманин обязан следовать практике прощения на земле. В Коране сказано: «Пусть они простят и будут снисходительны. Разве вы не желаете, чтобы Аллах простил вас? Аллах – Прощающий, Милосердный» (Кор. 24:22). Поэтому основная задача верующих – научиться сдерживать гнев и проявлять снисходительность к своему обидчику. «А человек взывает ко злу так же, как он взывает к добру; ведь человек тороплив» (Кор. 17:12). Прощение мусульман основывается на понимании его чистоты, истинности и искренности самих верующих. Истинный мусульманин уповает на Всевышнего, понимая, что на земле господствует Его воля, все происходит по Его велению, а стало быть, необходимо легко отпускать всякие обиды. «О те, которые уверовали! Воистину, среди ваших жен и ваших детей есть враги вам.

⁵Библия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 30.04.2023).

Остерегайтесь их, но, если вы будете снисходительны, проявите великодушие и простите их, то ведь Аллах – Прощающий, Милосердный» (Кор. 64:14). Таким образом, личное прощение в исламе не только устанавливает гуманистический акцент в отношениях между людьми, но и служит ступенью к получению прощения Аллаха.

Поскольку Аллах призывает к прощению, можно говорить о том, что последнее есть добро. Всякое отступление от воли Бога есть преступление перед Ним, т.е. грех. Тогда можно предполагать, что и в исламе проявление непощения сродни злу или греху. Г. Максимов говорит о том, что совершить грех означает нарушить свои обязанности перед Богом. Происходит это в силу незнания Божественного закона.⁶ Однако склонность человека к злу не есть результат первородного греха, как это можно усмотреть в традиции христиан. Напротив, так же, как и в иудаизме, ислам показывает, что идея первородного греха не оставляет след на всем человечестве. Напротив, после своего покаяния Адам был прощен Богом, чем искупил свой грех. Стало быть, каждый человек несет ответственность и ответ перед Богом только за свои личные грехи. Таким образом, и ислам, и иудаизм показывают важность роли прощения как в отношениях между людьми, так и в отношениях с Богом.

Ярко выраженный интерес к проблеме прощения можно усмотреть в религии христианства, и, в частности, православия. Это одна из трех мировых религий, которая провозглашает особую значимость отношений между Богом и человеком. Одна из задач личности – приблизиться к Божественной природе, поскольку та связь между Господом и человеком, которая была установлена при сотворении первых людей, была утеряна вследствие первородного греха. Как мы уже отмечали ранее, трактовка первородного греха как наследия для всего человечества свойственна христианской традиции, но не разделяется иудеями и мусульманами. Однако христианство настаивает на том, что искажение человеческой природы в сторону греха и зла есть следствие

⁶Православие и ислам / Диакон Георгий Максимов. - Изд. 3-е, испр. и доп. - Москва : Православное миссионерское о-во им. прп. Серапиона Кожеезерского, 2012. С. 10. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Maksimov/pravoslavie-i-islam/ (дата обращения: 30.04.2023).

первородного греха, поскольку все созданное Богом по воле Его есть благо, ведь и Сам Он есть благо. Он является высшей инстанцией в определении всего благого, т.е. именуется совершенством. Господь является источником всех благих ценностей для человека: любовь, сострадание, милосердие, прощение и т.п. Духовные ценности в христианстве всегда были превыше ценностей материальных, «ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится»⁷ (Мф. 23:12).

Зло в христианском вероучении исходит именно от человека. В послании к римлянам как раз и говорится о том, что человеку, облаченному в смертное тело, постоянно сталкивающегося с выбором между добром и злом, гораздо легче поступать неправильно. Даже если он этого не хочет. Особенностью такого поведения как раз и является неведение, или другими словами незнание Бога и Его законов. Грех уже живет в душе человека⁸ (Рим. 7:15-24).

Поскольку человечество теперь склонно к совершению зла, т.е. к отступлению от Божественных заповедей, произошло изменение в отношениях человека и Бога, а также и между людьми. «Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословлен во веки»⁹ (Рим., 1:25). Однако стоит заметить, что в христианстве грех расценивается не просто как отступление от заповедей Бога, но как болезнь души. Быть греховным – значит жить в неведении Бога. Отметим, что по разъяснениям диакона Георгия Максимова первородный грех приводит к следующему:

- 1) большая склонность человека ко злу, чем к добру;
- 2) наличие болезней, боли и смерти;
- 3) изменения отношений между человеком и миром¹⁰.

⁷Библия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 30.04.2023).

⁸Там же.

⁹Там же.

¹⁰Православие и ислам / Диакон Георгий Максимов. - Изд. 3-е, испр. и доп. - Москва : Православное миссионерское о-во им. прп. Серапиона Кожеозерского, 2012. С. 35-36. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Maksimov/pravoslavie-i-islam/ (дата обращения: 30.04.2023).

Здесь хочется сказать, что изменение отношений между людьми, а также отношения к себе самому приводит к тому, что человек забывает истинное понятие доброты. Он не способен любить другого, потому что не любит себя, не способен на прощение обидчика, поскольку не может простить себя. Здесь очень важно понимать, что принятие *другого* как себя, подобно известной заповеди о любви к ближнему, есть значимый элемент в структуре христианского прощения. Христианская любовь символизирует собой бескорыстное отношение к ближнему, любовь к врагам символизирует собой прощение: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»¹¹ (Ин. 3:16). Христианское прощение есть акт, при котором виновный становится невиновным, когда враг превращается в друга.

Возвращаясь, таким образом, к интересующей нас теме, можно сказать, что и в христианстве также прощение расценивается как добро а, стало быть, непощение – как зло. Как отмечает, например, Э.А. Гассин ключевым отличием христианского прощения является его безусловный характер. Вовсе необязательно ждать раскаяния со стороны обидчика, напротив, нужно прощать вопреки всему и столько раз, сколько того потребуетс¹². Прощение есть любовь. Поскольку любовь должна распространяться на всех, быть, по сути, безграничной, тогда и прощение должно дароваться всем и каждому. Отметим, что здесь прощение – высшая степень проявления любви, которую можно обнаружить в высказывании, представленном в Евангелие от Матфея: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»¹³ (Мф. 22:39). Другими словами, прощение своему обидчику неправедных деяний есть наивысшее умение человека любить каждого. Стоит сделать оговорку, что прощение не есть чистое забвение всяческих проступков, как будто таковых и не было, но такое отношение к ним, что обиды больше не будут представлять собой препятствий

¹¹Библия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 30.04.2023).

¹²Гассин, Э.А. Психология прощения. С. 94. [Электронный ресурс]. URL: https://nashaucheba.ru/v11246/гассин_э.а._психология_прощения (дата обращения: 30.04.2023).

¹³Библия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 30.04.2023).

в отношении с *другим*. Более того, прощение не есть оправдание обиды и обидчика. Не стоит искать моменты в ситуации, которые бы каким-либо образом превращали обидчика в заложника ситуации. Обида, так же, как и прощение, есть моральный выбор каждого. Однако, в идеале, прощение всегда выступает в качестве некоторого категорического императива, если можно так выразиться, поскольку совершается ради себя самого. Простить в чистом виде – значит довериться Богу, поскольку все, что совершается есть воля Его. Как следствие, претерпевание обид, особенно от близких людей, представляют собой испытания воли, которые Бог посылает человеку.

Таким образом, обретается единство человека с человеком и его путь к Божественному. В действительности очень трудно не столько принять тот факт, что обидчика необходимо простить, сколько даровать само прощение. Существуют определенные барьеры в сознании человека, которые мешают ему решиться на этот шаг. И. Гернер, например, считает, что неуверенность в себе и своих силах, жалость к себе, горечь обиды, гордость и неумение забывать¹⁴ как раз и мешают найти нам путь к прощению. Хочется отметить, что на наш взгляд, забывать вовсе не обязательно. Напротив, помнить об обиде и прощении необходимо нужно, но эта память не должна сопровождаться отрицательными эмоциями, направленными против ближнего. И поэтому здесь прощение выступает как осознанный выбор личности, сложность которого определяет степень его искренности и истинности.

Кроме того, потрясающим и пробирающим до мурашек Библейский сюжет, в том числе о силе прощения, представлен в фильме М. Гибсона: «Страсти Христовы». Мы не будем говорить о том, что в фильме имеются расхождения с Писанием, ведь фильм – художественное произведение режиссера. Так же мы не касаемся этических вопросов по поводу дозволенности экранного представления Сына Божьего. Однако главные интересующие нас идеи переданы максимально точно. В особенности идея

¹⁴ Гернер, И. Прощение. [Электронный ресурс]. URL: http://u-nog-hrista.narod.ru/ivan/proshjenie_statia.html (дата обращения: 30.04.2023).

прощения, поскольку она есть предмет исследования. Люди, ничего не делая ради спасения, по сути, получают прощение от Господа. Христос был послан ради спасения в противовес человеку, который впустил грех в природу людскую – Адаму.

Поскольку прощение есть усилие воли, в фильме ярко показано, что оно необходимо возможно, ведь Иисус Христос, претерпевая невыносимое в последние 12 часов земной жизни все равно прощает каждого: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают!», - восклицает Сын Божий в одной из сцен фильма. Будучи на кресте вместе с двумя грешниками, мы наблюдаем как один из них раскаивается в своих прегрешениях, говорит Иисусу о возникшей вере в Него и в Бога-Отца, что Сын Божий достоин восседать рядом с Ним, но он сам – грешник – не достоин Царствия Небесного. В итоге Иисус прощает грешнику его прегрешения и говорит: «Сегодня ты войдешь в Рай вместе со Мной». Второй грешник только смеется, глядя на это и ему глаза выклевывает ворон. Фильм вызвал множество споров, однако стоит отметить, что каждого зрителя картины пробирает до мурашек видение того, какие страдания претерпел Христос ради спасения человечества.

Также отметим, что еще одним из культурных маркеров сохранения веры в религиозное прощение сегодня остается праздник Прощеного воскресенья. Особенностью такого дня является идея примирения. С психологической точки зрения наличие данного праздника позволяет поступиться личными эгоистичными принципами и примириться с недругом. В православии же идея прощения в этот день исходит от самого Господа, поскольку при исполнении прощения соблюдается особый ритуал: верующие, просящие прощение в ответ, слышат фразу «Бог простит, и я тебя прощаю». Именно эти слова сохраняют заповедь Христа о любви к ближнему.

Очень интересно, что история такого действия коренится в монашеской жизни. Перед Великим постом монахи часто отправлялись в уединение в пустыню на весь период поста. Некоторые из них не возвращались. Поэтому начала складываться традиция просить друг у друга прощение за содеянное на

случай последней встречи. Данная традиция помогала открыться не столько перед *другим* в своей праведности, сколько перед самим Богом.

Хочется отметить, что идеи Прощеного воскресенья можно встретить и в литературе. Например, роман И. Шмелева «Лето Господне», в котором представлены многообразные праздники, одна из глав посвящена Масленице и Прощеному воскресенью. Сюжет главы показывает нам особенность русской ментальности и смены настроений от одного праздника к другому. Более того, веселье сменяется скорбью, грустью. По обычаю Масленица заканчивается веселыми настроениями, идеей прощеного воскресенья, ведь впереди долгий пост.

«Поздний вечер. Заговелись перед Постом. Завтра будет печальный звон. Завтра – «Господи и Владыко живота моего...» – будет. Сегодня «прощеный день», и будем просить прощенья: сперва у родных, потом у прислуг, у дворника, у всех. Вассу кривую встретишь, которая живет в «темненькой», и у той надо просить прощенья. Идти к Гришке, и поклониться в ноги? Недавно я расколол лопату, и он сердился. А вдруг он возьмет и скажет – «не прощаю!»? Падаем друг дружке в ноги. Немножко смешно и стыдно, но после делается легко, будто грехи очистились»¹⁵.

Прощение дается человеку верующему. Однако, для того чтобы воссоединиться с Богом и открыть свою истинную сущность, человеку необходимо и самому научиться прощать. Это одно из самых важных составляющих Божественного прощения. Что значит прощать согласно православной традиции христианства? Здесь стоит обратиться к этимологии. «Прощение связано с корнем "прост", "прощ", который означает "то, что прямое". Простой – значит прямой, прощать – значит выпрямлять»¹⁶. Иными словами, прощая, человек убирает всяческие препятствия на своем пути к Богу. Лукавить, обманывать, идти против Господа – значит делать свой жизненный

¹⁵ Шмелев, И. Масленица С. 73. [Электронный ресурс]. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Shmelev_Leto_Gospodne.pdf. (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁶Что такое прощение. Молитвенно-проповедническая встреча (воскресник) / Православная община. – 1999. – № 49. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1999/no49/article/chto-takoe-proshchenie-molitvenno-propovednicheskaja-vstre/> (дата обращения: 30.04.2023).

путь далеким от праведности и постепенно удаляющим личность от Него. По сути своей, следовать таким жизненным установкам означает искривлять свою человеческую природу. Прощать нужно в тот момент, когда о прощении просят, и даже тогда, когда в нем, казалось бы, не нуждаются; прощать нужно тогда, когда кажется, что простить просто невозможно, ибо тогда прощение носит характер истинного. Все это дает возможность для того, чтобы и прощающий был в свою очередь прощен Богом. Ведь мы понимаем, что всепрощением человек обладать не может в силу своей телесной природы, но Бог – Всепрощающий. Поэтому, согласно таким размышлениям, прощение как процесс предстает не просто как осознанность его сложности, но как необходимость и правильность, а обида представляет собой не что иное, как грех. Если обиды люди простить друг другу могут, то грех может простить только Бог. «Ибо возмездие за грех – смерть»¹⁷ (Рим. 6:23).

Необходимость в прощении возникает для того, чтобы освободить человека от «земных пут», от неправедного и расчистить для него дорогу к Богу. Одной из причин, мешающих прощению проявиться, можно назвать обиду. В православной христианской традиции обида ассоциируется с грехом, поскольку накопление этого чувства порождает в личности неспособность прощать, т.е. обида есть источник непощения. Последнее также отдаляет личность от Господа. Обида делает людей несвободными, зависимыми от внутренних негативных чувств. Поэтому преодоление обид есть освобождение. Особенность христианского прощения заключается в отказе от самообмана, будто обиды или злости никогда не было и нет в определенный момент. Напротив, оно требует четкого признания зла и осознанного отказа от него. «Прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил нас»¹⁸ (Еф., 4:32). В прощении свобода обретается не только тем, кто прощает, но и тем, кого прощают. Единение истинной человеческой природы с природой Бога происходит только в акте прощения, поэтому обида воспринимается не столько

¹⁷Библия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁸Там же.

социальным препятствием во взаимоотношениях с людьми, сколько моментом, отдаляющим человека от Господа. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших»¹⁹ (Мф., 6:14-15).

В понимании христианских представлений чувство обиды опирается на понятие несправедливости, но прощение есть справедливость. Однако, когда человек обижен, ущемлен в его понимании совершается несправедливость. Первые эмоциональные послы говорят обиженному человеку, что он может восстановить равновесие и справедливым будет ответить на обиды, но только не прощением, но негативными ответами, то, что обычно называют мстью. «Поэтому обиженный человек, в принципе, забывает, что он христианин, что он призван к любви и прощению. Он как бы может позволить себе все что угодно. Вот чем еще это плохо»²⁰.

Речь даже не столько о реальности самого факта причинения вреда, сколько о реальности самого переживания. С одной стороны, наличие некоторой реакции на нанесенные обиды вполне оправдано. Однако это опасно тем, что в этой «негативщине» можно осесть и не вырваться. Необходимо соблюдать баланс между здоровой реакцией и неуместным желанием отомстить обидчику.

Обида авторами воспринимается как подавленный гнев, сдерживающий мгновенную реакцию на агрессию²¹. Христианское мировоззрение связывает обиду с понятием гордыни. Как мы все знаем, последнее есть тождественность греху, и посему обида также должна расцениваться как грех. К тому же грехом будет считаться нежелание человека прощать другого, поскольку единение с божественной природой возможно лишь в полной актуализации своей

¹⁹ Библия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 30.04.2023).

²⁰ Что такое прощение. Молитвенно-проповедническая встреча (воскресник). / Православная община. – 1999. – № 49. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1999/no49/article/chto-takoe-proshchenie-molitvenno-propovednicheskaja-vstre/> (дата обращения: 30.04.2023).

²¹ Ярасова Н., прот. Свечников Дионисий. Обида: истоки, признание, прощение. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/obida-istoki-priznanie-proshhenie> (дата обращения: 30.04.2023).

сущности, т.е. того, что изначально завещал Господь, а именно – умение простить. «Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же»²² (Рим., 2:1). Для того чтобы такое умение взрастить в своей душе, необходимо понимание собственного несовершенства и признание своей вины, понимание, таким образом, единения с *другими*. Лишь преодолевая такое препятствие, как признание в собственной виновности, можно перейти к пониманию прощения. Прощать необходимо за что-то, факт нанесения обиды. В том случае, если вы готовы пойти на шаг обвинения *другого* в причинении вам обиды, тогда и наступает момент в необходимости прощения²³.

Прощение есть дар. Однако это осознанный дар. Его не нужно заслуживать, но его необходимо научиться принимать и отдавать. Для взращивания такого умения православная традиция выстраивает особый праведный путь, который заключается в следующих шагах.

Первый шаг – исповедь. Человек должен признать свои прегрешения, признаться в них Богу. Искреннее раскаяние всегда найдет прощение со стороны Творца.

Второй шаг – покаяние. Здесь должно проявиться стремление личности к изменению. Человек должен не просто раскаяться в своих грехах, но отвернуться от них.

Третий шаг – прощение окружающих. Если человек не может простить *другого*, значит, он не понимает ценность и смысл прощения, что автоматически отдаляет его от Отца Небесного и не дает возможности принять прощение свыше²⁴. «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте

²²Библия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblija/> (дата обращения: 30.04.2023).

²³Ярасова Н., прот. Свечников Дионисий. Обида: истоки, признание, прощение. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/obida-istoki-priznanie-proshhenie> (дата обращения: 30.04.2023).

²⁴Библия о прощении. Каковы условия для получения прощения? [Электронный ресурс]. URL: http://uspenie-kamishin.prihod.ru/tak_govorit_biblija/view/id/1153071#:~:text=Прощение%20-%20это%20акт%20извинения,нанесённую%20обиду%20С%20причинённую%20боль%3В%20примирение (дата обращения: 30.04.2023).

проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...»²⁵ (Мф. 5:44).

Таким образом, *мотивы* религиозного прощения кроются как во внешних проявлениях, основанных на совершенствовании отношений между людьми, так и во внутренних, которые устремлены на единение с самим собой и Божественным началом. Прощение дарует человеку радость, очищение от грехов, способность к самопрощению, умение прощать окружающих и т.п. Непрощение же, напротив, не только воздвигает преграды между человеком и Творцом, но и мешает общению между людьми, отдаляет их друг от друга. Познать значимость *другого* можно лишь тогда, когда осознаешь собственную. В этом помогает религия, в частности христианство. Поэтому можно говорить, что роль прощения, согласно некоторым религиозным учениям, заключается в освобождении личности от душевных терзаний, принятии себя и окружающих.

Прощение учит смирению, состраданию, милосердию. Отвернуться от просящего прощения ближнего – значит отвернуться от Бога. Очень интересно, что, если в обычной бытовой жизни прощение можно даровать, но при этом отпустить человека и больше никогда не желать его видеть, то в религиозном видении такое действие ничем не лучше непрощения. Религиозное прощение есть прощение всестороннее, безусловное и безоговорочное. Простить здесь значит сохранить отношения с обидчиком, который обидчиком уже, по сути, не является. Сохранение отношений, получается, важный момент религиозного прощения. В противном случае, отворачиваясь от ближнего, мы также совершаем грех. Поэтому, несмотря на то что мотивы религиозного прощения и основываются на представлении о посмертном существовании, все же имеет место быть и практическая составляющая повседневной жизни человека.

Эзотерические учения основываются на некотором запредельном, недоступном всеобщему пониманию способе восприятия реальности. В своей совокупности такие знания имеют множество проявлений в виде магии,

²⁵Библия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 30.04.2023).

алхимии, астрологии, суфизма, теософии и т.п. Интерес к эзотерическому, который не утихает и сегодня, мы находим уже в философии древних греков (Пифагор, Платон). Эзотерические знания также не обходят стороной проблему прощения. Они показывают как духовную, так и практическую ценность умения человека прощать. Если говорить об эзотерике и религии, то можно смело говорить, что мы можем найти множество общих моментов в, казалось бы, совершенно не сопоставляемых видах знания. Обратим внимание, что и религия, и эзотерика показывают величие внутреннего мира человека, в вопросе о прощении они показывают нам не просто возможность, но непреодолимую необходимость прощать. Более того, и в религии, и в эзотерическом знании прощение есть внутренняя сила каждого человека. Однако, путь к прощению в эзотерических учениях отличается от религиозного учения. Рассмотрим несколько интересных авторов-эзотериков, что понять их взгляды на природу прощения.

Ошо – один из известнейших эзотерических авторов. Его главная идея – становление нравственного человека, несущего благодать в реальный мир через собственный пример. Особенность прощения в учении Ошо – его парадоксальность. Если многие исследователи считают, что прощение необходимо заслужить, то эзотерик считает, что прощение возможно в его невозможности. Иными словами, прощение должно дароваться тому, кто его не заслуживает. Поэтому прощение Ошо носит характер индивидуалистский, т.е. такое прощение, которое обращает внимание не столько на обидчика, сколько на самого прощающего. Здесь на первый план выступает сама способность обиженного к прощению обидчика. Для того чтобы найти в себе силы прощать *другого*, должно подключиться не только сознание, но и подсознание. Последнее актуализируется с помощью практик медитации, основа которой – дыхание. Человек сейчас, по мнению Ошо, живет неистинно и неполноценно. Невозможно выйти на путь самосовершенствования, постоянно цепляясь за прошлое. Человек сам способен на изменение своей природы. Чтобы мир пребывал в гармонии, к внутренней гармонии должен

прийти сам человек. Философ призывает к ответственности за существующий мир²⁶. Отметим, что идея Ошо о новом человеке очень похожа на идею сверхчеловека Ф. Ницше.

Таким образом, прощение для Ошо есть принятие другого человека таким, каков он есть на самом деле, без прикрас, его не осуждение. Прощение означает любовь. Истинное прощение не имеет никаких условий, обвинений и оправданий. Если вы обвиняете, осуждаете кого-то, потом понимаете и прощаете – ваше прощение ложно. По сути, уже изначально не должно быть никаких обид. Прощение становится призрачным, потому что, если нет обид, значит и прощать не за что. Все люди должны примириться с настоящим, с *другим*.

Однако человеку свойственно ошибаться. Поэтому, если ты сам чувствуешь за собой вину – стоит искренне просить прощения. Однако после этого необходимо осознать эти ошибки, дабы их больше не совершать. Прощение есть благо и для обидчика, и для прощающего, потому что оно дает возможность прикоснуться к божественному, с одной стороны, потому что прощение божественно, и прочувствовать скромность – с другой, потому что просить прощение, значит отказаться от собственного эгоизма.

Дж. Ямпольский – доктор медицинских наук, известный психиатр. Однако его работа «Прощение: величайший целитель» относится к области эзотерических учений. Можно отметить, что данная работа являет собой идеи, стоящие на пересечении религиозных и психологических размышлений о практике прощения. Главная особенность рассуждений автора заключается в попытке научить людей обрести гармонию в отношениях с окружающими благодаря практике принятия себя²⁷. «Исцеление – это та настоящая работа, которую вы призваны делать здесь, на этой планете. Мы все явились сюда для того, чтобы исцелить друг друга – исцелить друг друга от каждой ошибочной

²⁶ Орлова Л. Ошо. Основные идеи, учения и теория. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/21154/ogl.shtml> (дата обращения: 30.04.2023).

²⁷ Ямпольский Дж. Прощение: величайший целитель. Серия «Беседы с Богом». София, Гелиос АРВ, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.avatargroup.ru/Biblioteka/Dzheraljd_Yampoljski_-_Proschenie-velichajshij_celitelj.aspx (дата обращения: 30.04.2023).

мысли, от каждой идеи, от каждой ограничивающей или пугающей концепции, которая не дает нам ощутить себя теми, Кем Мы Являемся На Самом Деле»²⁸.

Автор работы «Прощение: величайший целитель» нередко обращается к понятию Бога, что показывает на близость с религиозными учениями, но также можно заметить, что Дж. Ямпольский обращается к образу Вселенной, что говорит об эзотерическом характере его произведения. Автор показывает, что природа человека неидеальна. Каждая личность способна совершать ошибки, быть невнимательной по отношению к окружающим. Поэтому для того, чтобы стать Тем, Кем Являешься На Самом Деле, необходимо прежде всего научиться прощать себя. В феномене самопрощения раскрывается не только природа прощающей личности, но и природа другого, которого учишься воспринимать наподобие себя. По мнению Дж. Ямпольского, неумение прощать приводит к страданиям, причиняемым себе и окружающим²⁹. Так же как в размышлениях В. Янкелевича, автор «Прощения: величайшего целителя» считает, что прощение всегда устремлено в будущее. По его мнению, прощение не может быть дискретным, о нем нельзя размышлять, но даровать в момент здесь и сейчас. Однако же в процессе жизни всегда приходит желание обвинить какого-либо *другого* в совершении неправильного поступка, а значит снова и снова будет возникать необходимость в прощении³⁰. Получается, что прощение не может быть законченным актом на протяжении жизни человека, но всегда есть свершенное действие в определенный момент времени.

Дж. Ямпольский считает, что человек заблуждается по поводу прощения, поскольку оно не есть акт вежливости, оно не есть простое забывание обиды, поскольку человек склонен к ним возвращаться в своей памяти, цепляться за них. Прощение призвано показать истинную природу человеческой сущности, которой является любовь. «Прощение – величайший целитель, который позволяет нам почувствовать себя едиными друг с другом и со всем тем, что

²⁸Ямпольский Дж. Прощение: величайший целитель. Серия «Беседы с Богом». София, Гелиос АРВ, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.avatargroup.ru/Biblioteka/Dzheraldj_Yampoljski_-_Proschenie-velichajshij_celitelj.aspx (дата обращения: 30.04.2023).

²⁹Там же.

³⁰Там же.

составляет жизнь»³¹. Хочется отметить, что эти идеи автора весьма сходны с христианской заповедью «Возлюби ближнего», которая показывает великую силу любви и прощения. К тому же идеи Л.Н. Толстого показывают нам природу прощения как идеи доброты и любви. Однако Дж. Ямпольский, на наш взгляд, пытается внести более масштабный смысл в идею прощения, который указывает на безграничные возможности самого прощения, способного изменить весь мир. «Прощение – это процесс трансформации»³². С изменения внутреннего мира, с борьбы со своим эго происходит непосредственное изменение мира внешнего, считает автор.

В своих рассуждениях Дж. Ямпольский раскрывает ступени на пути к прощению. Первая ступень – подготовительная. На этом этапе необходимо научить себя и свое сознание пребывать в гармонии и спокойствии. Для этого подойдет молитва или медитация. Здесь необходимо научиться не просто осознавать потребность или необходимость в прощении, а понимать последствия того выбора, который совершается, – прощения или непростения. На этой ступени необходимо научиться любить себя, окружающих и отбросить чувства стыда, страха и вины. Все это происходит небыстро, но и торопить себя не стоит, считает автор³³.

Вторая ступень – практическая. Теперь необходимо научиться делать выбор в пользу прощения. Дж. Ямпольский считает, что практика прощения начинается в тот момент, когда человек находит в себе силы обратиться за помощью к тем высшим силам, в которые он верит, чтобы научиться превратить негативные эмоции в чувство любви к *другому*. Происходит некоторого рода изменение отношения к обидчику, которого сначала (возможно) личность могла не любить, относится предвзято из-за совершенного проступка, однако постепенно принимает его, прощает и

³¹Ямпольский Дж. Прощение: величайший целитель. Серия «Беседы с Богом». София, Гелиос АРВ, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.avatargroup.ru/Biblioteka/Dzheraldj_Yampoljski_-_Proschenie-velichajshij_celitelj.aspx (дата обращения: 30.04.2023).

³²Там же.

³³Там же.

начинает любить³⁴. Как можно заметить, автор находит в особенности прощения внутренний стержень, обеспечивающий целостность человека. Он не позволяет негативным эмоциям разрушить личность человека. Мы находим очень сходные идеи с религиозным подходом, который также провозглашает прощение как идею проявления любви. «Прощение – это мост к Богу, любви и счастью. Это мост, который позволяет нам попроситься с виной, обвинением и стыдом. Он учит нас тому, что любовь – это избавление от страха»³⁵.

С.Н. Лазарев в трудах показывает свое видение человеческих отношений и проблемы прощения. Автор полагает, что отсутствие прощения – это в первую очередь разрушение собственной личности³⁶. По мнению С.Н. Лазарева основой жизни и единственным значимым фактором формирования личности служит любовь. Привязанность к материальному, углубленность в чувственное наслаждение приводят к тому, что любовь забывается, теряется среди материального многообразия, а значит, человек начинает терять себя. Если не чувствовать любви, легко можно поддаться на ухищрения судьбы и своих обидчиков, поддаться провокациям и «познать на вкус» негативные эмоции, поселить их в своей душе. Необходимо понимать, что молниеносная оценка проступков с точки зрения правильно и неправильно может повлечь за собой неверные выводы относительно прощения или непростения. С.Н. Лазарев утверждает, что сознание человека и его чувства не стоят на месте, но развиваются вместе с человеком. Поэтому на одну и ту же ситуацию можно посмотреть по-разному в разный момент времени. Молниеносные суждения в порыве гнева, например, или отчаяния не есть правильные суждения, напротив, автор приравнивает их к заболеваниям. Судить *другого* не осмыслив ситуацию означает принять остановку в собственном развитии³⁷. Получается, что и обвинение, и прощение не могут

³⁴ Ямпольский Дж. Прощение: величайший целитель. Серия «Беседы с Богом». София, Гелиос АРВ, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.avatargroup.ru/Biblioteka/Dzheraljd_Yampoljski_-_Proschenie-velichajshij_celitelj.aspx (дата обращения: 30.04.2023).

³⁵ Там же.

³⁶ Лазарев С.Н. Диалог с читателями. [Электронный ресурс]. URL: https://bookap.info/okolopsy/lazarev_dialog_s_chitateljami/gl4.shtml (дата обращения: 30.04.2023).

³⁷ Там же.

быть мгновенно принятыми решениями и есть не только работа души и чувств, но и работа разума. Именно поэтому автор призывает прощать обидчика, особенно если от него исходит искреннее раскаяние.

Относительно категории прощения С.Н. Лазарев в работе «Диалог с читателями» выводит несколько его определений:

«1) признание Божественной воли в том, что произошло, то есть ненависть, обиды, претензии становятся бессмысленными;

2) сохранение любви к тому, кто обидел, то есть страхи, уныние, сомнения тоже неуместны;

3) это готовность помочь *другому* измениться»³⁸.

Как мы можем заметить, основой прощения для этого автора является не столько заикленность на вине и отказ от всяческих претензий за нее, сколько именно любовь как интенциональный акт, направленный на *другого*. Высшая степень любви – любовь к Богу. И если стремление к идеалу присутствует в жизни развивающейся личности, тогда эта любовь должна распространиться на окружающих, что и выражается в практике прощения. Однако отметим, что простое непротивленчество в духе Л.Н. Толстого и пассивное отношение к *другому*, проявляющееся лишь в самом прощении и любви к нему, не есть ступень к прекращению обид. Автор полагает, что нанесение обид человеком приумножается, если не помочь ему исправиться. Другими словами, если кто-либо совершает маленький проступок, при этом не получая никаких посылок от общества для прекращения подобного, тогда он совершает проступки все большие и большие. Поэтому необходимо не просто простить обидчика, но показать ему путь к исправлению³⁹. Именно поэтому необходимо проявлять активность в общении с людьми, научать их способности прощать, не причинять обид и т.п. Такое научение может исходить в первую очередь из собственного примера. Не стоит ненавидеть обидчика, наоборот, необходимо сохранить любовь к нему. Такой посыл

³⁸ Лазарев С.Н. Диалог с читателями. [Электронный ресурс]. URL: https://bookap.info/okolopsy/lazarev_dialog_s_chitateljami/gl4.shtml (дата обращения: 30.04.2023).

³⁹ Там же.

очень напоминает христианскую идею о неведении, т.е. незнании собственного греха. Люди, склонные к проступкам, не понимают всей негативной сущности этих проступков и их отрицательного влияния на окружающих и на них лично. Значит, нужно научить таких людей действовать иначе. Таким видится нам послыл С.Н. Лазарева.

Автор показывает, что природа человеческая всегда суть Божественна и ничто это не изменит – никакие обиды и проступки. Однако нужно помнить, что нет идеальных людей, все со своими изъянами. Но это вовсе не значит, что человека невозможно научить добру. Изменяя себя, можно изменить мир вокруг, считает автор. И здесь все тот же послыл: нужно начать с изменения себя, своего сознания и отношения к окружающему миру, тогда внешние изменения не заставят себя ждать⁴⁰.

Если люди начнут меняться, тогда родится человек будущего. С.Н. Лазарев в своей работе «Человек будущего» настаивает, что необходимо помнить о том, что связь внутреннего и внешнего, т.е. духовного и физического, более чем реальна. Именно отношение к окружающей действительности выстраивает то, как будет складываться жизнь человека. Если постоянно думать обо всем в негативном ключе, всем завидовать и роптать на несправедливость, жизнь и будет несправедливой. Если же начать меняться, работать над собой, позитивно оценивать свое окружение, жизнь изменится в лучшую сторону. Однако здесь стоит сделать оговорку: только мышление не может изменить внешнее. Для того чтобы все сдвинулось с мертвой точки, необходимо приложить и физические усилия. Именно поэтому душа и тело суть единство⁴¹. К тому же автор считает, что всяческое человеческое изменение основывается на отрешении от всего человеческого и устремлении к Богу⁴².

⁴⁰ Лазарев С.Н. Диалог с читателями. [Электронный ресурс]. URL: https://bookap.info/okolopsy/lazarev_dialog_s_chitateljami/gl4.shtml (дата обращения: 30.04.2023).

⁴¹ Лазарев С.Н. Человек будущего. Первый шаг в будущее. [Электронный ресурс]. URL: <https://knigogid.ru/books/65804-chelovek-buduschego-pervyy-shag-v-budushee/toread/page-5> (дата обращения: 30.04.2023).

⁴² Лазарев С.Н. Пособие по выживанию. [Электронный ресурс]. URL: https://bookap.info/okolopsy/lazarev_posobie_po_vyzhivaniyu/gl2.shtml (дата обращения: 30.04.2023).

В. Синельников – еще один автор, работы которого можно отнести к эзотерическому жанру. Дело в том, что в своих работах В. Синельников, так же как Ошо, Дж. Ямпольский и С.Н. Лазарев, показывает особую силу подсознания человека. «Важно не то, что говорит человек. Говорить можно что угодно. Важно то, во что он верит. Какие мысли-образы царят в его душе, в его подсознательном разуме»⁴³. Автор формирует особый алгоритм поведения людей, который выстраивается в такой последовательности: слово – образ – чувства, эмоции – действия – жизнь⁴⁴. По мнению В. Синельникова, получается, что внутренние намерения относительно любого элемента окружающей действительности, в том числе и человека, превращают их именно в то, во что верит сама личность. Как следствие, осмелимся предположить, если об обидчике постоянно думать в негативном ключе, возвращать в памяти образ злостного преступника, он навсегда таковым для нас и останется. Однако если трансформировать свое отношение к нему в лоне любви, сострадания и прощения, тогда отношение к нему изменится. И возможно, благодаря такому акту доброй воли произойдет изменение в самом обидчике.

Стоит отметить, что изменение собственных мыслей и эмоций по отношению к чему-либо или кому-либо происходит достаточно сложно. Этому следует длительная практика научения. Цель такого научения – понять, что приводит к негативным мыслям, принять их, а затем перенаправить в положительное русло, чтобы они не были помехой для счастливой жизни⁴⁵. Для того чтобы стать на путь принятия своих мыслей и трансформации их в позитивном ключе, необходимо научиться любить и себя, и окружающий мир. Именно на понятии любви строится отношение к миру, к *другому*. «Любовь – это чувство, которому нужно открыться»⁴⁶. Сама любовь, по мнению автора,

⁴³ Синельников В. Таинственная сила слова. Формула любви. Как слова влияют на нашу жизнь. С. 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://readnow.me/k/tainstvennaya-sila-slova-formula-lyubvi-kak-slova-vliyayut-sinelnikov#tx> (дата обращения: 30.04.2023).

⁴⁴ Там же, с. 12.

⁴⁵ Там же, с. 28.

⁴⁶ Там же, с. 48.

есть положительная, созидательная энергия. Ее не нужно путать с привязанностью, пристрастием или обладанием. Все это лишь разрушает любовь на корню. «Любовь – это созидание, сотворение себя для процветания жизни в окружающем мире»⁴⁷. Поэтому необходимо начинать от любви к себе и продолжать ее, даря любовь окружающему. Стало быть, чтобы простить *другого*, необходимо научиться прощать и себя самого. Всяческое отношение к внешнему основывается на прямом отношении к себе. И действительно, как можно научиться уважать других, если не уважать самого себя.

В. Синельников предлагает некоторую модель, которая должна научить человека любить себя и других. Эта модель состоит из трех шагов, которые показывают, как можно трансформировать сознание человека, его мировоззрение.

Итак, самое главное — это похвалить себя. Для того, чтобы иметь возможность любить окружающих и поступать по отношению к ним положительно, необходимо научиться любить себя⁴⁸. Удивительно, но многие люди в действительности не знают, что такое относиться к себе с любовью. Они не чувствуют себя в гармонии с самим собой, своим телом и, как следствие, не могут уверенно контактировать с другими людьми. Любить себя означает принимать себя, ухаживать за собой, реализовывать себя, иными словами, происходит полное осознание собственной ценности.

После того, как человек себя смог полюбить, необходимо полюбить *другого*. Этот шаг называется «Похвальное слово другим».⁴⁹ Этот шаг нужен для того, чтобы выделять в людях не плохие, но только хорошие качества. Когда искренне делаешь комплименты *другому* не только самому себе говоришь о его ценности, но и учишь этого *другого* ценить себя.

⁴⁷ Синельников В. Таинственная сила слова. Формула любви. Как слова влияют на нашу жизнь. С. 51. [Электронный ресурс]. URL: <https://readnow.me/k/tainstvennaya-sila-slova-formula-lyubvi-kak-slova-vliyayut-sinelnikov#tx> (дата обращения: 30.04.2023).

⁴⁸ Там же, с. 53.

⁴⁹ Там же, с. 53.

Заключительный шаг трансформации личности — это «Похвальное слово от другого себе»⁵⁰ Этот шаг требует от человека действовать, т.е. совершать поступки, в том числе и для других людей, чтобы у них возникало желание говорить комплименты уже в адрес этого человека. Таким образом замыкается круг понимания самооценности человека и его ценности для окружающих. Все это способствует восстановлению баланса между внутренним миром человека и окружающей действительностью. Также таким образом можно обрести целостность собственного я.

Таким образом, автор учит человека гуманности по отношению к *другому*, которая строится на проявлении доброты и любви. Сделаем вывод, что и прощение относится к такому проявлению любви к *другому*, к которому призывает В. Синельников.

Как мы видим, практики эзотерических учений имеют прикладной характер и направлены на трансформацию мировоззрения человека. Главное, к чему стремятся представители эзотерики – изменение практической жизни людей. Для того, чтобы это стало возможным, существуют определенные техники, которые способны приучить или научить человека, в первую очередь, менять отношение к самому себе и принимать собственную личность. Первостепенное значение имеет как раз таки способность человека принимать себя, прощать себя, что дает основания для понимания и принятия *другого*. Таким образом, практика самопрощения опять-таки выступает некоторым первоначальным моментом для научения способности прощения *другого*.

⁵⁰Синельников В. Таинственная сила слова. Формула любви. Как слова влияют на нашу жизнь. С. 53. [Электронный ресурс]. URL: <https://readnow.me/k/tainstvennaya-sila-slova-formula-lyubvi-kak-slova-vliyayut-sinelnikov#tx> (дата обращения: 30.04.2023).

1.2. Метафизика прощения в философии XX века

Проблема прощения становится наиболее задействованной в поле зрения исследователей в XX веке. По мнению Д.А. Томильцевой, именно в это время интерес к данному феномену возникает в силу активного использования публичной практики прощения⁵¹. Философия – одна из областей исследования, которая также активно проявляет интерес к настоящей проблеме.

Одним из возможных путей в рассмотрении вопроса, касающегося феномена прощения с точки зрения философии, можно предложить краткий анализ некоторых нравственно-философских позиций как с точки зрения традиционного их значения, так и относительно современного состояния общества, а именно идея непротивления злу силой Л.Н. Толстого и противоположная мысль И.А. Ильина, т.е. идея сопротивления злу силой, с одной стороны, и идея возможности и невозможности прощения, с точки зрения В. Янкелевича и П. Рикера, с другой. Отметим, что позицию И.А. Ильина мы рассматриваем вне политических воззрений, но лишь как идею, которая противостоит толстовцам в отношении вопроса о прощении, а также резонности наказания в практике прощения. Такая возможность рассмотрения исследуемого явления предполагает проведение аналогии между заявленными позициями мыслителей, в том числе между основными моральными категориями прощения/непрощения, добра/зла, наказания/беснаказанности. Используя идеи заявленных философов, можно не просто провести соотношение данных позиций относительно понимания категории прощения, а исследовать актуальность таких воззрений и сегодня.

Противоречивость, характерная как для общественного сознания, так и для деятельности индивида, заключается в том активном компоненте человеческого «я», который стремится изменить все вокруг и все, что находится внутри него самого, а также в стремлении оправдать свои действия, что и порождает отчуждение самости человека. На сегодняшний день в связи

⁵¹Томильцева Д.А. Опыт прощения: социально-философский анализ // Известия Уральского гос. ун-та. Серия 3 «Общественные науки». 2010. № 1 (73).

с множеством разнообразных социальных проблем возникает вопрос том, чтобы в настоящих реалиях оставаться самим собой, не иметь разногласий в собственной душе. Если подумать, то можно прийти к выводу, что проблема взаимоотношений людей, которая принадлежит области морали, как проблема гуманности и человеческой добродетели, показывает нам то, что отношения никоим образом не должны быть основаны на выгоде и использовании *другого*. Единственное, что должно быть базисом всяких отношений в этом плане, будет уважение. Иными словами, теперь в рассуждении необходимо должен присутствовать взгляд на такие категории морали как добро и зло, поскольку проблема заключается в понимании ценности *другого* и отношений с ним. На наш взгляд, именно в рамках дихотомии этих нравственных категорий возможно переосмысление тех фундаментальных характеристик личности, с помощью которых человек может понимать (и принимать) свое место в мире, обрести свою истинную экзистенцию. С этой позиции мы воспринимаем прощение именно как добро, а обиду – как зло. Обида, в свою очередь, здесь рассматривает не как способность человека обижаться, но как действие субъекта, т.е. нанесение ущерба, вреда *другому*.

Проблема прощения настолько широка, что уже давно является предметом анализа многих областей научного знания, приобретая статус междисциплинарной проблемы. Она находит свои основания не только в религиозном дискурсе, но и в философии, политологии, психологии, этике, а также в современной коммуникативистике. Однако если подразумевать, что межличностное общение представляет собой совокупность положительных и отрицательных моментов, то можно предполагать необходимость умений выхода из таковых критичных ситуаций путем их разрешения. Одним из таких способов разрешения конфликтов и выступает процесс примирения благодаря практике прощения. Стоит отметить, что М.Р. Холмгрен полагает, что человек при всем многообразии отношений всегда выражает свою позицию к вопросу

прощения⁵². Иными словами, человек либо прощает другого, либо – не прощает.

Для того, чтобы более подробно рассмотреть светские основания прощения обратимся к области философского знания. Однако ограничим поле наше исследования здесь философией XX века, чтобы показать одни из наиболее ярких, позиций в отношении вопроса о прощении и попробуем понять их значимость сегодня. В качестве примеров представлены учения русских Л.Н. Толстой и И.А. Ильин) и зарубежных (П. Рикер и В. Янкелевич) мыслителей. Хотелось бы отметить, что русская философская, на наш взгляд, мысль говорит о прощении в контексте его необходимости, в то время как зарубежная – в идее возможности прощения.

Можно выделить некоторые моменты, описывающие философию непротивления: идея свободы; опрощения, или обмирщения; образ святости, юродства и мудреца. К тому же, все творчество писателя пропитано его философскими идеями и в хронологическом порядке отображают его мировоззренческие трансформации.

На первый взгляд несложно найти общие основания в идее непротивления Л.Н. Толстого и христианском видении феномена прощения. А. Мень говорит о писателе как о великом человеке. К тому же, когда он говорит о Л.Н. Толстом, указывает на то, что он не просто автор, но мыслитель. Разумеется, его философия не находит отклика в душе каждого человека, однако каждый из нас может отдать должное Л.Н. Толстому за то творчество, которое он оставил нам в наследство⁵³.

Ранее мы уже говорили об особенностях понимания этого явления в лоне христианского мировоззрения и теперь подробнее рассмотрим, как писатель внедряет его в свою философию. Итак, стоит отметить, что Лев Николаевич, претерпевая мировоззренческие трансформации, которые, наверное, можно

⁵²Летов, О.В., Холмгрен М.Р. Прощение и внутренние ценности личности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3 «Философия: реферативный журнал». 1995. № 3. С. 64.

⁵³Мень, А. Беседа об искуплении // Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы. [Электронный ресурс]. URL: http://alexandriem.ru/books/mdc/mdc5_08.html (дата обращения: 30.04.2023).

сравнить с экзистенциальным кризисом, совершенно осознанно меняет свою праздную жизнь на умеренный быт, подобно человеку, преисполненному верой. Отсюда, в жизни Л.Н. Толстого можно условно выделить несколько периодов. Период, когда писатель вел безрассудную, посредническую жизнь, которая не имела смысла, и не могла привести ни к чему значимому. Позже, изменив образ своего существования, изменились и приоритеты в жизни автора. Это и выражается в сформулированном им жизнеучении, известном нам как толстовство, или непротивленчество. Не нужно понимать это так, что писатель отрекается от веры, однако же «религиозное своеобразие» ему было свойственно. Например, А. Мень «оправдывает» Л.Н. Толстого, говоря о том, что религиозные взгляды писателя имели особенный характер, напоминающий деизм, не свойственный догматическому вероучению⁵⁴.

Идеи непротивления Л.Н. Толстой находит в Нагорной проповеди Христа и практически дословно принимает эти идеи к собственной мировоззренческой позиции: «Вы слышали, что сказано древними: "Око за око, зуб за зуб". А я говорю вам: "Не противься злому, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду, и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два"»⁵⁵ (Мф. 5: 38-41). В своих рассуждениях Л.Н. Толстой хочет понять, что значит для человека гуманность, нравственность, высшие духовные ценности, поскольку сам писатель материальное как ценность уже отвергает. Другими словами, Л.Н. Толстой задается вопросом: что движет личностью, когда она совершает тот или иной поступок? Ничто иное как ответная реакция, по своему характеру схожая с поступком *другого* или есть иные мотивы?

Мы хотим отметить здесь очень важный момент в понимании русским писателем принципа непротивления, показывающий, как он буквально понимает данный тезис, не учитывая, на наш взгляд, того немаловажного

⁵⁴Мень, А. Беседа об искуплении // Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы. [Электронный ресурс]. URL: http://alexandrmn.ru/books/mdc/mdc5_08.html (дата обращения: 30.04.2023).

⁵⁵Библия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 30.04.2023).

факта, что Бог способен наказывать человека за совершенные прегрешения. При этом искренне раскаявшуюся личность Господь всегда прощает и обязует прощать каждого из нас. Тогда весьма резонным будет вопрос о причине отказа Львом Толстым от факта наказания вообще.

Читая статью «Наше жизнепонимание»⁵⁶, которое принадлежит перу Л.Н. Толстого, можно отметить определенные характеристики непротивленчества. Их достаточно много и значение их сводится к следующему:

1. Самое главное, на что указывает писатель, осознание и принятие того, что душа всегда должна быть превыше тела. Именно душа есть основа жизни, к телу и всему телесному нужно относиться как к временному, тленному. Очень важно, чтобы человек осознал необходимость поддерживать в себе и приумножать это духовное начало.

2. Любовь – чувство, которое объединяет всех людей, потому что все мы обладаем душой. В этом плане все люди равны, а значит нет оснований ненавидеть друг друга и причинять вред.

3. Как следствие из вышесказанного – единственно верный путь для всяческого морального выбора: поступать со всеми ровно таким образом, какое отношение ожидаешь себе в ответ.

4. Очень важным, на наш взгляд, пунктом в непротивленчестве можно назвать именно этот: отрицание всякого рода насилия. Будет оно исходить от одного человека или от нескольких, будет оно проявлением обиды, жестокости или простого наказания – все это есть насилие, которое множит злобу в человеческой душе, а значит неприемлемо в корне. Как мы считаем, именно здесь автор непротивленчества допускает глобальную ошибку, по сути, снимая ответственность за проступки с человека. Апеллируя только лишь чистыми понятиями – добро и зло – Л.Н. Толстой стирает границы между необходимым проявлением жестокости и безрассудным, недопустимым. Преступление, по

⁵⁶Толстой, Л.Н. Наше жизнепонимание. [Электронный ресурс]. URL <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/philosophy/nashe-zhizneponimanie.htm> (дата обращения: 30.04.2023).

сути, он приравнивает к наказанию. Мы, разумеется, придерживаемся другой идеи: наказание не есть насилие, но лишь применение к человеку мер, соразмерных его проступку.

5. Однако, по мнению Л.Н. Толстого, единственным, что может искоренить всяческое зло из мира людей является сила любви. В связи с этим, автор отказывается признавать идею наказания за властными структурами; выступает против отбора имущества, насильственного привлечения к суду и тюремному заключению; против всяческих военных действий; против революционных действий.

Насилие, по мнению писателя, не способно породить ничего хорошего, кроме как еще большего насилия (зла). Бороться с насилием (злом) можно только в том случае, если человек будет в своей жизнедеятельности проявлять закон любви, собственным примером показывать *другим* что значит любить. Отсюда, главная цель, к которой стремится все непротивленчество – создание такого общества, которое будет построено на законе любви⁵⁷.

А.А. Гусейнов, анализируя позицию непротивленчества, отмечает, что сохранение человеческой самости не зависит от внешних проявлений или трансформаций⁵⁸. Иными словами, идея Л.Н. Толстого состоит в отречении от пустых ожиданий от прелестей материального мира, которым человек придает слишком большое значение, и обращении к ценностям духовным, вечным. За всей этой брэнной мишурой личность теряет самое важное – саму себя. В итоге можно наблюдать смену онтологических ориентиров человека, заменяющих ему истинные ценности на привязанность к временному. Может быть, именно по этой причине русский писатель не приемлет никаких негативных проявлений в отношении человека к человеку, пытаясь привить один из самых важных элементов ценностной иерархии – любовь к ближнему, которая зиждется на категории прощения. Л.Н. Толстой неустанно твердит о том, что

⁵⁷Толстой, Л.Н. Наше непонимание. [Электронный ресурс]. URL <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/philosophy/nashe-zhizneponimanie.htm> (дата обращения: 30.04.2023).

⁵⁸ Гусейнов, А.А. Л.Н. Толстой непротивление злу насилием. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/N/10.html> (дата обращения: 30.04.2023).

вся ценность человека кроется в его душе, потому что именно духовное начало питает человека, его волю, дает ему жизненные силы. Тело всего лишь временная оболочка, которая стремится к сиюминутным наслаждениям. Необходимо прислушиваться к зову сердца, а желания и страсти собственного тела не брать во внимание⁵⁹.

К слову сказать, на сегодняшний день можно наблюдать тот же самый процесс, масштаб которого много шире, нежели замечает Л.Н. Толстой. XXI столетие требует от современного поколения умелого приспособления к внешним условиям, которые зачастую формируют новые ценностные установки, отличные от прежних. Разумеется, высшие нравственные идеалы никогда не потеряют своей актуальности, однако можно наблюдать попытки, некоторым образом, эти ценности обойти. Теперешняя действительность показывает нам необходимость в выборе жизненных установок, которые были бы направлены на переосмысление правильности морального выбора и помогали бы, в целом, поступать правильно.

Общество, в котором мы живем, названное Ж. Бодрийяром обществом потребления, яркий пример перехода от духовных приоритетов в сторону привязанностей к материальному. Социальные сети, виртуальное пространство, стирание границ между правильным и неправильным или естественным или неестественным есть ключ к хаотичному восприятию человеческого мира и попытке посеять неверные ориентиры развития общества. Подрыв традиционных ценностей путем показа их неактуальности или устарелого характера маскирует формирование аморального человека под «соусом новой нормальности».

Идеи Льва Николаевича достаточно уместны в отношении того, что молодому поколению нужно прививать, так сказать, «новые старые ценности», а зрелым людям необходимо вспомнить о них. Для этого следует возвращать духовное в человеке, основанием которого могут служить категории любви,

⁵⁹Толстой, Л.Н. Наше непонимание. [Электронный ресурс]. URL <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/philosophy/nashe-zhizneponimanie.htm> (дата обращения: 30.04.2023).

милосердия, гуманности, прощения и т.п. Однако, поскольку современные материальные и духовные трансформации невозможно обойти или не замечать, остается найти способ приспособить некогда актуальные ценности к настоящим морально-этическим установкам современного поколения.

Цель непротивленчества Л.Н. Толстого – практическое преобразование человечества благодаря распространению идеала любви и всепрощения. Стоит отметить, что идея всепрощения в принципе характерна для русской философской мысли. Можно предположить, что нравственным основанием здесь служит золотое правило нравственности, подобное категорическому императиву И. Канта, согласно которому относиться к *другому* необходимо таким образом, какого ожидаешь взамен. Можно выразиться так, что возникает необходимость того, чтобы действия человека не носили характер агрессии, что в философии писателя тождественно категории зла, важно понять ценность всякой личности и отношений между людьми.

«Прощение — нравственное понятие, выражающее требование добровольного отказа за нанесенный моральный ущерб, как милосердное сострадательное отношение к другим людям»⁶⁰. «Также прощение — способ воздаяния добром за зло через примирение, через отпущение грехов, духовное очищение и воссоединение с Богом»⁶¹. Лев Николаевич отказывается от идеи наказания в силу ее несостоятельности. Наказание – значит непростение, а непростение есть зло, так же, как и наказание. «С понятием прощения тесно связано понятие покаяния, нравственный смысл которого означает искреннее раскаяние как избавление от осуждения»⁶². Что значит раскаяться? Мы понимаем это как полное признание вины за свой поступок и, как следствие, признание жертвы в роли этой самой жертвы. Такое осознание связано с тем, что человек перестает воспринимать самого себя как отдельного индивида. Напротив, весь смысл заключается как раз в соотношении себя с обществом.

⁶⁰Толстой Л.Н. и Пушкин А.С. Сопричастность идей, образов, судеб. Материалы XXV международных толстовских чтений, ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1999, с. 170.

⁶¹Там же.

⁶²Там же, с. 171.

Категория зла для Л.Н. Толстого является основанием проявления любой формы насилия. Как следствие, можно понимать, что позиция автора и понятие наказания также будут отождествляться с категорией зла. Отсюда вытекает предположение об абсолютизации непротивлениями понятия прощения: с одной стороны оно есть полномасштабное проявление всесторонней (христианской) любви, а с другой – оно есть добро в полной мере. Автор считает, что если миром должен править закон любви, то необходимо отрицать всяческое посягательство на имущество под любым предлогом, любое насильственное привлечение к суду, право на обучение искусству убивать и искусству войны, а также отрицать всяческое проявление управления людьми⁶³. Однако стоит отметить, что такая трактовка данного феномена, на наш взгляд, не замечает важной проблемы, включающей области непростительного, а также необходимости социальной ответственности за поступки со стороны агрессора. В первом случае отметим, например, исследование Т. Гувье, которая рассматривает категорию непростительного и считает, что существуют особого рода проступки и преступления, которые простить не представляется возможным, иными словами, они являются «абсолютно непростительными».

К таким поступкам автор относит:

А) различного рода убийства, потому что прощать-то, собственно, и некому, поэтому прощение невозможно *a priori*.

Б) такие преступления, которые нельзя измерить какими-либо мерками.

В) всевозможные чудовищные преступления, которые идут вразрез со всякими нормами морали.

Г) такие преступления, вред от которых возместить не представляется возможным.

Д) сюда же относятся преступления, которые становятся причиной колоссальных потерь.

⁶³Толстой, Л.Н. Наше непонимание. [Электронный ресурс]. URL <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/philosophy/nashe-zhizneponimanie.htm> (дата обращения: 30.04.2023).

Е) и в заключении такие преступления, которые будоражат душу каждого, настолько они чудовищны ⁶⁴ . Если выражаться иначе, то к таким преступлениям мы относим убийства с особой жестокостью, преступления серийных маньяков, холокосты и войны и т.п. преступления.

Однако стоит сделать замечание, что здесь автор показывает нам идею «преступник-жертва», что отличает позицию от нашего исследования, но мы не могли не заметить данной работы.

В любом случае возникает вопрос о безусловности всякого прощения. Можно ли говорить о таковом, если существуют области проступков, не поддающихся моральному оправданию. Исследования в данном контексте рассматриваемого вопроса не находят точного и однозначного ответа. Если Л.Н. Толстой убежден в возможности прощения, то, как мы можем замечать, Т. Гувье имеет совершенно противоположное мнение. Однако русский мыслитель в принципе не приемлет понятия непощения и отождествляет его с понятием зла в духе христианских представлений. С точки зрения психологии позиция в отношении прощения говорит о зрелости личности и ее готовности отпустить весь спектр негативных эмоций по отношению к обидчику и признать его снова членом морального общества. В любом случае, как нам представляется, вопрос, касающийся прощения обидчика, есть вопрос личного характера, поскольку право на прощение есть только у жертвы. Однако заметим, что интенциональный акт последнего направлен именно на субъект, т.е. на обидчика, но не на само преступление как таковое. Нет необходимости в оправдании самого преступления, но есть возможность прощения агрессора. Поэтому непротивленчество и предполагает ключевым способом борьбы со злом распространение безусловного категорического прощения каждого, что и станет столпом развития коммуникативной культуры человека. Другими словами, прощение есть способ нравственного самосовершенствования и противостояния злу путем отказа от его

⁶⁴Гувье, Т. Прощение и непрощительное // Этическая мысль. 2004. № 5. С. 98.

приумножения. «Что касается обидчика, то подлинное прощение помогает ему осознать себя как личность, преодолеть в себе негативные черты характера»⁶⁵.

Разумеется, в духе современной тенденции к глобальным коммуникационным изменениям можно предположить неприемлемость позиции толстовцев. Мы понимаем, что Л.Н. Толстой пытается бороться со всяческим насилием в отношении *другого* внутренне, через духовное становление и рост. Писатель отказывается от закона воздаяния «око за око», поскольку такое поведение способно лишь приумножить и без того распространяющееся зло. «Уже само не-участие в насилии есть борьба против него»⁶⁶. Для того чтобы соблюсти данный принцип, Л.Н. Толстой говорит о том, что человек должен сам перестать совершать всяческого рода насилие, не потакать насилию других людей и никогда не поддерживать другого человека, если он помышляет насилие.

Посему стоит помнить о том, что позиция толстовцев, на наш взгляд, не должна быть понята абсолютистки. Современное положение дел требует от каждого человека одного – умения нести ответственность за всякого рода поступки. Однако есть нечто, в чем русский мыслитель прав: необходимо научить человека прощать. Особенно это касается людей цифрового поколения, которое с малых лет активно использует Всемирную сеть и является активным пожирателем любой информации, распространяющейся в виртуальном пространстве, в том числе и негативной. Как следствие, происходит стирание границ между понятиями «хорошо» и «плохо». Происходит деформация функции фильтрации верной информации, с чем, к слову сказать, пытаются бороться. Однако «виртуальный человек» в силу эдакой замкнутости становится особенно инфантильным, поэтому воздействовать на него через социальные сети не составляет труда. Важно использовать все доступные средства современного общества, чтобы помочь человеку приобщиться к

⁶⁵Летов, О.В., Холмгрен М.Р. прощение и внутренние ценности личности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3 «Философия: реферативный журнал». 1995. № 3. С. 65.

⁶⁶ Гусейнов, А.А. Л.Н. Толстой непротивление злу насилием. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/N/10.html> (дата обращения: 30.04.2023).

высшим идеалам и ценностям, которые изначально образуют понятие «человек».

Однако как же научить личность поступать правильно, если сам не знаешь, что будет правильным. Если, по мнению Л.Н. Толстого, прощать – верный выбор, то подвергать кого-либо насилию – совершенно противоположное. Как мы говорили ранее, к насилию автор приравнивает и преступления (убийство, например), но также всякого рода принуждение к действию. Таким образом, исправление общества начинается с саморефлексии. Иными словами, необходимо попытаться исключить из своих поступков все, которые бы каким-либо образом ограничивали *другого* или причиняли ему вред. Необходимо дать шанс человеку исправиться, поразмышлять над своим поведением. Наказание сродни насилию именно потому, что ограничивает человека ставя на нем клеймо виновника, не давая шанс реабилитироваться в глазах общественности. Любовь же, напротив, показывает человеку, что он способен на нечто большее – изменение себя и своей судьбы. Только через себя и собственный пример можно научить другого человека любить, такова позиция толстовцев.

Отсюда можно сделать предположение, что самопрощение учит прощению *другого*, любовь к себе порождает любовь к ближнему и т.п. В соответствии с этим и ненависть к самому себе порождает агрессию в сторону окружающих. С позиции толстовцев, как и нашей, акцент в прощении межличностных отношений не относится к различного рода преступлений (уголовных, административных и т.п.), поскольку всякое преступление необходимо должно быть пресечено наказанием. Но и здесь важно понимать уместность прощения. Человек прощает прежде всего другого человека, не проступок или преступление. Наказание же в первую очередь направлено на преступление и, как следствие, уже на преступника. Поэтому непротивленцы учат любви к человеку и пресечении всякого рода насилия, которое направлено против воли человека.

Таким образом, мы понимаем, что Л.Н. Толстой, казалось бы, пассивную традицию не сопротивляться, но лишь прощать обидчика, выводит в идеальное поведение личности. Главная цель каждого человека не столько в прощении обид, нанесенных *другим*, сколько в научении ближнего прощать обиды во избежание еще большего распространения обид, негативных проступков и зла в целом.

Как следствие, идея правильной жизни, заключающейся в следовании вере и духу. Именно вера, по мнению Л.Н. Толстого, способна снабдить человека силами жить. Вера есть смысл жизни, без которого человек просто-напросто зачахнет. Эту идею мы находим в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей».

Главный герой, князь Степан Касатский, командир лейб-эскадрона кирасирского полка, узнав, что его невеста, графиня Короткова, была любовницей царя, подает в отставку, отказывается от своего состояния, бросает свою возлюбленную и уходит в монастырь. Таким поступком он пытается показать, что презирает всю мирскую жизнь и мирские блага, которые интересовали его и заполняют умы других людей сейчас. Однако, не только это руководило Касатским. Разочарование, обида, отчаяние подводят его к богу, к вере. В монастыре Степан ищет духовного совершенства, что, несомненно, приносит ему радость. Принимает постриг под именем Сергей, но окончательного успокоения не находит, поскольку, ему кажется, что живет он не по собственной и даже не по божьей воле, но под руководством старца. Так проходит семь лет. Позже он становится затворником. Однако, соблазны не перестают «посещать» монаха. На масленицу к нему в келью приходит богатая разводная особа Маковкина, пытающаяся соблазнить Сергия. Героя мучила внутренняя борьба плотского желания и духовности, в силу чего, дабы избежать искушения, отец Сергей отрубает себе указательный палец, производя, тем самым, ужасающее впечатление на Маковкину. Как результат, она меняет образ жизни, принимает постриг и живет в монастыре. Известность монаха все больше росла, приписав ему силы целителя. К нему приезжают

паломники, желая быть излеченными. Но героя повести продолжают мучить духовные скитания, ему все кажется, что нет в нем истинной веры. Так продолжается до тех пор, пока его не просят излечить Марью – купеческую дочь. Снова в нем происходит борьба страстей и веры, в следствие которых он решает уйти из монастыря. Сергей вспоминает Пашеньку, или Прасковью Михайловну – девочку из его детства, которая, по мнению монаха, должна стать спасением для него. При встрече с ней, поговорив, Степан понимает свою ошибку: он все это время жил во славе людей, прикрываясь тем, что живет для бога, между тем как Прасковья жила во имя Господа, думая, что живет для людей. Теперь он знал, что нужно делать. Он стал странствовать, до тех пор, пока его не сослали в Сибирь. Там Сергей поселился у богатого мужика, работал у него, ухаживал за больными и учил детей. Так Степан Касатский находит свое успокоение, достигнув высших ступеней духовного совершенства. Самое главное для него теперь – служить Господу, через служение людям, никого не виня; через умение прощать каждого, через отказ от всяческого зла. В повести Толстой показывает нам идею обмирщения, или опрощения, когда отказ от земных благ простирает путь к одухотворению.

В отношении позиции непротивленчества возникает масса противоречивых мнений как сегодня, так и в прошлом. Одним из знаменитых критиков данной мировоззренческой установки был И.А. Ильин, выражающий свои идеи в противоположной концепции, которую назвал философией противления злу силою, изложенной в одноименной работе «О сопротивлении злу силою». Однако и его идеи не были встречены всеобъемлющим ликованием и также вызвали некоторый резонанс со стороны других мыслителей.

Автор идеи противления анализирует позицию толстовцев относительно различения главных этических категорий добра, зла, насилия и наказания. Абсолютизация и безотносительность данных понятий непротивленцами вырождают, по мнению И.А. Ильина, сущность вопроса о возможности прощать: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству,

сопротивляться злу силою? Может ли человек, верующий в Бога, принимающий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою? Вот двуединый вопрос, требующий ныне новой постановки и нового решения»⁶⁷. Отсутствие комплексного подхода к изучению ситуации проступка – главная ошибка Л.Н. Толстого. И.А. Ильин как раз считает, что всяческий отказ от применения наказания и влечет за собой распространение безнаказанности в среде агрессоров. Единственным способом бороться с враждебностью и всяческим злом можно считать лишь духовное и физическое сопротивление ему. Сущностная характеристика зла, по мнению автора, заключается в его простоте, т.е. следовать неправильно гораздо проще, чем совершать истинно моральный выбор, прилагая огромные усилия. Зло способно затуманивать сознание, вследствие чего размывается само понятие зла и способность человека трезво оценивать ситуацию. Непротивление в таком случае способно лишь распространению фальшивых идеалов, которые привносят еще большую путаницу и способны взрастить личность, не понимающую истинные ценности.

Остается одна возможность закрепления тех морально-нравственных установок, которые будут коррелировать с категорией «правильно», – воспитание, направленное на целенаправленное установление определенного вектора поведения в обществе, что предупреждает стремление человека совершать ошибочные действия. Такие установки направлены на то, чтобы создать условия, при которых бы достигалась целостность человеческого я. При этом такие условия выступали бы определенным базисом нравственности личности, поскольку отсутствие оных приводит к ослаблению человеческого духа, что не способствует противоборству с дурными помыслами и проступками. И опять же начинать вести борьбу с неправильным необходимо с себя самого. В этом схожесть позиций двух авторов, хотя идеи И.А. Ильина менее утопичны.

⁶⁷ Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою. С. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_o_soprotivleniyu_zlu_siloyu.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

Человек по природе своей склонен ко злу, но внешние факторы есть лишь триггер к его пробуждению. Прощение может стать одним из таких внутренних факторов, побуждающих к стремлению к доброте и нравственности, очищая душевное состояние личности от негативных представлений о другом. В отличие от непротивленцев И.А. Ильин считает, что действительно человек есть источник всякого зла. Однако, не тело, как считает Л.Н. Толстой, с его страстями и желаниями принуждает человека на совершение проступков, но именно душа. Внутренний мир человека – вот единственно истинный сосуд добра и зла⁶⁸. Для того чтобы уметь победить внешнее зло, нужно преодолеть его внутренне. И здесь у И.А. Ильина снова мы наблюдаем категорию любви. Необходимо наполнить свою душу любовью, которая сродни христианской безусловной любви. Добро для мыслителя есть одухотворенная любовь, в то время как зло – противодуховная вражда. Наказание здесь для него выступает как необходимая внешняя сила, которая не противоречит нормам гуманности. Именно наличие в правовой системе и системе жизнедеятельности человека вообще помогает людям воспитывать себя и других людей направлять в моральном выборе в пользу правильных решений. И все это происходит именно как порыв любви, а не жестокости, как считают толстовцы⁶⁹.

Однако всяческое наказание есть второстепенное средство в борьбе со злом, которое необходимо, если другие способы не помогают. «При осмыслении насильственных или сопряженных с насилием ситуаций также очень важна точность оценок, один из критериев, которых состоит в том, чтобы они не выпадали из общего вектора несовместимости морали и насилия самих по себе»⁷⁰. Сложно здесь говорить о наказании как проявлении зла, потому что зло есть сознательное насилие, в то время как наказание, по мнению А.А. Гусейнова, показывает нам наличие в обществе закона⁷¹. «Насилие

⁶⁸ Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою. С. 12. [Электронный ресурс]. URL: https://legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_o_soprotivleniyu_zlu_siloyu.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

⁶⁹ Там же, с. 89.

⁷⁰ Гусейнов, А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 514.

⁷¹ Там же.

предназначено для того, чтобы добиться доминирования, господства одних людей над другими вопреки воле последних, и чтобы постоянно поддерживать состояние такого доминирования»⁷².

Важно провести четкую демаркационную линию между насилием и ненасилием и не позволять себе запутаться в размышлениях, что определенные противоправные действия есть средство для достижения благородных целей по идее «ложь во спасение»: «Прогресс вооружений, достигших в настоящее время тотальной разрушительной силы, осуществлялся в рамках убеждения, будто насилие можно преодолеть насилием и оправдываться таким убеждением»⁷³. Добро не может сочетаться с насилием. «Бывают действия, за которые человека можно пожалеть. Бывают действия, которые нельзя осудить, но это не значит, что их можно одобрить»⁷⁴.

В завершении нашего разговора о прощении в русской философской мысли XX века хотелось бы привести некоторые примеры о прощении в русской художественной литературе, поскольку и через литературу, в частности, можно усмотреть особенность русской души и русской ментальности.

Первый рассказ, который хотелось бы вспомнить – рассказ В. Распутина: «Василий и Василиса». Речь идет о разладе между мужем и женой: Василием и Василисой. Некогда они жили в мире и согласии. У них трое взрослых детей: Анна, Настя и Петр. Василиса занимается хозяйством, Василий промышляет в Тайге, без которой не видит жизни своей. Однако сейчас Василий и Василиса не разговаривают друг с другом. Между ними таится страшная *обида*, которая ограничивает их в своем поведении позволяя только молчать в присутствии друг друга. За день они не произносят друг другу и слова, которые в прочем и не нужны.

Обида между мужем и женой случилась по вине первого. Одно время стал Василий сильно выпивать. И в один из таких «пьяных» вечеров Василий

⁷²Гусейнов, А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 504.

⁷³Там же, с. 512.

⁷⁴Там же, с. 514.

взялся за топор, замахнулся на жену, чем сильно напугал ее. Василиса была беременной, но из-за этого ребенка она потеряла. После этого обида и поселилась в сердце Василисы. Даже провожая Василия на фронт, он не промолвила ему и слова, только руку подала на прощанье. К слову сказать, муж попросил прощения у нее за случившееся. Василиса как видим не смогла его простить.

Василий вернулся с войны живым. Васили все была непреклонна, не давалось ей прощение. Он привел домой «новую жену» Александру, с которой нашли общий язык дети Василисы и Василия, а также их невестка Таня. Все это тяготило Василису, хотя она не признавалась в этом. ***Обида делала ее несчастной.*** Как нам кажется, Василиса, сама того не понимая, уже давно простила Василия, но не могла простить себя саму. Именно поэтому злилась на окружающих.

Василиса стала молчаливой. Со временем она перестала злиться на Александру и других, но ***обида*** не давала ей свободы, поэтому Василиса так и жила, сторонясь и Василия, и Александры. Со временем смирилась Василиса, приняла Александру, простила ее и просила прощения сама. Александра уходит от Василия искать своего пропавшего во время войны сына. Снова в амбаре Василий один.

Вскоре Василий заболел. Он чувствовал скорую смерть. Однажды к нему зашла Василиса. Видя болезненного мужа, она склонилась, выслушала очередную-последнюю просьбу мужа о прощении. В этот раз Василиса не смогла не простить его. Слезы сами текли из глаз. Ей не хотелось терять своего мужа. Василиса давно простила Василия, однако то ли гордость, то ли внешняя борьба с окружающим не давали возможность показать свою добрую натуру.

Здесь хочется отметить, что к прощению Василису приближает только скорая смерть ее мужа. Она, видимо, понимает, сколько потеряно времени, которое она могла бы провести с мужем. И Василий это понимает. ***Обида*** ограничивает человека. Делает его несчастным. Нужны ли такие жертвы?

Еще одним произведением, которое мы не могли бы оставить без внимания – роман Л.Н. Толстого «Воскресение». Автор рассказывает нам историю Катюши Масловой и Дмитрия Нехлюдова. Обидев Катю, Нехлюдов этого не осознает, но спустя многие годы, увидев ее на скамье подсудимых Нехлюдов начинает осознавать свои ошибки. Его грызет чувство вины, стыда за случившееся. Он решает жениться на Масловой, чтобы искупить свой грех. Однако Катя непреклонна. После долгих уговоров, разговоров, размышлений и душевных мытарств, Катя прощает Нехлюдова. Она решает выйти замуж за другого мужчину, который, как ей видится, хочет жениться на ней, потому что любит, но не потому, что виноват перед ней.

«— Нет, вы меня, Дмитрий Иванович, простите, если я не то делаю, что вы хотите, — сказала она, глядя ему в глаза своим косым таинственным взглядом. — Да, видно, уж так выходит. И вам жить надо»⁷⁵.

Так заканчивается история обиды и прощения между Катей Масловой и Дмитрием Нехлюдовым.

Если рассмотренные нами идеи русских мыслителей были больше направлены на понимание прощения как добра, а насилия как зла, то позиции таких зарубежных авторов, как П. Рикёр и В. Янкелевич, углубляют свое понимание категории прощения с точки зрения его возможности или невозможности.

Поль Рикёр перенаправляет проблему прощения в поле языкового дискурса и понятия темпоральности акта прощения. Понимать это следует таким образом, что и прощение, и вину обидчику можно выражать словесно, и этот момент обязательно запечатлен во времени. Отметим, к слову, что Г.М. Бреслав, рассматривая категорию обиды, считает, что даже молчаливое переживание чувства обиды вовсе не умаляет ее значимости и реальности. Однако же относительно прощения французский мыслитель убежден, что оно возможно лишь там, где представляется реальным предъявлением обвинений субъекту, причинившего вред *другому*. «С одной стороны, речь идет о вине,

⁷⁵Толстой, Л.Н. Воскресение / Л.Н. Толстой. – СПб.: Азбука, 2016.

сковывающей способность того «человека могущего», каковыми являемся мы сами; с другой стороны – о возможности преодоления этой экзистентной неспособности к действию – преодоления, называемого прощением»⁷⁶, – пишет автор. Для него прощение – это вершина проблемы, в то время как вина – ее глубина. И чтобы суметь реализовать первое, необходимо внушить обидчику виновность его действий. Прощение только там возможно, где вина полностью принимается агрессором, в противном случае прощение становится беспредметным и теряет свою значимость. Иными словами, вина вплетена в человеческое существование, она рассматривается автором как предпосылка прощения, т.е. можно сказать, что вина – это прощение в возможности. Препятствие, которое стоит между прощением и виновностью, заполняется актом признания последней обидчиком. П. Рикёр считает, что «истоки прощения находятся в области несоответствия между двумя полюсами – вины и прощения»⁷⁷. Сам же опыт вины, по мнению автора, обретается через переживание или чувствование⁷⁸. Такой опыт есть опыт экзистенциальный, наподобие переживаний предельных ситуаций, описанных философами-экзистенциалистами. Данное понимание сути прощения нельзя назвать безосновательным, поскольку в реальных отношениях обида возникает вследствие каких-либо действий. Беспредметная обида – признак незрелой личности, мотивы которой строятся на манипулятивной основе поведения. Прочные основания виновности – ключ к пониманию необходимости актуализации прощения.

Осознанность в необходимости быть прощенным может быть вызвана чувством стыда за собственные действия. Но данные понятия не одно и то же. Если вина – внутреннее ощущение субъектом неправомерности своих поступков, то стыд – внешнее их регулирование. Самопознание и признание вины также, на наш взгляд, можно сравнить с экзистенциальным переживанием, поскольку происходит некоторая духовная трансформация,

⁷⁶Рикёр, П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 633.

⁷⁷Там же.

⁷⁸Там же, с. 636.

которая способна ломать неверные установки личности, выводить ее из зоны комфорта, вызывая в душе угрызения совести и, как следствие, надежду на прощение со стороны жертвы.

Мы говорим о том, что наличие вины необходимым образом предшествует прощению. «Вина же со своей «предметной» стороны заключается в нарушении какого-либо правила как такового, в неисполнении долга, что влечет за собой очевидные последствия, а именно – значительный вред, причиненный *другому*»⁷⁹. Мы хотим сделать предположение, что вина имеет двуединый спектр отношений: она выступает виной для обидчика, т.е. проступком, в котором он может раскаяться, и обидой для жертвы, т.е. таким поступком, который она может простить. Это есть некоторое переживание эмоций жертвой. С одной стороны, идет актуализация личности как признающего вину и просящего о прощении, а с другой – в его дарении.

Обида и вина суть понятия негативные, поскольку наполняют внутреннее эмоциональное состояние личности отрицательными эмоциями. И обидчик, и обиженный способны к постоянному воспроизводству в памяти негативных действий, чем терзают сами себя, что приводит к саморазрушению личности. «При этом субъект отделяется от воспоминания и утрачивает чувство собственной целостности»⁸⁰. Справиться с этим можно только одним способом – научившись прощать. Здесь отметим, что прощать нужно не только *другого*, но и себя. Это не менее важно.

Прощение предполагает безусловный отказ от всяческих обид и претензий в сторону обидчика. Это значит, что жертва осознанно понимает и признает обидчика равноправным членом морального общества и сама сохраняет свою целостность, не заикливаясь на душевных страданиях. Таким образом, в выигрыше остаются оба. «В основе способности прощать и обещать лежат опыты, которых никто не может осуществлять в одиночестве, – они полностью базируются на присутствии *другого*»⁸¹. Поэтому мы говорим о

⁷⁹Рикёр, П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 638.

⁸⁰Там же, с. 693.

⁸¹Там же, с. 679.

прощении как акте дарения и принятия, что в основании своем базируется на понятии *другого* и межличностных отношений.

Поскольку прощение рассматривается как дар, необходимо понять его структуру. «Загадка коренится в отношении между тремя обязательствами: дарением, получением в дар, оплатой за дар»⁸². Если дар предполагает безвозмездное прощение, тогда обмен – необходимость ожидания чего-то взаимного. Ж. Деррида, например, говорит о том, что для полного осуществления дара необходим полный отказ от принятия всяческого «отдарка», отсутствие таковых ожиданий. И для такого чистого дара необходимо простить непростительное, т.е. обидчика, который не признает собственной виновности. Прощение тем чище, чем сложнее его осуществление. Однако П. Рикёр считает, что «это уже обмен не между дарением и оплатой, а между дарением и простым получением»⁸³. Получается, что всякое прощение, будь оно истинным или, так скажем, безусловным осуществляется как обмен. Как нам кажется, это не совсем так, хотя как обидчик, так и человек, которого обидели ожидают как минимум одного: душевного спокойствия. Для того, чтобы это стало возможным нужно найти баланс между просьбой о прощении и дарованием прощения. При этом, чтобы просьба о прощении прозвучала необходим факт признания вины обидчиком. Вопрос заключается в том, что может сподвигнуть человека принять факт собственной виновности. Поскольку личность человека безусловно на понятийном уровне может различать правильное и неправильное, тогда самость человека, его истинная экзистенция стремится к гармонии, которой невозможно добиться, если будет наблюдаться дисбаланс между чувствованием и поведением. Внутренний конфликт снимается в акте раскаяния перед личностью, которой нанесен вред, а также перед самим собой. И уже здесь возникает факт примирения как элемента, который стоит при переходе от вины к прощению. Как мы понимаем процесс прощение — это не

⁸²Рикёр, П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 664.

⁸³Там же, с. 667.

простое выражение слов «Я тебя прощаю», а также не простое «Прости меня». Словесное выражение есть внешнее проявление внутренних экзистенциальных переживаний личности.

Стоит отметить, что прощение никоим образом не связано с простым забыванием. Забыть можно лишь то, что не имеет под собой серьезных оснований, т.е. если обида ложная. Способность возвращаться к ним должна порождать чувство агрессии или ненависти к своему обидчику. Однако такая характеристика воспоминаний несет оттенок негативный. П. Рикёр использует понятие хорошей памяти как некоторого сосуда, способного хранить всевозможные события прошлого. Такая память не используется как оправдание негативным эмоциям, когда в поле зрения возникает тот самый обидчик-*другой*. Память есть сосуд для различных воспоминаний. Очень интересно, что в связи с обидой такие воспоминания возникают в тот момент, когда мы видим своего обидчика. Процесс узнавания дает импульс для возникновения негативных эмоций к *другому*. Однако рефлексирова (самостоятельно или с помощью *другого*) над ситуацией личность проходит несколько этапов, минуя память умиротворенную и приходя к памяти примиренной. Иными словами, благодаря анализу ситуации, анализу отношений с близким можно прийти к осознанию необходимости факта примирения, которое необходимо приводит нас к прощению. Именно примиренная память характерна для близких отношений. Хорошая память необходимо должна присутствовать поскольку человек должен помнить обиды, чтобы их простить, но и прощение он должен помнить, чтобы быть человеком.

Плохая память, если так выражаться, у П. Рикёра связано с забыванием, или забвением. Оно существует для того, чтобы запретить человеку возвращаться в прошлое, вспоминать. Особенность забвения в том, что оно вполне самостоятельно и неожиданно, поскольку его не ждут, но оно может случиться. Забвение – это плохо, потому что оно стирает как негативные, так и положительные эмоции прошлого в отношении *другого*. Однако, чтобы сохранять свою целостность необходимо помнить и плохое, и хорошее, по-

другому, все моменты прошлого, которые связывают близких людей. Если обида, вина и прощение – это события, укоренившиеся во времени, то забвение таковым не является. Забвение мешает прощению, поскольку выступает барьером в воспоминании события. Необходимо помимо самого прощения «занимать» еще и припоминанием.

Забвение может иметь положительные моменты, если мы говорим о забывании обид. Однако оно приводит к забыванию факта прощения. Забвение неразборчиво, оно стирает все – и хорошее, и плохое. Поэтому забвение – это плохое состояние души. Именно поэтому память помогает нам сохранить единство прошлого и настоящего. Уважение, с которым мы должны относиться к прошлому, невозможно переоценить. Такая память не обязывает человека помнить только плохое или обязательно негативно отзываться о том, что было плохого в прошлом. Напротив, такие воспоминания должны приводить человека к поиску положительного момента, как пример, факта прощения и изменения *другого*.

Таким образом, П. Рикёр придерживается позиции, согласно которой прощение есть параметр языкового дискурса наравне с признанием виновности. Прощения без вины не бывает. В рамках такого дискурса необходимо наличие не только признания вины, но и просьбы о прощении. Связующим звеном между признанием вины и прощением является примирение, которое возможно в ходе принятия субъектом наличия вины как данности, независимой от субъекта действия. Все это откладывается в памяти, которая хранит в себе каждое воспоминание и событие. Следовательно, нельзя говорить о прощении как о забывании, но лишь как о беззаботной памяти, которая дает не только шанс на примирение, но и на сохранение этого события в истории.

Для В. Янкелевича прощение представляет собой такой порыв души человека, который способен задействовать всевозможные силы человека, оставив его практически обессиленным⁸⁴. Этим автор хочет показать,

⁸⁴Янкелевич, В. Прощение // Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004. С. 142.

насколько сложно дается прощение человеку, порой даже приходится переступать через себя самого во благо *другому*. Иными словами, оно представляет собой осознанно принятый акт, или решение в отношении *другого* с целью отпущения обид своему обидчику. Прощение характерно для волевой способности человека, когда необходимо забыть о собственном эгоизме и перестать жалеть себя. Можно говорить о том, что личность просто перестает ставить себя на место жертвы и стирает этот ярлык. Если можно так выразиться, на арену выходит все тот же рикёровский «человек могущий», который пересиливает себя, чтобы быть в состоянии простить. Однако В. Янкелевич утверждает, что истинное прощение всегда безусловное, но оно в принципе невозможно как таковое. Однако оно есть идеал, к которому необходимо стремиться, которое есть некоторый маркер для оценки человеческих отношений. Поэтому автор находит некоторые формы взаимодействия людей, которые не были бы прощением в чистом виде, но подобным ему. «Прежде всего перед нами три продукта замещения: темпоральный износ, рассудочное извинение, устранение, являющееся «подходом к пределу», когда и они могут занимать место прощения, т.е. выполнять его функцию; если не отдавать себе отчета в намеренности этого движения души, то эти три прощениеподобные формы вызовут приблизительно те же внешние последствия, что и чистое прощение»⁸⁵.

Очень интересно, что важной характеристикой таких прощениеподобных форм является то, что они позволяют устранять острые конфликты, которые зарождаются в человеческих отношениях. Они, так же, как и само прощение, устремлены в будущее, тогда как постоянное возвращение к обидам в своей памяти есть привязанность к прошлому. Постоянные воспоминания о прошлых обидах вновь приводят их в настоящее, актуализируют их, не оставляя возможности человеку справиться с ними. Последнее же возможно только благодаря практике прощения или прощениеподобных форм.

⁸⁵Янкелевич, В. Прощение // Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004. С. 142.

Прощение как темпоральный износ показывает некоторое упрощенное прощение, поскольку такой износ связан с естественным течением времени и угасанием в связи с этим острых переживаний по поводу обиды. Однако прошлое время от времени способно всплывать в памяти, поэтому темпоральный износ не дает того эффекта, которого можно достигнуть благодаря практике безусловного прощения. Можно выразиться, что прощение – активное действие субъекта на пути угасаний обид, но темпоральный износ – пассивная форма, менее эффективная. Получается, что восстановления отношений между обидчиком и обиженным без подлинного прощения добиться невозможно. Но важно заметить, что если прощение есть событие, которое возвышает прощающего, то покаяние – событие, возвышающее и украшающее обидчика. В обоих случаях наблюдается высокого уровня саморефлексия, работа над собой, совершенствование своей личности⁸⁶.

Рассудочное извинение строится на факте понимания своего обидчика. Ключевым в практике понимания является практика оправдания *другого*, спускание ситуации на случай. Получается, что виновность обидчика устраняется не путем прощения, но путем принятия фактов, не дающих ему поступить иным образом. Здесь не происходит внутреннего совершенствования ни обидчика, ни обиженного. Извинение исходит из понимания, а потому оно перестает быть событием, укорененным в настоящем и будущем личности. Прощение носит импульсивный, личностный характер, тогда как извинение теряет свою бескорыстность и безусловность.

Особенность прощения в его радикальности. Его работа – прощать непростительное. Нет смысла говорить о прощении, если обидчик оправдан чем-либо, если с него сняты все обвинения. Прощать как раз и нужно именно виновного, но, если вина не признана – прощение беспредметно, оно умирает⁸⁷. Здесь стоит помнить, что даже наличие определенных оправдывающих

⁸⁶Янкелевич, В. Прощение // Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004. С. 264.

⁸⁷Там же.

обстоятельств вовсе не устраняет того факта, что проступок был совершен. Но рассудочное извинение достаточно близко к подлинному прощению, поскольку можно наблюдать принятие *другого*, открытость ему, поскольку принятие извиняющих обстоятельств помогает обиженному проникнуться к *другому*, пережить проступок, который он прощает. Стоит также отметить, что ключевым отличием извинения от прощения будет то, что последнее способно прощать все без исключения, тогда как первое может найти проступки, которые оправдать невозможно.

Устранение – последняя прощениеподобная форма. «Устранить означает договориться о совместном «перешагивании» через проступок и о несоблюдении строгости в отношении виновного; оскорбление при этом рассматривается так, словно его не было вообще»⁸⁸. По природе своей устранение есть наиболее упрощенная форма взаимоотношений, когда оба участника конфликта предпочитают не усугублять положение дел, просто как бы не замечая случившегося. Автор понимает такое устранение, как страх, поскольку «устранитель не осмеливается мужественно встретиться лицом к лицу с неправотой другого»⁸⁹.

Автор скептически относится и к простому забыванию обид, поскольку оно не решает проблем, но лишь усугубляет их. Подлинное, или истинное, прощение есть всегда событие, укорененное во времени, благодатный дар, который все чаще маскируется простым милосердием. Прощение, по сути своей, представляет собой дар, стирающий всяческую агрессию, злобу, негатив по отношению к *другому*, но милосердие, в свою очередь, просто скрывает обиду, не расставляя акцентов и не находя выхода из конфликта или непониманий между жертвой и обидчиком. Все это может привести к ресентименту, грубо говоря, к сохранению обид в душе и формированию злопамятства, например.

⁸⁸Янкелевич, В. Прощение // Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004. С. 235.

⁸⁹Там же.

Стоит отметить, что прощение благостно для обоих – как для обидчика, который сбрасывает груз ответственности и, можно сказать, очищается от негативных социальных маркеров, так и для прощающего, поскольку происходит отброс негативных эмоций, которые проецируются вовне. Однако напомним, что В. Янкелевич утверждает о невозможности чистого (истинного) прощения. Для автора чистое прощение есть такое прощение, которое способно отпустить в прошлое и простить без всяческих условностей даже то, что, казалось бы, прощать не следует. Так или иначе прощение как нечистое, можно сказать, «социальное» прощение, играющее роль урегулирования общественных отношений, в принципе возможно, но оно, по сути своей, есть риск. Обиженный всегда прощает впрок то, что на данный момент рискованно делать и что может быть законно прощено завтра. «Прощение, в свою очередь, может быть не чем иным, как очень удачливым извинением»⁹⁰. Мы доверяем, уповаем на искренность извинений, давая шанс *другому*, который находит свое спасение в нашем даре. Таким образом, автор показывает нам несколько способов действия, помогающих превратить невозможное прощение в «принципе простительное». Все это должно упростить сам факт прощения, которое дается достаточно сложно.

Самый первый способ действий – простейший. Сводится он к тому, что обиженная личность доверяется своему обидчику и на обещание больше не поступать таким образом принимает на себя обязательство простить *другого*. Особенностью такого «в принципе простительного» поступка можно считать прощение на свой страх и риск. Человек не знает, изменится ли *другой*, но дает ему такой шанс и верит в его личностные трансформации.

Следующее действие-изменение над прощением связано со вторым. Оно основывается уже не просто в том, что мы даем шанс обидчику на изменение и верим ему, но испытываем некоторое глубокое чувство близости с *другим*, проникаемся к нему доверием. Именно проникаемся. По сути, мы пропускаем

⁹⁰Янкелевич, В. Прощение // Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004. С. 242.

чувствование обидчика через себя самого и несмотря на все обиды даруем ему прощение.

Третий способ – имитировать истинное прощение – уже достаточно сложный, поскольку он представляет собой эклектическую форму, связывающую прощение и извинение. Извинение здесь воспринимается как некоторая упрощенная форма прощения, являясь некоторым условным прощением, поскольку оно не будет истинным прощением, но некоторого рода оправданием обидчика, которое ищет всевозможные смягчающие обстоятельства того, что обидчик поступил определенным образом. Получается, что если чистое прощение основывается на переживании, чувствовании, то извинение – это работа разума, когда мы говорим о попытке понять своего обидчика.

О похожем разделении идеи в понимании прощения говорит Т. Гувье. Мы упоминали ее работу ранее. Она также выделяет три вида концепций в прощении *другого*: классическую, псевдопрощение, одностороннее прощение.

Классическая концепция основывается на глубоком чувстве переживаний со стороны обидчика, при котором он раскаивается перед жертвой за принесенные обиды. И здесь уже обиженная личность принимает решение в пользу либо прощения, либо *не-прощения*. Т. Гувье пишет: «Простить зло не значит забыть пережитое зло; это значит рассматривать его виновников и само зло в моральном свете принятия и сочувствия, а не в яростном негодовании и ненависти»⁹¹. Получается, что такая концепция есть попытка проявления себя как нравственно осознанной личности, способной на сострадание. Ситуация, при которой уже жертва обиды пытается поставить себя на место обидчика.

Псевдопрощение возможно при наличии вторичных и третичных жертв обидчика, которые обладают моральным правом на прощение. Автор показывает, что есть такого рода деяния, которые прощения, конечно же не заслуживают. Просто потому, что нет уже личности, против которой оно

⁹¹Гувье, Т. Прощение и непрощительное // Этическая мысль. 2004. Вып. 5. С. 88.

совершалось. Однако есть те, кого это коснулось косвенно, например родственники или друзья и т.д. В таком случае возможно псевдопрощение, когда эти вторичные и третичные жертвы принимают на себя ответственность простить обидчика. Но здесь обидчик должен признать свою вину в обязательном порядке.

Последняя концепция – одностороннее прощение. По сути, обидчику право голоса здесь не дается. Особенностью этой концепции выступает то, что обиженной личности, без всяких нареканий, разрешается пройти все этапы недовольства ситуацией и своим обидчиком. Такая психологическая разгрузка должна приблизить ее к прощению обидчика. Более того, такой выплеск эмоций дает возможность личности спокойно вернуться к повседневной жизни. «Жертва должна переработать свои собственные чувства, а также проанализировать свои ценности с тем, чтобы определиться, в чем и как она желает перестроить свои отношения с обидчиком и хочет ли она возмещения или компенсации»⁹².

Таким образом мы видим, что автор «Прощения и непростительного» в своих рассуждениях показывает, что люди, которые претерпели разного рода обиды вовсе не обязаны прощать. Это такой же моральный выбор, как и шаг обидчика причинить вред кому-либо. Виновный, которого не смогли простить в глазах общества навсегда остается неблагонадежным человеком, неспособным к исправлению. На него вешают ярлык «вечного преступника». Однако, если обиженная личность находит в себе силы простить своего обидчика, тогда не только последний реабилитируется в своих глазах и глазах социума, но и сам прощающий получает только выигрыш, как эмоционально, так и морально⁹³.

Возвращаясь к позиции В. Янкелевича, отметим, что способы неистинного преодоления обид приводят к ложному прощению, которое представляет собой своеобразный компромисс в отношениях с обидчиком,

⁹²Гувье, Т. Прощение и непростительное // Этическая мысль. 2004. Вып. 5. С. 90.

⁹³Там же, с. 91.

схожий с забвением. Отсюда, согласно автору, прощение не имеет протяженности во времени. Таким свойством обладает вина, но не прощение. Вина тем и болезненнее, что она распространяется на прошлое, настоящее и будущее. То, что способно прекратить ее существование и называется прощением. В это же самое время последнее происходит в этот самый момент при произнесении слов о прощении и остается в прошлом, как свершившийся акт.

Все, что мы помним сейчас, непременно забудем спустя какое-то время. Конечно, можно вспоминать прошлое, переживать настоящее и думать о будущем. Прощение – это то, что благоволит такому становлению, оно принимает забвение как данность, тогда как злопамятство тянет нас назад, цепляясь за прошлое, тем самым ставя преграды для будущего. Злопамятный человек – человек из прошлого, не способный идти в ногу со временем. Однако и такой человек рано или поздно поймет всю несостоятельность собственного положения и примет прощение, поскольку даже у него происходит осознание неминуемого пришествия забывания. Однако важно помнить, что прощение необходимо ровно в тот момент, когда оно необходимо, потому что с течением времени человек меняется и тот, кого мы можем простить сегодня не будет тем же самым, если мы будем прощать его завтра: «...Тот, на кого я сегодня злюсь, уже не тот, кто некогда меня оскорбил; в сущности, я лелею злобу на того, кого более не существует, на тень виновного, на призрак грешника»⁹⁴. Это означает, что по большому счету объект человеческой ненависти растворяется во времени, уходит в прошлое, но злость остается, причем она не может найти область выражения, ведь обидчик уже «исчез». Все это приводит к тщетным попыткам заполнить эту «злобную пустоту» ничем иным как чувством постоянной ненависти к *другому*.

Ложное прощение – это определенный акт милосердия, не запечатленный как событие в данный момент и в данное время, тогда как прощение есть фиксированное во времени событие. Первое позволяет нам не

⁹⁴Янкелевич, В. Прощение // Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004. С. 157.

прощать полностью, но одновременно не цепляться за чувство ненависти или мщения, давая возможность мирного сосуществования нескольких людей. Таким образом, прощение может быть ненастоящим, когда мы лишь делаем вид, что прощаем, но не цепляемся за негатив, который несет в себе обида. Можно больше не гнаться за обидчиком, дать ему спокойно жить дальше, при этом найдя собственное удовлетворение. Это взаимовыгодный обмен. «...Прощение – истинное или ложное – приводит к полной противоположности: оно отменяет чрезвычайное положение, ликвидирует то, что взрастила злоба, разрушает мстительную одержимость»⁹⁵.

В отличие от рикёровского подхода, позиция В. Янкелевича избирает целью прощения грех. Отпущение грехов – это акт прощения. Если П. Рикёр говорит о том, что прощение возможно лишь там, где вина признана и в прощении нуждаются, то В. Янкелевич, напротив, утверждает, что истинное прощение возможно только там, где вина не признается: мы прощаем не только проступок виновнику, но и сам факт вины, повинуясь забвению этого действия. Даровать прощение – значит безвозмездно, не дожидаясь просьбы об этом принести в жертву самую свою суть. Но прощение одновременно есть и нечто большее, и нечто меньшее, чем дар: «...оно, очевидно, меньше дара, ибо в том, что касается «даяния», оно как раз ничего не дает, оно довольствуется забвением оскорбления, оно охотно не обращает на него внимания, оно сводит его к нулю»⁹⁶. Прощение больше дара в том, сам процесс осознания прощения гораздо дороже самого прощения.

Таким образом, прощение в позиции В. Янкелевича выступает одновременно и как дар, и как не-дар, поскольку оно есть нечто меньшее и нечто большее, чем дар одновременно. Прощение носит глобальный характер, за исключением того, что простить невозможно. Любое прощение – усилие воли человека, подкрепляемое не только любовью, но и рассудительностью. Поэтому промежуточным этапом в процессе прощения может быть упомянуто

⁹⁵Янкелевич, В. Прощение // Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004. С. 146.

⁹⁶Там же, с. 262.

извинение. Чистое прощение есть прощение-предел, по мнению В. Янкелевича. Оно достаточно сложно, идеализированно, поскольку может простить то, что простить невозможно. В этом и есть его смысл.

Выводы по главе 1

По результатам анализа религиозного, эзотерического, философского подходов можно сделать некоторые выводы.

1. Проблема прощения является предметом изучения многих областей научного и ненаучного знания. Издавна она представляет собой одно из самых важных понятий в различных конфессиях. В таких религиозных системах, как иудаизм, ислам, христианство, прощение напрямую выстраивает отношения между людьми и Богом. Именно прощение является одним из элементов проявления любви и сострадания к окружающим людям. С давних пор и по настоящее время значимость практики прощения сохраняется в духе традиций, например, в идее Прощеного воскресенья в православии.

2. С точки зрения эзотерических представлений практика прощения есть единство внутреннего и внешнего, души и тела, ментального мира и мира физического. Особенностью такого подхода является нацеленность в первую очередь на умение ценить себя, поскольку природа человеческая есть часть Бога или Вселенной. Практика принятия себя, практика самопрощения, практика любви к самому себе есть основа для равно такого же отношения и к *другому*.

3. Многообразие взглядов на проблему прощения распространяется на область философии. Первые обращения к прощению в философии мы находим уже в учениях древнекитайских мудрецов. Эту же мысль продолжают развивать и древние греки. Принципы непротивленчества как идеи прощения можно обнаружить в трудах Л.Н. Толстого, который призывал отказаться от проявления всяческого насилия по отношению к *другому* и собственным примером научить людей относиться к окружающим милосердно и сострадательно. И.А. Ильин отрицает такие абсолютистские взгляды

Л.Н. Толстого на прощение, показывая, что пассивность в отношении обидчика никогда не сможет решить проблему проступков. Необходимо, разумеется, прощать, но это вовсе не значит, что стоит все пустить на самотек и отказаться от практики наказания. Лишь активными мерами возможно остановить проявление зла.

4. Французские мыслители П. Рикёр и В. Янкелевич также детально рассматривают природу прощения. Первый показывает, что всяческое прощение есть один из элементов большого вопроса «вина – прощение», где одной из первых ступеней является практика признания вины. Только тогда, когда она признана, прощение может быть актуализировано. В. Янкелевич же показывает, что прощение как таковое возможно лишь как идеал, поскольку иногда простить все безвозмездно и безусловно просто невозможно. Поэтому человек пользуется прощениезамещенными формами, которые помогают наладить отношения с обидчиком.

ГЛАВА 2. ФЕНОМЕН ПРОЩЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

2.1. Психология прощения: самопрощение как путь преодоления обид

Общение – важная составляющая человеческого существования. Еще Аристотель определял его как «существо политийное», а К. Маркс выделил в обществе социальную сферу как одну из четырех составляющих человеческого бытия. Отсюда взаимодействия между людьми предполагают установленные правила и нормы, которые можно определить как культуру общения.

Можно отметить, что человек изначально живет диалектично, или двойственно, с одной стороны – внутреннее чувствование, переживание, мышление, а с другой – внешне, т.е. взаимодействуя с другими людьми, проявляя себя во вне. Отсюда и к проблеме прощения и обиды можно относиться также диалектично: с одной стороны, есть внутренние переживания обиды, чувства вины и др., но с другой – акт прощения *другого*, т.е. внешние проявления чувств личности. К слову сказать, идея самопрощения есть нечто эклектичное, т.е. внутреннее плюс внешнее, поскольку «я» человека одновременно выступает и в роли обидчика, и в роли прощающего субъекта. Однако об этом речь пойдет дальше.

Культура общения служит фундаментом для построения здоровых отношений между людьми. Однако в ряде случаев могут возникать и различного рода конфликты, ссоры, недопонимания, и, чтобы не усугублять их, необходимо вырабатывать определенные навыки и умения для грамотного их разрешения. Одним из таких способов регулирования отношений, а также формирования их гармоничного фона можно выделить навык или способность человека к прощению. Такое умение можно определять как совокупность внутренних морально-мотивационных установок личности. Однако оно также выступает одним из социальных регуляторов поведения личности. Отметим,

что общественные и личные отношения во многом опираются на понятия морали, которые также играют роль одного из механизмов регулирования человеческих отношений.

Одной из особенностей морали можно назвать стремление к приобщению человека к высшим духовным ценностям. Как нам кажется, понятие прощения идеально вписывается в этот процесс, поскольку умение прощать показывает уровень нравственного совершенства личности. Стоит сделать оговорку, что понятие прощения относится не только к *другому*, но и к самому себе: «Прощение – сфера великодушия и целого ансамбля сложных мотивов, в который может входить и тема самопрощения»⁹⁷. На наш взгляд, именно умение прощать и принимать себя помогает найти силы простить *другого*.

Отметим, что механизм прощения все же сложен и не ограничивается только лишь моральными установками, но тесно связан с психологическими мотивами, которые дают ключ к возможности прощать. В отношении поступков человека невозможно опираться на четкое разделение их только на правильные и неправильные, хорошие и плохие. Люди не роботы, которых можно запрограммировать поступать только определенным образом. Человек всегда смотрит на одну и ту же ситуацию с разных сторон. Именно поэтому прощение можно смело рассматривать не только как действие, но и как чувство, переживание, т.е. прощение есть эмоция.

Рассматривая особенность природы прощения, стоит обратить внимание на понятие обиды, которой, по мнению Г.М. Бреслава, уделяется несправедливо малое внимание⁹⁸. По мнению большинства исследователей, обида представляет собой деструктивное чувство, несущее негативный оттенок в общий эмоциональный фон личности. С.М. Зубарев характеризует обиду как смертельное чувство, указывая на тот факт, что никакое другое

⁹⁷Золотухина-Аболина, Е.В. Прощение и самопрощение: единство морального и психологического // Человек. 2020. Т. 31. С. 113.

⁹⁸Бреслав, Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию // ВШЭ. Психология. 2020. Т. 17. № 1.

невозможно характеризовать именно как смертельное⁹⁹. В своих рассуждениях автор пытается показать, что обида не есть только лишь признак детского поведения зрелой личности, но средство для усмотрения ценности отношений обиженного и обидчика¹⁰⁰. Отметим, что прощение как результат снятия обиды также можно считать показателем того, что отношения с *другим* имеют непосредственную значимость. Поэтому обида на незнакомца или малознакомого человека не есть обида в чистом виде, поскольку не требует прощения в силу отсутствия близости в отношениях.

С.М. Зубарев, исследуя многообразие эмоционального спектра личности, лишь об обиде говорит как о «главном убийце людей»¹⁰¹. Обида здесь выступает своего рода средством манипуляции, которое присуще маленькому ребенку, получающему желаемое с помощью метода «надуть губы». Исследователь отмечает, что призыв с помощью обиды к раскаянию через ощущение вины возможен только в близких отношениях, когда образ *другого* идеализируется и несоответствующее поведение приводит к развенчиванию фантазий и ответной реакции в виде обид¹⁰². По мнению же Е.П. Ильина, «обида как эмоциональная реакция на несправедливое отношение к себе появляется тогда, когда задевается чувство собственного достоинства человека, когда человек сознает, что его незаслуженно унижают»¹⁰³. Другой исследователь – Г.М. Бреслав – считает, что «обида характеризуется прежде всего тяжелым, т.е. неприятным, осадком в душе от поступков людей, от которых мы ожидали совсем другого поведения»¹⁰⁴. Также автор дает четкое определение данному явлению: «обиду можно определить как негативное последствие нежелательного несоответствия действий окружающих нашим ожиданиям, угрожающее нашей Я-концепции и социальной идентичности при невозможности выражения или недостаточности соответствующих эмоций и

⁹⁹Зубарев С.М. Смертельное чувство // Дискурс-Пи. 2010. № 1-2.

¹⁰⁰Там же, с. 65.

¹⁰¹Там же.

¹⁰²Там же.

¹⁰³Ильин, Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. С. 165.

¹⁰⁴Бреслав, Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию // ВШЭ. Психология. 2020. Т. 17. № 1. С. 33.

действий»¹⁰⁵. Также отметим, что А.В. Бельтюкова показывает нам многообразие авторских пониманий феномена обиды. Например, она упоминает: З. Фрейда, понимающего обиду как молчаливо перенесенное страдание; Ф. Перлза, который, при определении обиды опирается на то, что личность требует *другого* чувствовать себя виноватым; Ю.М. Орлова, описывающего обиду как неоправданное ожидание от поведения *другого*¹⁰⁶. Таким образом, одним из важных мотивов формирования чувства обиды можно назвать приписывание *другому* идеальных черт, которыми он не всегда обладает. Зависимость от таких представлений приводит к чувству разочарования и, как следствие, обиды. Стало быть, разрушающее действие обиды распространяется не только внутрь личности как нарастание негативных эмоций, но и вовне – на сами отношения «я – *другой*».

К тому же, учитывая данные исследования, стоит отметить, что обиду невозможно рассматривать в одной плоскости: во-первых, как замечает Г.М. Бреслав обида может быть как здоровой, так и нездоровой; во-вторых, понятие обиды можно рассматривать как переживание, т.е. способность обижаться, и действие, т.е. способность обидеть. В таком ключе понимание обиды необходимо рассматривать:

1) как акт, или действие со стороны обидчика: «всякое сознательное противозаконное действие, в котором содержится проявление неуважения к чужой личности»¹⁰⁷;

2) обида как некоторое переживание, чувство, происходящее в душе обиженного человека: «обида – несправедливо причиненное огорчение, оскорбление, а также вызванное этим чувство»¹⁰⁸.

Однако так говорит нам светское мышление. С точки зрения же христианских представлений обида противоречит заповеди о любви к

¹⁰⁵Бреслав, Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию // ВШЭ. Психология. 2020. Т. 17. № 1. С. 34.

¹⁰⁶Бельтюкова, А.В. Понятие обидчивости: природа возникновения, особенности проявления // Вестник Удмуртского ун-та. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2019. № 3.

¹⁰⁷Обида. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/обида> (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁰⁸Там же.

ближнему, а всяческое причинение вреда сродни понятию греха и противоречит истинной человеческой природе, как мы отмечали ранее.

Сделаем замечание, что зачастую понимание обиды путают с другими смежными чувствами, например, такими как зависть, ревность, злость и т.п. Эти эмоциональные состояния могут напоминать обиду, но ей не являются, однако окрашивают переживания личности негативными красками для повышения уровня эмпатии со стороны окружающих. Г.М. Бреслав, таким образом, показывает, что словесное и эмоциональное выражения обиды могут не иметь общих оснований¹⁰⁹. Поэтому, чтобы отличить переживание обиды от чувств, на нее походящих, необходимо помнить, что первое имеет характер темпоральной закреплённости в сознании. Г.М. Бреслав говорит, что обида – это чувство, которое вынашивается, а значит, может возникать в памяти человека снова и снова¹¹⁰. Обида, как и вина, имеют временной характер, который проносит их от прошлого к настоящему и, если не справиться с ними, они переходят в будущее. Умение вырывать обиду из временного контекста личных отношений предполагает смелость, решительность и желание сохранить эти отношения. Без осознанной ценности отношений с *другим* и *другого* вообще просто не возникнет никакого желания прощать.

Таким образом, к основным мотивам, порождающим или усугубляющим чувство обиды, можно отнести несправедливое с точки зрения личности причинение вреда, вызывающее чувство угнетённости или неуверенности. В целом характер обиды носит чисто индивидуальный характер, поскольку являет собой область морального выбора. Например, как пишет Я.А. Афанасенко в своей статье «Феномен злопамятности в пространстве отношения к другому» личность имеет два пути в отношении обиды и прощения: раствориться в первой, или же даровать второе. При этом, выбирая первый путь нужно быть готовым к постоянному удержанию в себе негативных эмоций и переживаний, которые постоянно приводят к

¹⁰⁹Бреслав, Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию // ВШЭ. Психология. 2020. Т. 17. № 1. С. 33.

¹¹⁰Там же.

самобичеванию и желанию снять с себя «позор жертвы обиды»¹¹¹. Однако сделаем замечание, что личная обида может возникнуть, как нам кажется, лишь на почве крепкой дружбы, любви или другого рода привязанностей, дающих ощущение близости. «Возможность обидеться и обидеть есть изначальный и окончательный критерий близости»¹¹², – пишет С.М. Зубарев.

Что касается понимания обиды как средства манипуляции, можно заключить, что это также не будет обидой в чистом виде. Такое поведение не имеет ничего общего с экзистенциальным переживанием близости, но направлено лишь на удовлетворение собственных эгоистичных желаний.

В итоге, рассматривая характер такого явления, как обида, можно говорить о том, что оно представляет собой некоторое деструктивное чувство, несущее негативный оттенок. Такая обида опирается на ощущение собственной ущемленности, несправедливости со стороны *другого*. Как нам кажется, чистую обиду как переживание необходимо отличать от другого рода негативных эмоций, которые очень похожи на нее, являются смежными или подобными ей по ощущениям и переживаниям, но таковыми не являются. Например, чувство обычного гнева, простого недовольства или печали также проявляется в отношении *другого* из-за несоответствия его поведения нашим ожиданиям. Однако обида не рассеивается самостоятельно, представляя собой более укорененное во времени и памяти чувство, к тому же сильнее переживаемое в сравнении с другими смежными эмоциями. Иными словами, главный признак обиды, на наш взгляд, неспособность ее быстрого забывания. Обидчивость зачастую является триггером для того, чтобы *другой* осознал вину и смог попросить прощения. Второй ключевой признак, как нам представляется, отличающий чистую обиду от не-обиды, – это тесная связь между субъектами конфликта. Невозможно испытывать горечь обиды, если человек не имеет никакой ценности для *другого*. К тому же мы не можем

¹¹¹Афанасенко, Я.А., Люц, Е.П. Феномен злопамятности в пространстве отношения к другому // Вестник Вятского гос. ун-та. 2010. № 3-4.

¹¹²Зубарев, С.М. Смертельное чувство // Дискурс-Пи. 2010. № 1-2. С. 67.

говорить об обиде, если речь идет о преступлениях, поскольку тогда положения обидчика и обиженного сменяются понятиями жертвы и палача.

Существуют ситуации, когда невозможно говорить об обиде и прощении, но есть смысл говорить о преступлении и наказании. «Обида – это когда коммуникация в той или иной форме продолжается, и это нечто куда более интимное. В обиде всегда есть разочарование от того, что наше ожидание доброго расположения не оправдалось, и когда мы обижаемся, то в глубине души хотели бы перестать обижаться и как-нибудь без урона для своего достоинства восстановить отношения, простить. Прощение – не только моральная возможность, но и психологическая потребность. В нем психологическое и моральное – суть единство»¹¹³.

Рассмотрев особенность обиды, стоит возвратиться к природе феномена прощения. Как отмечалось ранее, в отношении определения понятия прощения имеется множество подходов. С точки зрения психологии также существует масса различных видений этого феномена. Прощение, по мнению В. Франкла, представляет собой элемент личностного смысла¹¹⁴. Э. Фромм расценивает прощение как понятие любви, ведущей к исцелению¹¹⁵. Э. Гассин прощение рассматривает как отказ от негативных чувств по отношению к *другому*, дающее освобождение не только обидчику, но и самому прощающему¹¹⁶. Как уже отмечалось, Г.М. Бреслав отмечает особую роль обиды на пути к прощению¹¹⁷. Автор считает, что если обиды рассасываются автоматически, т.е. забываются, то речь не может идти об истинном прощении, которое, в свою очередь, обладает большей ценностью, поскольку должно представлять собой осознанный выбор личности. Г.М. Бреслав отмечает, что умение человека прощать обиды можно, в первую очередь, связать с практикой

¹¹³Золотухина-Аболина, Е.В. Прощение и самопрощение: единство морального и психологического // Человек. 2020. Т. 31. С. 114.

¹¹⁴Франкл, В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

¹¹⁵Фромм, Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. М.: Прогресс, 1990.

¹¹⁶ Гассин, Э.А. Психология прощения. С. 102. [Электронный ресурс]. URL: https://nashaucheba.ru/v11246/гассин_э.а._психология_прощения (дата обращения: 30.04.2023).

¹¹⁷Бреслав, Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию // ВШЭ. Психология. 2020. Т. 17. № 1.

борьбы с негативными эмоциями¹¹⁸. Получается, что прощают только эмоционально рассудительные и устойчивые люди. Исследователь отмечает, что прощение зачастую расценивается как акт, ведущий к негативным последствиям наподобие снижения самооценки обиженного. Особенно если со стороны обидчика не наблюдается раскаяния. Автор, в принципе говоря о раскаянии, указывает на весомость этого процесса на пути принятия прощения, поскольку оно положительно воздействует на обиженного. Г.М. Бреслав указывает на то, что именно извинения со стороны обидчика подкрепляют прощение уверенностью в себе прощающего, дают эмоциональное наполнение. Если прощать без каких-либо извинений, необоснованно, тогда эмоциональное состояние прощающей личности становится нестабильным, и она чувствует некоторое неудовлетворения процессом прощения¹¹⁹.

Таким образом, автор выводит понятие прощения в эмоциональный спектр личности и способности управлять им. Отметим, что, как и Г.М. Бреслав, роль обиды в процессе прощения выделяет и К. Изард. Для того чтобы прощение состоялось, необходимо прийти к раскаянию. Последнее же достигается при помощи рефлексии над своими поступками и сложившейся ситуацией для осознания своей вины. Именно последнее является триггером для пересмотра конфликта и налаживания связи с обиженным¹²⁰.

«Прощение – это усилие, которое непрестанно приходится прилагать снова и снова, и никто не удивится, если мы скажем, что это испытание порой истощает все наши силы»¹²¹. Такое усилие, по мнению многих авторов, под силу только сильным людям, которые способны заменить негативные эмоции на положительные, подобные чувству любви, сострадания и т.п. Именно так считает автор системы «Радикальное прощение» К. Типпинг. Однако здесь стоит внести оговорку, касающуюся того, что простить *другого* вовсе не значит стать ему самым близким человеком, если он таковым не был с самого начала.

¹¹⁸Бреслав, Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию // ВШЭ. Психология. 2020. Т. 17. № 1. С. 28.

¹¹⁹Там же, с. 29.

¹²⁰Изард, К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2003.

¹²¹Янкелевич, В. Прощение // Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004. С. 142.

Иногда прощение приравнивается к простому отпущению, которое идет на благо не столько *другого*, сколько самого прощающего. Действительно, прощение способно вернуть человеку чувство целостности, собственной значимости и душевного комфорта.

Психология и психотерапия раскрывают сущность прощения в русле значимости внутренних мотивов, ориентированных на душевное равновесие личности. К. Типпинг разработал свою концепцию «Радикального прощения». В данной идее акцент переносится не только на умение человека прощать самого себя, но и на способность простить *другого*, т.е. умение признать вину, с одной стороны, и даровать прощение, с другой. Личная вина – область экзистенциальных и нравственных исследований, показывающих, что результатом саморефлексии будет не только принятие виновности своих действий, но и несение личной ответственности либо наказания. Признание вины, как и само прощение, есть особого рода экзистенциалы, помогающие открыть личности собственную значимость. Если первое зачастую соотносится с совестью, самобичеванием, то второе – с великодушием и силой. Умение признать вину – значит нести ответственность за свои действия.

Очень интересно, что говоря о прощении, как о проблеме психологии и психотерапии, необходимо разграничить понятие вины и стыда. Многие неверно рассматривают соотношение этих понятий, а также путают их. Напомним, что вину мы воспринимаем как психологически-эмоциональное состояние личности в отношении поступка, который принес вред *другому*. Как отмечает К. Типпинг, вина подразумевает раскаяние в отношении действия или бездействия ¹²². Возникающее ощущение вины совершенно нормальное явление, разумеется, если оно не будет патологическим и постоянно быть с человеком, угрожая его психологическому состоянию как «Дамоклов меч». К. Типпинг указывает на то, что отсутствие чувства вины рождает аморального

¹²²Типпинг, К. Радикальное самопрощение. Прямой путь к подлинному принятию себя / пер. с англ. М.: София, 2020. С. 82.

человека, который способен нарушить всевозможные моральные рамки¹²³. Получается, что ощущение вины способно помочь сформировать ценностные ориентиры личности. Именно это и помогает человеку совершать моральный выбор между «хорошо» и «плохо» правильно.

Стыд же, в свою очередь, понятие социальное, поскольку предполагает свидетелей. Стыдно человеку в тот момент, если его кто-то может упрекнуть, осудить за совершенное действие.

В отличие от Т. Гувье, автор «Радикального прощения» не приемлет понятия области непростительных проступков, абсолютизируя, тем самым, категорию прощения. Цель метода, предлагаемого К. Типпингом, направлена на переосмысление событий, предшествующих зарождению обиды и/или вины с целью возможности актуализации прощения. Данный подход включает пять этапов. Кратко их охарактеризуем.

Первый шаг заключается в рассказе. Необходимо вспомнить событие и транслировать его посредством речевого акта. Здесь не должно присутствовать никаких субъективных оценок с целью самооправдания. История должна быть рассказана честно. «Пока что вы даете своему осуждающему «я» карт-бланш рвать и метать, виня вас во всем том, что вы, на его взгляд, совершили несправедного»¹²⁴.

Второй шаг К. Типпингом именуется как переживание чувств, направленных на попытку абстрагироваться от любых эмоций, сопровождающих проступок, поскольку «когда мы клеймим их как негативные, то в результате начинаем противостоять им, пытаемся мыслить позитивно или отрицаем их»¹²⁵.

Шаг третий – разрушение истории. Этот этап напрямую связан с саморефлексией личности не столько в отношении самого поступка, сколько в ощущениях сложившейся ситуации. Требуется рационально осмыслить

¹²³Типпинг, К. Радикальное самопрощение. Прямой путь к подлинному принятию себя / пер. с англ. М.: София, 2020. С. 84.

¹²⁴Там же, с. 117.

¹²⁵Там же, с. 118.

необходимость и правильность возникших чувств вины или стыда за содеянное, для того чтобы прийти к заключению о необходимости прощения. Такой подход походит на идею Г.М. Бреслава о наличии ложных обид, способных к саморастворению и не требующих специальных актов прощения. Принятие, таким образом, виновности своих действий граничит с возможностью личности признать собственное несовершенство. К. Типпинг отмечает, что обычное традиционное понимание прощения как раз и основывается на этих трех шагах принятия себя и *другого*, но «Радикальное прощение» есть нечто большее, поэтому оно дополняется еще двумя шагами: переформулированием истории и интегративного сдвига. Эти шаги помогают жертве и обидчику поменяться местами для полной оценки ситуации. Такой подход помогает осознать несовершенство каждой личности, возможность совершать ошибки. В итоге история перестает быть только негативной. Отсюда «Радикальное прощение» помогает принять и самого себя как неидеального, но способного на ошибки. Все это, по мнению автора, должно привести к гармонизации отношений между обиженным и обидчиком, а также рациональному построению отношений в будущем.

В понимании природы прощения также стоит уделить внимание вопросам, которые разъясняют нам всю совокупность элементов сложившейся ситуации, требующей прощения. Иными словами, необходимо различать смысл случившегося, определить, кто есть зачинщик обиды, за что конкретно следует чувство обиды и т.п. Этот процесс достаточно скрупулезный, сложный и требующий тщательного анализа. Ссылаясь на П. Рикёра, отметим, что необходимо помнить об историчности характера прощения, т.е. о некоторой темпоральности. Факт вины и факт прощения всегда укоренены во времени в тот момент, когда происходит их признание или проговoreние. Для того чтобы простить нечто, это нечто должно произойти. Обида относится к прошлому, но прощение – к будущему. Однако необходимо помнить и понимать, что «...тот, на кого я сегодня злюсь, уже не тот, кто некогда меня оскорбил; в сущности, я

лелею злобу на того, кого более не существует, на тень виновного, на призрак грешника»¹²⁶.

Исходя из этого, мы хотим еще раз отметить позицию Т. Гувье, которая выражает свое видение прощения и остановиться на ней подробнее. Автор пытается показать, что вопрос о прощении необходимо рассматривать с позиции его возможности, допуская, таким образом, существование области непростительного. Для того чтобы разобраться в таком подходе, Т. Гувье описывает ряд подходов к определению самого прощения. Мы упоминали эти подходы: классический, псевдопрощение, одностороннее прощение. Напомним, что:

Классический сценарий подразумевает принятие обидчиком своей вины и, как следствие, наличие сожалений по этому поводу. В таком случае у него возникает потребность в прощении.

Псевдопрощение основывается на возможности или невозможности прощения не прямыми, а вторичными или третичными жертвами обид. По моральным соображениям чистое прощение вторичными жертвами проступков невозможно. Однако если от обидчика исходит чистое раскаяние, то вторичные жертвы могут перестать угнетать его и даровать псевдопрощение, восстанавливая обидчика, таким образом, как полноправного члена социума.

Одностороннее прощение суть саморефлексия обиженного. По сути своей, обида есть эмоциональное переживание, которое необходимо переработать, ощутить в полной мере, но не упиваться им вечно.

Свои рассуждения Т. Гувье выводит в область этики, а именно морального выбора. По ее мнению, существуют зверские преступления, которые простить в определенный момент не просто трудно, а невозможно. Однако, поскольку всяческое решение есть область морального выбора, никто не имеет права навсегда отказывать *другому* в прощении. Особенность здесь

¹²⁶Янкелевич, В. Прощение // Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004. С. 157.

такова, что необходимо обидчику дать возможность встать на путь морального исправления, подтолкнуть его к этому, если таковое понимание отсутствует¹²⁷.

Отметим, что особенность рассуждений Т. Гувье достаточно интересна, но она тесно перекликается с политическими преступлениями или исторической памятью масштабных зверств. Что касается личных отношений «обидчик – обиженный», то, на наш взгляд, прощение не просто возможно – оно необходимо. Единственное, что хочется отметить, – такое прощение, чтобы актуализироваться как чистое, истинное прощение, не должно быть моментальным. Мы согласны с Т. Гувье, что обиженная личность должна пережить все эмоции, возникающие после получения травмы обиды, переосмыслить их и себя и после этого принять решение о прощении. К слову сказать, умалчивание как обиды, так и прощения вовсе не означает их отсутствия. Мы считаем, что нет никакой нужды в прямом заявлении *другому* о наступившем чувстве обиды или о случившемся событии прощения. Однако молчаливая обида не должна перерасти в молчаливую злобу, агрессию, злопамятство и т.д. Грань тонкая, поэтому необходимо научиться самому и научить других тому, что все люди имеют право на ошибку и, прощая других, можно всегда прийти к прощению себя самого, и наоборот.

Психологический подход в отношении прощения мы находим в работе Э. Гассин «Психология прощения», а также в работе «Православие и проблема прощения». Автор определяет прощение как «отказ и отречение от негативных мыслей, чувств и внешних проявлений и возвращение в себе позитивных мыслей, чувств и внешних проявлений по отношению к индивидууму, который тебя оскорбил лично, глубоко и несправедливо»¹²⁸. Также Э. Гассин показывает, что с точки зрения психотерапевтических практик прощение является достаточно выгодным для самого прощающего, поскольку поднимает самооценку, настраивает на позитивное мышление и т.п. В качестве особенности рассуждений автора можно выделить проведенную параллель с

¹²⁷Гувье, Т. Прощение и непростительное // Этическая мысль. 2004. Вып. 5.

¹²⁸ Гассин, Э.А. Православие и проблема прощения. С. 167. [Электронный ресурс]. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2003_n3/cpp_2003_n3_Gassin.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

православным дискурсом касательно проблемы прощения. Здесь Э. Гассин показывает, что невозможность простить другого связана с гордыней человека, как бы возвышающего его над *другими*. Таким образом, происходит не только разлад между людьми, но и отторжение природы человека от природы Бога. С точки зрения православной ветви христианства есть один правильный выбор по отношению к обидчику, а именно – смирение, сострадание, милосердие. Гнев и прочие негативные реакции вслед полученной обиде не имеют отклика в христианском мышлении ¹²⁹. Однако здесь мы хотим отметить, что христианская мысль не отрицает негативного отношения к самому злу как таковому, но отрицает подобное отношение к обидчику. Неприемлемо принимать зло как абсолют, но необходимо принимать обидчика как своего ближнего. Сама же Э. Гассин отмечает, что с точки зрения психологии гнев, досада и подобные эмоции по отношению к *другому* – вполне нормальное явление. Гораздо опаснее сдерживать такие переживания, поскольку это чревато стрессами и другими психологическими заболеваниями. Прощение же, по мнению автора «Психологии прощения», обосновано положительным эффектом для самого прощающего, о чем мы упоминали выше. Это здоровое состояние, поскольку проявляет любовь к себе, принятие себя как личности.

Среди наиболее интересных современных представлений о прощении с точки зрения психологии можно выделить работу К. Эстес «Бегущая с волками». Прощение непосредственно возможно – к такому выводу можно прийти, знакомясь с данной работой. Однако и здесь мы находим отсылки к долгому и тернистому пути к прощению. Автор считает, что на пути к прощению можно выделить четыре ступени:

«Отключиться – сделать передышку,

Превозмочь – воздержаться от наказания,

Забыть – вычеркнуть из памяти, прекратить переживать,

¹²⁹ Гассин, Э.А. Православие и проблема прощения. С. 167. [Электронный ресурс]. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2003_n3/cpp_2003_n3_Gassin.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

Простить – вычеркнуть из списка должников»¹³⁰.

Отключиться – значит перестать перенапрягать свое сознание вечным возвращением воспоминаний об обиде или встречами со своим обидчиком. На некоторое время, по мнению К. Эстес, полезно было бы просто забыть о случившемся и не думать о негативе. Стоит отметить, что на этой ступени автор вовсе не говорит о забвении, иначе бы не было необходимости найти в себе силы простить обидчика. Отключение – отрешение, устранение обиды из повседневности. Для того чтобы это стало возможным, необходимо сменить обстановку, заняться творчеством, т.е., простыми словами, необходимо отвлечься.

Превозмочь – следующая стадия к прощению. Здесь важным умением является терпение или сдерживание. Очень важно не проявлять ответной агрессии в сторону обидчика, отказаться от встречного наказания. Терпение должно помочь, по мнению К. Эстес, открыть путь к великодушию, принятию другого. Как нам кажется, этот этап один из наиболее сложных, поскольку если отрешиться от проблем, обид или обидчика представляется реальным и возможным, то ограничивать себя от мимолетных эмоций, сдерживать себя всегда сложно. Импульсивные порывы потому и импульсивные, что случаются молниеносно.

Забыть – предпоследняя стадия к прощению. Эта стадия на первый взгляд напоминает стадию «отключиться». Однако «забыть» не значит «отрешиться, сменить обстановку, абстрагироваться». На третьей стадии происходит сознательный отказ помнить о негативных эмоциях. К. Эстес пишет: «Сознательно забывать – значит перестать себя изводить, отказаться от этой привычки и не вспоминать о ней, не оглядываться назад и таким образом жить в новом окружении, творя новую жизнь и новые переживания взамен старых, о которых можно будет думать впредь»¹³¹. Здесь можно заметить идеи, которые мы встречаем в работах В. Янкелевича: обиды, цепляние за

¹³⁰ Эстес, К. Бегущая с волками. С. 395. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thef.info/sites/default/files/estes.pdf> (дата обращения 30.04.2023).

¹³¹ Там же, с. 396-397.

негативные эмоции, привязанность к прошлому. Тогда как прощение есть стремление к будущему.

Заключительная стадия – простить. Особенность такого прощения не есть смирение с ситуацией, по мнению автора. Прощение должно быть сознательным решением. Прощение может быть полным, остаточным, прощением вопреки, т.е. без сопутствующих извинений со стороны обидчика. Прощение, считает К. Эстес, «подразумевает отказ не от защиты, а от холодности»¹³². Иными словами, моральный выбор обиженного должен прийти на путь гуманности, сострадания и милосердия. Кроме четырех стадий, дающих опыт прощения, К. Эстес отвечает на важный вопрос: «Как узнать, что вы простили?»¹³³ Автор считает, что прощение случилось в том случае, когда всякая злость и негатив уходят, сменяясь чувством жалости и сострадания к обидчику. «Может быть, у вас не получилось жить "счастливым до конца дней", зато впереди вас, несомненно, ожидает новый "один прекрасный день"»¹³⁴, – заключает К. Эстес.

Таким образом, можно наблюдать тесную связь психологии прощения с нравственностью, с моральными установками общества. Например, в свое время Х. Арендт в работе «Vitaactive, или о деятельной жизни» определяет прощение как «единственную реакцию, на которую невозможно настроиться, оно неожиданно и потому, хоть оно и тоже реакция, само есть деяние, равноценное исходному поступку»¹³⁵. Автор считает, что прощение есть спасение для активной деятельности человека, заключенной в поступке. Прощать – значит перестать считать некоторые поступки необратимыми. Как и В. Янкелевич, Х. Арендт связывает способность прощать с направленностью в будущее, с устремлением вперед и прекращением привязанностей к негативному прошлому. В своих рассуждениях Х. Арендт показывает, что именно умение прощать обиды влияет на взаимное бытие людей. Неумение

¹³² Эстес, К. Бегущая с волками. С. 397. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thef.info/sites/default/files/estes.pdf> (дата обращения 30.04.2023).

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Арендт, Х. Vitaactive, или О деятельной жизни. СПб.: Алатейя, 2000. С. 319.

или нежелание прощать своего обидчика ограничивает как самого прощающего, так и обидчика. Получается, что-то обидное действие, которое совершает личность оставляло бы отпечаток на двух субъектах: виновник и тот, кому вред причинен.¹³⁶ Прощение есть свобода в выборе ответной реакции на совершенное зло. Чтобы избежать обесценивания всех заложенных смыслов, необходимо перестать подпитывать свое отношение к прошлому только злобой и ненавистью, но сменить его актом милосердия и сострадания. Прощение наравне с наказанием способно изменить прошлое через настоящее и будущее. Однако прощение и наказание изменяют негативное отношение к прошлому разными методами: если последнее просто прерывает череду ответных мстительных действий в отношении обидчика через систему общественной демонстрации удовлетворения чувств жертвы, то прощение перенаправляет этот процесс в русло внутренних переживаний. Именно прощение помогает обрести собственную целостность, рассчитывая только на себя и не подчиняясь мнению большинства. Это умение владеть собой и своими чувствами по отношению к прошлому, к *другому*. Х. Арендт отмечает, что особенностью прощения может выступать также его непонятность или противоречивость. Иными словами, необходимо принять тот факт, что можно ненавидеть зло, преступление и т.д., но можно простить при этом самого обидчика, поскольку прощение есть структура личностная. «Прощение относится лишь к личности и никогда к предмету, и оно поэтому может быть объективно неправым...»¹³⁷ — пишет Х. Арендт. Прощение есть способ, помогающий регулировать влияние деяний прошлого в настоящем и будущем. Нужно побороть в себе комплекс жертвы автоматической необходимости, ведь прощение есть чудо, способное в этом помочь человеку. «Только взаимно прощая друг другу прегрешения, люди смогут оставаться свободными в своих действиях»¹³⁸.

¹³⁶Арендт, Х. Vitaactive, или О деятельной жизни. СПб.: Алатай, 2000. С. 314.

¹³⁷Там же, с. 320.

¹³⁸Рикёр, П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С. 675.

По мнению Р.Г. Апресяна, идея прощения есть один из способов замещения равноценной мести «око за око» как ответной реакции на обиду¹³⁹. Говоря о становлении нравственных принципов, автор отмечает, что они проходят динамическое становление от талиона «око за око» до идеи любви к ближнему¹⁴⁰. Здесь важным фактором выступает принцип отношения к *другому*. В рассмотрении принципа «Не противься злему», который прослеживается в христианской этике, автор не считает нужным соглашаться с полной пассивностью обиженной личности в борьбе со злом. Отмечая, что принцип о непротавлении Л.Н. Толстой принимает слишком буквально, Р.Г. Апресян говорит нам о том, что позиция непротавленцев неестественна, безрассудна и безнравственна, потому что за всякий совершенный проступок виновный беспрекословно должен понести соответствующее наказание¹⁴¹. Автор считает, что обязанность каждого человека как раз заключается в противостоянии злу¹⁴². Ни один человек, считает Р.Г. Апресян, не имеет права ни физически, ни морально обижать другого человека. Это не соответствует принципу справедливости и противоречит всему гуманному. Важным допущением, отмечает автор, будет умение личности противостоять насилию не только в отношении себя самого, но и совершаемому в отношении *другого*. Автор пишет: «Если соблюдение справедливости в отношении других предполагает исполнение своих обязанностей, то справедливость в отношении себя предполагает защиту собственных прав»¹⁴³.

«Прощение – это специфически моральное явление, оно определяется как отказ от возмездия за обиду или нанесенный ущерб»¹⁴⁴, – пишет А.А. Гусейнов.

¹³⁹ Апресян, Р.Г. «Мне отмищение, Аз воздам». О нормативных контекстах и ассоциациях заповеди «Не противься злему» // *Этическая мысль*. 2006. Вып. 7.

¹⁴⁰ Апресян, Р.Г. Ресентимент и историческая динамика морали // *Этическая мысль*. М.: ИФРАН, 2001. Вып. 2.

¹⁴¹ Апресян, Р.Г. «Мне отмищение, Аз воздам». О нормативных контекстах и ассоциациях заповеди «Не противься злему» // *Этическая мысль*. 2006. Вып. 7. С. 80.

¹⁴² Апресян, Р.Г. *Этика силы в противостоянии насилию и агрессии* // *Вопросы философии*. 2010. № 9.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Гусейнов, А.А. *Прощение* // *Этика : учебник для бакалавров*. М.: Юрайт, 2013. С. 139.

На наш взгляд, было бы неверно говорить лишь о прощении *другого* и забыть о прощении себя самого. Зачастую в совершении некоторого проступка виноватыми считаемся мы сами, и, признавая этот факт, прежде чем быть прощенным извне, необходимо простить себя в глубине души. Не стоит здесь говорить о чувстве жалости к себе. Этот момент можно сравнить с понятием саморефлексии, когда с помощью рационального подхода и осмысления ситуации происходит понимание собственной значимости и умения принятия себя и ситуации в целом. Так же как следствие такого осознания помогает прийти к пониманию необходимости просить прощение у *другого*. С другой стороны, человек вовсе может и не быть причиной каких-либо бедствий и страданий для другого человека, но тем не менее считать себя таковым. Опять же стоит отметить, что есть смежное чувство, которое принимают за вину. Это понятие стыда. Стыд не есть вина, и за стыд нет необходимости извиняться и прощать ни себя, ни *другого*.

Такое ощущение виновности собственной личности характерно для чувствительных людей, и здесь умение прощать себя – ключевой момент для адекватного функционирования в обществе и от избавления от зарождающего чувства жалости к себе. Самопрощение представляет собой способность восстановить душевное равновесие личности, которое помогает восстановиться в обществе, продолжать общаться и не испытывать патологических состояний вечного угрызения совести и т.п.¹⁴⁵. Обращаясь же к тому факту, что вина имеет место, мы говорим о том, что «я» человека одновременно выступает и в роли обидчика, и в роли обиженного. Для здоровой личности характерно принятие этого чувства и осознание собственного несовершенства и допущения возможности совершать ошибки. В таком случае происходит понимание того, что и *другой* также не идеален и способен на проступки. Происходит своего рода замещение собственных чувств пониманием чувств *другого*. Для личности, которая не отличается

¹⁴⁵Золотухина-Аболина, Е.В. Прощение и самопрощение: единство морального и психологического // Человек. 2020. Т. 31. С. 117.

способностью самопринятия, происходит момент переноса негативных чувств к себе на *другого*. Так происходит формирование комплекса жертвы, когда человек считает, что в различных прегрешениях виноваты другие люди, кроме него самого.

Вектор поведения такой личности словно запрограммирован попадать в негативные ситуации. Для избавления от такого комплекса необходимо научиться принимать себя и быть менее зависимым от мнения окружающих, особенно если общество является токсичным и постоянно навязывает чувство виновности и незначимости. Выражаясь словами Ж.-П. Сартра, необходимо понять, что *другие* существуют непосредственно и они не есть «я». Мы склоняемся к мнению, что способность человека к самопрощению дает возможность прощать *другого*, что является признаком здоровой личности. Прощение не стоит приравнивать к слабости. Напротив, только сильный человек способен не забыть обиду, но простить ее. С другой стороны, осознание собственного несовершенства помогает человеку избавиться от ощущения личной непогрешимости и того, что *другие* необходимо ему должны что-либо. Психологическая целостность личности и моральное совершенствование дают нам основания для возрождения гуманистических ценностей самости человека, в частности умения прощать. Можно отметить, что мотивы поведения человека задаются не только морально-нравственными установками, но и психологической целостностью личности. Принимая себя как личность несовершенную, мы способны на самопрощение, которое открывает путь к прощению *другого*.

Прощение – это дар. Здесь мы должны понимать, что истинное прощение не требует никаких ответных реакций со стороны другого. Вопрос остается в том, возможно ли такое прощение. Например, К.Е. Троицкий считает, что чистое, или безусловное, прощение будет таковым только в том случае, если о нем не просят¹⁴⁶. Н. Большунова полагает, что прощение являет

¹⁴⁶Троицкий, К.Е. Прощение: от двух этических концепций к двум моральным перспективам // Вопросы философии. 2020. № 2.

собой процесс принятия самости другого¹⁴⁷, впрочем, о чем мы говорили ранее. К. Типпинг также считает, что процесс прощения всегда будет актом односторонним, поскольку результат прощения или непростения – сугубо дело обиженного. Многие авторы придерживаются мнения, что двусторонним процессом может быть только момент примирения, когда есть возможность частичного сохранения обид, но заменяющий собой процесс прощения.

Однако есть и несогласные с такой позицией. Например, А. Маслова считает, что, когда речь заходит о прощении уже невозможно говорить об одностороннем акте. Прощение не есть решение только прощающего, поскольку в диалог с ним вступает обидчик, признавая или не признавая вину. Поэтому после долгих размышлений и принимается определенное взвешенное решение прощать или нет¹⁴⁸. Ч. Гризволд также считает, что прощение невозможно без осознания значимости друг друга в процессе прощения. Безразличие есть источник непростения или несостоятельности прощения. Если ценность людей устанавливается, тогда необходимо последует просьба о прощении, за которой и идет возможное прощение. Подобной позиции прощения как семантического акта придерживался и П. Рикёр. Мы считаем, что просьба о прощении не устраняет его безусловности. Однако сама безусловность прощения устраняется в том случае, когда за дарованное прощение мы ждем некоторый подарок, например чествование и провозглашение нас великодушной личностью. Другими словами, мы говорим о том, что просьба о прощении может быть триггером для прощения, но это не является необходимым моментом. Простить можно и без сопутствующей просьбы. Просьба о прощении показывает нам лишь то, что обидчик осознал собственную вину и принимает самость обиженной личности. Этот процесс также труден, как и процесс прощения. Процесс принятия вины имеет два аспекта: первый – самопрощение, второй – принятие *другого*.

¹⁴⁷Большунова, Н.Я. Прощение как духовно-нравственное явление и психологический феномен // Человек и мир. 2017. № 1. Т. 1.

¹⁴⁸Маслова, А.В. Акт прощения как вызов и спасение // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 4 (793). С. 294.

Говоря о возможности всепрощения, мы понимаем, что с точки зрения христианских позиций таким атрибутом обладает только Бог как Совершенство. Однако люди несовершенны, поэтому в физическом отношении мы говорим о наличии таких ситуаций, которые можно характеризовать как непростительные. О таких случаях, например, рассказывает, как мы отмечали ранее, Т. Гувье. Стало быть, наличие чистого прощения можно поставить под сомнение. Однако большинство таких ситуаций характеризуются областью преступления и наказания, о котором мы упоминали ранее, а значит, если говорить о межличностных отношениях, прощение всегда безусловно или должно быть таковым.

Истинное прощение призвано простить даже то, что на первый взгляд не имеет никаких оснований для прощения. Именно В. Янкелевич говорит о том, что истинное прощение априори невозможно, потому что даже словесное выражение «Я тебя прощаю» вовсе не означает полного отказа от всяческих негативных эмоций по отношению к обидчику, что активно транслируется невербальными формами (мимикой, позой, жестами), а простое забывание обиды в принципе не есть прощение как таковое. Большинство людей, по мнению автора, используют примирение как ложное прощение, дающее установку на отпущение ситуации. Однако чистое прощение всегда выступает некоторым идеалом или маркером в процессе примирения.

Существует позиция, которая говорит нам о том, что прощение будет тем более истинно, чем сложнее его даровать. Особенность таких воззрений показывает особый характер процесса прощения, который направлен не на выгоду от отношений, но на переживание более глубоких чувств, объединяющих людей между собой. Иными словами, происходит принятие *другого* как собственной личности, ощущение единства – экзистенциальное переживание. При таком положении рассуждения развиваются в ключе возможности допущения ошибок как со стороны себя самого, так и со стороны *другого*. Как следствие, возникает обратное предположение: если прощаю я, значит, простят и меня. Таким образом, происходит особого рода примирение

с прошлым, некоторое отпущение прошлых обид, смирение с ними и принятие ситуации, а также то самое принятие себя и *другого*.

Стоит отметить, что умение личности прощать зачастую воспринимается как процесс сложный и энергозатратный, направленный на избавление от обременительных чувств, разрушающих личность изнутри. Например, в словаре В.И. Даля понятие прощения тесно связано с термином «простой», т.е. прощать здесь означает «делать простым от греха, вины, долга»¹⁴⁹. Иными словами, главное понимание сущности прощения заключается в отказе от возмездия за нанесенную обиду.

Таким образом, если говорить о некоторых общих чертах всех определений понятия прощения, можно отметить, что оно всегда выступает как некоторое безвозмездное отпущение всяческих притязаний в отношении обидчика и «что человек добровольно отказывается от идеи отмщения и наказания, то есть не настаивает на воздаянии»¹⁵⁰. Стоит отметить, что в большинстве случаев прощение никогда не сравнивается с простым забытием обиды. Процесс прощения представляет собой осознанный моральный выбор в пользу другого, но и не во вред себе самому. Иными словами, закрепление обиды в памяти обиженного как раз увеличивает ценность прощения как такового. Чем сложнее простить, тем прощение искреннее и весомее. Более того, прощение всегда рассматривается как некоторое переживание или чувство, мотивами которому служит избавление от негативных эмоций, усложняющих жизнь.

2.2. Проблема прощения в области современной коммуникативной культуры

Культура общения транслирует уровень развития не только отдельного индивида, но и общества в целом. «Встречают по одежке» – гласит известная

¹⁴⁹Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 3. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1982. С. 44.

¹⁵⁰Золотухина-Аболина, Е.В. Прощение и самопрощение: единство морального и психологического // Человек. 2020. Т. 31. С. 113-114.

русская пословица и, что характерно, отражает важность первого впечатления о человеке, а стало быть, весомость первых фраз в зарождающемся общении. Можно сказать, что не только интеллект способен повлиять на выбор собеседника, но и манера общения, поскольку диалог с вежливым и уважительным человеком гораздо приятнее, нежели взаимодействие с грубияном. Всевозможные изменения социума непосредственно влекут за собой также трансформации как в поведении каждого его члена, так и в способе взаимодействий между ними. Уже в достаточной мере не новым, но тем не менее не теряющим своей актуальности выделяется виртуальный способ коммуникации. Как считает А.А. Бочавер, наше традиционное живое общение в рамках виртуального пространства есть определенный дубляж тех психоэмоциональных состояний, которые человек может испытывать при общении. Иногда традиционная коммуникация замещается виртуальной, иногда же только продолжает ее, однако используя уже определенные условия, ей соответствующих¹⁵¹. Этот стиль взаимодействия наиболее популярен среди молодежи, однако такие нововведения не проходят и мимо старшего поколения, которому необходимо внедряться в процесс киберкоммуникации, чтобы иметь возможность оставаться прогрессивным и полноправным членом современного информационного общества. «Цифровое пространство, в первую очередь, социальные сети становятся неотъемлемой частью самопрезентации и общения в подростковой и молодежной среде»¹⁵².

Актуальным и открытым остается вопрос не столько о простом изучении особенностей сетевой коммуникации, ее достоинств и недостатков, сколько об особенностях рассмотрения феномена прощения в рамках «кибернетической коммуникативной революции». К тому же необходимо также рассмотреть особенность феномена обиды в условиях виртуального общения и причины ее возникновения, поскольку обида зачастую и является необходимым триггером

¹⁵¹Бочавер, А.А., Хломов, К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. С. 178.

¹⁵²Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 4.

к акту прощения. Таким образом, необходимым становится решить вопрос о возможности прощения в процессе виртуальной коммуникации, а также вопрос о его необходимости.

Учитывая особенности нового способа общения, необходимо сделать некоторое замечание относительно исследуемых нами понятий. Итак, определим два типа коммуникации: традиционная, т.е. без использования особых средств связи, так сказать, живое общение, или общение без посредников и сетевое, или виртуальное, осуществляемое с помощью современных средств коммуникации – общение, опосредованное средствами связи. Последнее также зачастую называют киберобщением. Вследствие такой коммуникативной дихотомии можно выделить два вида обиды и прощения: традиционное, т.е. непосредственное и виртуальное, т.е. опосредованное.

«Информационная ступень развития технологии породила электронную культуру, виртуальное пространство и время, электронный статус самого человека, сформировав своего рода «третью природу» – мир виртуальных феноменов»¹⁵³ – пишет Л.В. Баева. Высокие темпы трансформации коммуникации и коммуникативного пространства, особенно в период, когда бушевала пандемия коронавируса, перемещают жизнь многих людей в область виртуального дискурса. И даже после пандемии невозможно обратить этот процесс вспять. Проблемы сменяются, решаются, забываются, но область сетевых отношений, упрощающая диалог между людьми, навсегда укоренилась в культуре общения и способе жизнедеятельности. Л.В. Баева считает, что современное общество способствует таковым изменениям, которые выражаются, в первую очередь в том, что общение людей переходит в формат виртуализации, а также в дистанционном общении людей¹⁵⁴. Можно выразиться так, что современный человек живет на два мира: реальный (действительный) и номинальный, т.е. виртуальный, в котором приоритет отдается графическим изображениям и знакам, выступающим средством

¹⁵³Баева, Л.В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 4-1. С. 5.

¹⁵⁴Там же, с. 6.

передачи и получения информации. Как следствие, традиционная коммуникативная культура дополняется тем, что современным поколением именуется как киберкультура. «Возникает новая форма социализации – цифровая социализация, в рамках которой технологии опосредуют различные области деятельности человека, в том числе особенно значимую для подростков и молодежи коммуникативную деятельность»¹⁵⁵. Стоит уточнить, что киберкультура вовсе не противопоставляется традиционному виду общения, хотя и отличается от него, но представляет собой новый вид взаимодействия людей. Под виртуальной коммуникацией мы понимаем определенную форму общения, опосредованную различными средствами связи.

Л.В. Баева выделяет следующие виды виртуальной коммуникации:

1. Дистанционно-традиционный, характеризующийся общением в виртуальном пространстве людей, которые уже близки в реальной жизни.
2. Дистанционно-элитный, особенностью которого является общение реальных людей с известной личностью посредством форумов, блогов и т.п.
3. Дистанционно-номинальный, основывающийся на равном общении людей в сети Интернет, но не знакомых друг с другом в реальной жизни.¹⁵⁶

Характерно, что третий вид виртуального общения автор не считает межличностным, поскольку люди общаются не лично друг с другом, но с цифровой личностью, специально созданной для этого, когда отсутствует «вовлеченность в «мир Другого»¹⁵⁷.

Разумеется, широкую популярность сетевая коммуникация приобретает еще до пандемии и в принципе характеризует онтологический статус «цифрового человека». И тому есть свои причины. Например, В.Н. Первушина и Л.М. Савушкин в статье «Особенности коммуникации в киберпространстве» отмечают, что привязанность молодого поколения к современным

¹⁵⁵Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 4.

¹⁵⁶Баева, Л.В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 4-1. С. 7.

¹⁵⁷Там же.

мессенджерам связано с тем, что в жизни подросткам и молодежи просто не хватает реального общения, нет возможности реализовать себя в различных направлениях, не хватает эмоциональных взрывов и переживаний, более того, существует просто неудовлетворенность реальной жизнью и, как следствие, желание убежать от настоящей реальности в виртуальную, где существуют все условия самореализации личности¹⁵⁸. К тому же стоит отметить, что наличие индивидуальных психологических особенностей личности также может служить веским основанием для переноса общения в виртуальную реальность. К таким особенностям можно отнести крайнюю застенчивость человека, стеснительность, нерешительность, замкнутость, что легко преодолевается с помощью общения по Сети.

Особенность онтологического статуса виртуального мира заключается в его одновременной возможности быть и не-быть. Ощущение реальности и живости сетевого пространства являет собой, по сути, приписывание ей несуществующих качеств, т.е. за кажущимся единством и сплоченностью экранных друзей по-настоящему действительным будет одиночество и пустота, с которой человек остается один на один здесь и сейчас. «Сущность такой виртуальной программы состоит в том, что в сконструированный каким-либо способом образ встраивается обратная связь, которая обеспечивает активное «участие» в развитии «событий» этого «мира» (виртуального мира). Причем образ этой вызываемой, а по сути, провоцируемой виртуальной реальности (виртуального мира) воспринимается нашими органами чувств как естественно-реальный»¹⁵⁹. Мы здесь предполагаем наличие факта мнимого объединения действительности виртуальной и реальной, наделение образа виртуальных объектов несуществующими свойствами и придание им несущественных ценностей. Как следствие – потеря культурной идентичности, размытие границ в социальной коммуникации, потеря самости и изменение

¹⁵⁸Первушина, В.Н., Савушкин, Л.М., Хуторной, С.Н. Особенности коммуникации в киберпространстве // Вестник ВГУ. Серия «Философия». 2017. № 1. С. 60.

¹⁵⁹Галкин, А.И. Философские проблемы виртуальной реальности // Общественные науки. 2004. № 4. С. 8.

духовно-нравственных ориентиров личности. Человек просто переносит реальные ощущения и чувствования в область сетевого пространства.

По мнению И.А. Иванюшкина, желание человека погрузиться в Интернет-пространство и «пустить корни» именно там обусловлено тем, что здесь не требуется проявлять различного рода инициативу, активность, особенно творческую. Остается только оставаться обычным потребителем, что вполне удобно и не нарушает конформизма, к которому привыкло современное поколение. Но при всем при этом, реальные эмоции и чувства подменяются имитацией, виртуальными объектами¹⁶⁰. Очень интересно, что крайней степенью увлеченности человека виртуальной реальностью можно назвать феномен хикикомори, человека, добровольно отказывающегося от социальной жизни в пользу уединения, в том числе и в сети Интернет. Сетевая реальность способна поглощать личность целиком, она требует ее постоянного присутствия, поскольку: «в информационном мире жизнь идет по принципу: если тебя нет в Сети, ты не существуешь, или иными словами: «я имею свой профиль в Интернете, следовательно, я существую»¹⁶¹.

Если говорить о том, что коммуникативная культура традиционного типа общения для установления положительного контакта предполагает наличие весомых и безотлагательных правил и установок, таких как открытость, толерантность, сдержанность и т.п., то правила виртуального диалога некоторым образом упрощены. Опираясь на исследование феномена сетевой коммуникации В.Н. Первушиной, Л.М. Савушкина, можно выделить следующие ее характеристики:

- отсутствие географических и временных ограничений;
- общедоступный характер взаимодействий;
- письменный формат сообщений, позволяющий грамотно обрабатывать, подбирать и сортировать передаваемую информацию;

¹⁶⁰ Иванюшкин, И.А. Интернет-зависимость: норма или патология? Философский взгляд // Биоэтика и гуманитарная экспертиза / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФРАН, 2013. Вып. 7. С. 34.

¹⁶¹ Баева, Л.В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 4-1. С. 7.

- удобство общения, что позволяет находиться в любом месте, не выходя при этом из зоны комфорта;

- отсутствие психологического напряжения: здесь речь о том, что в психологии часто называют «эффектом попутчика», когда диалог выстраивается на основании неизвестности друг другу обоих собеседников, благодаря чему возможна довольно доверительная или открытая форма общения;

- сохранение анонимности личности в Сети, которая «способствует психологической раскрепощенности, антинормативности»¹⁶². Стоит отметить, что статус инкогнито делает сетевое общение достаточно простым и тем самым увеличивает его популярность и востребованность.

Здесь бы хотелось отметить, что по мнению И.А. Иванюшкина анонимность, порой крайняя, свойственная сети Интернет, в реальной жизни не имеет таких масштабов. Анонимность для обычной жизни заканчивается тем понятием, что человек для нас незнаком, но тем не менее мы можем видеть его, слышать, поэтому полной анонимности здесь нет. Может быть, именно это и привлекает человека «зависать» в виртуальном пространстве¹⁶³. К слову сказать, как нам кажется, уже стало достаточно модным открыто показывать свою реальную жизнь и даже приукрашивать ее. Это явно проявляется в видеоблогинге, различных «сторисах» и т.п. и анонимности здесь нет никакой. При этом автор указывает, что анонимность в Сети и анонимность в реальности – вещи совершенно разные, поскольку первое являет собой полномасштабное подчинение собеседника тому образу, который ему представлен¹⁶⁴;

- конструирование идеального образа собеседника является еще одной особенностью киберобщения. Кем бы ни являлся человек в действительности,

¹⁶²Первушина, В.Н., Савушкин, Л.М., Хуторной, С.Н. Особенности коммуникации в киберпространстве // Вестник ВГУ. Серия «Философия». 2017. № 1. С. 61-62.

¹⁶³Иванюшкин, И.А. Интернет-зависимость: норма или патология? Философский взгляд // Биоэтика и гуманитарная экспертиза / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М.: ИФРАН, 2013. Вып. 7. С. 37.

¹⁶⁴Там же.

сетевая коммуникация делает абсолютно возможным позиционирование себя совершенно иным образом. Стоит отметить, что данные условия делают доступным распространение различного рода киберпреступлений, с чем необходимо бороться. Однако факт остается фактом: скрываясь за очередной маской, выдумывая новый образ и даже новое имя, что в сети Интернет известно как *никнейм*, настоящая личность остается в тени, даруя пользователю чувство защищенности;

- многоконтakтность, позволяющая вести процесс общения одновременно с несколькими пользователями. Мы же хотим к данному тезису добавить избирательность собеседника, что подразумевает быстрое прекращение всяческих неудобных диалогов, возможность не отвечать на сообщения, удаление чатов и т.п. В Сети существует особое название такому феномену – бан. Получается, что, забанив оппонента, можно легко вывести его из коммуникативного пространства.

Названные, таким образом, особенности виртуальной коммуникации приводят нас к пониманию упрощенности сетевой коммуникативной культуры, поскольку языковая среда такого вида общения стирает всяческие рамки, запреты и установки, конструируя при этом новый способ общения людей. Как следствие – формирование новой стилистики речевого контакта, известной как «устная письменная речь»¹⁶⁵. В итоге вырабатывается новый сленг, который понятен активным пользователям сетевого общения, но неизвестен людям, выпадающим из киберреальности.

Если учитывать более или менее положительный характер вышеупомянутых характеристик виртуальной коммуникации, стоит отметить и отрицательные ее черты. Опираясь на все то же исследование В.Н. Первушиной и Л.М. Савушкина, отметим, что к ключевым отрицательным особенностям общения в Сети можно отнести следующие:

¹⁶⁵Афанасьева, В.В. НОМОВИРТУАЛИС: Психологические характеристики // Известия Саратовского ун-та. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 23.

- проблема понимания и содержания получаемой информации. Читабельный текст тем и интересен, что зачастую смысл в его содержание закладывает получатель. В художественной литературе известен феномен «смерти автора», о котором некогда писал М.М. Бахтин. В процессе сетевой вербальной коммуникации характер сообщения кодируется различного рода знаками, символами, изображениям, а при отсутствии визуального контакта возможна либо потеря смысла, либо его искажение;

- возможность пренебрегать правилами орфографии и грамматики также вызывает сложность в правильности восприятия информации. Неправильная расстановка знаков препинания или их полное отсутствие, сокращения слов, наличие не всем понятного виртуального сленга служат подспорьем для неверной трактовки смысла, заложенного в сообщении.

Сделаем оговорку, что в противовес анонимности в Сети пользователь находится в условиях избыточной открытости. Например, многие социальные сети основываются на создании открытого профиля с указанием личных данных, таких как место работы или учебы, возраст, семейное положение и т.п. Если в первом случае [при анонимности] есть возможность сохранить тайну вокруг собственной личности, прячась за никами и всевозможными аватарками, то во втором – остается возможность любому человеку изучить профиль пользователя социальной сети, тем самым заочно познакомившись с ним. Разумеется, если пользователь сам этого пожелает и выложит актуальную информацию. И то, и другое является сугубо индивидуальными предпочтениями, и некоторые личности не видят своего бытия без того, чтобы не выкладывать в Сеть очередную фотографию с места отдыха или встречи с друзьями. Более того, особенность сетевой коммуникации и статус личности оценивается лайками и популярностью в мессенджерах. В итоге формирование новых ценностных установок в погоне за красивой картинкой порой обесценивает реальные переживания личности.

Можно отметить, что главный недостаток сетевого общения – отсутствие живого человеческого контакта и нехватка, в связи с этим,

ценностно-эмоционального контекста коммуникации. Личный контакт сопровождается не только вербальным общением, но и обменом чувствами, интонациями, мимикой, что дает ключ к пониманию своего собеседника. Именно поэтому реальное общение позволяет проникнуться эмпатией к *другому*, сопровождать диалог эмоциональным контактом и т.п. В то время как виртуальная коммуникация такую эмоциональную окраску оставляет за рамками общения, и адресант сообщения наполняет его собственным, только ему понятным чувственным фоном. Как следствие – возможность недопонимания собеседниками друг друга, возникновение конфликтов и обид. В таком случае предполагаемый обидчик и вовсе может не догадываться о том, что своими словами проявил к собеседнику какие-либо формы агрессии или подобные действия.

В связи с распространением и укоренением сетевого способа коммуникации рождается новый тип морали – виртуальная. Виртуальная мораль – своего рода новый тип нравственных установок, для которого характерна вседозволенность, эдакий виртуальный анархизм, или нравственность без нравственности. Становление такой морали вовсе не говорит о возрождении свободного человека в духе сверхчеловека Ф. Ницше, но, напротив, показывает опустошение человечества, потерю ценностных ориентаций и культурной идентичности личности, мировоззренческой неопределенности человека. С.А. Дементьев, например, считает, что, за всеми возможностями, которые дает человеку виртуализация реальности, неизбежны конфликты в человеческой природе. С одной стороны, привычная нам всем человеческая природа, с другой же – то, что именуется природой человека информационного¹⁶⁶. Иными словами, ценности виртуального пространства иногда могут идти вразрез с уже устоявшимися традиционными ценностями.

Особенностью общения в сети, как мы упоминали ранее, является возможность сохранения собственной анонимности или же создание

¹⁶⁶ Дементьев, С.А. Реальность виртуальной морали в информационном обществе: риски и угрозы человеческой экзистенции // Вестник АГУ. Выпуск 1 (194). 2017. С. 83.

определенного образа, наделенного теми особенностями, которыми реальный человек может не обладать. Поскольку в Сети зачастую пытаются привлечь к себе как можно больше внимания, заинтересовать *другого*, нередко случаи неверной информации. Отсюда, риски разочарования в личности из-за несоответствия образа с действительностью. Таким образом, стремление поднять свой рейтинг в Сети или получить свою «минуту славы» приводит к тому, что в ход идут любые средства сетевого общения и взаимодействия. И, поскольку всяческое общение, будь то реальное или виртуальное, направлено на то, чтобы вызвать определенного рода заинтересованность, поскольку диалог обычно складывается на фоне общих интересов, по поводу которых можно дискутировать, можно сказать, что такое взаимодействие предполагает наличие как позитивных, так и негативных последствий. К последним можно отнести понятие обиды как главного спускового крючка для рождения феномена прощения.

Ранее мы уже говорили об особенностях такого понятия, как обида. Здесь отметим очень важный момент: виртуальная коммуникация – широчайшее поле для нанесения именно виртуальной обиды. Г.М. Бреслав считает, что виртуальная обида вполне себе реальное чувство, которое уже не является виртуальным и проживается личностью вполне реально, что приводит к различным негативным последствиям. По масштабам виртуальная обида, по его мнению, может быть гораздо меньше, чем проступок в реальности, но, тем не менее, это не умаляет ее значимости. Единственным плюсом борьбы с возможным долгим обижанием человека в сети выступает возможность просто, резко и быстро прекратить всякое общение в сети¹⁶⁷. Будь то традиционное или же виртуальное общение, эмоции и чувства, которые испытывает собеседник вполне реальны. Близкий человек способен нанести серьезные душевные раны даже посредством виртуального общения. Здесь вспоминаются слова В. Шефнера: «Словом можно убить, словом можно спасти,

¹⁶⁷Бреслав, Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию // ВШЭ. Психология. 2020. Т. 17. № 1. С. 34.

словом можно полки за собой повести»¹⁶⁸. Поэтому неважна форма общения – традиционная или виртуальная – главное быть внимательным к тому, что и как говоришь собеседнику дабы избежать обидных ситуаций.

Однако, поскольку сетевое общение предполагает наличие особенных и только ему характерных черт, можно наблюдать размытие демаркационной границы в культуре общения, что, как отмечалось выше, приводит к рождению феномена виртуальной морали, потере ценностных ориентаций личности и, как следствие, возникновению и распространению грубого, а порой жестокого общения со стороны пользователей сети Интернет. «Вполне реальные риски представляют виртуальные знакомства, которые могут подвергнуть особой опасности физическое, эмоциональное и духовное здоровье человека»¹⁶⁹. Это можно заметить, если рассматривать явление киберагрессии, возникающее и зиждущееся на почве ощущения агрессором своей безнаказанности: «Присущая человеку агрессивность, веками ограничивалась параллельно с развитием культуры и цивилизации»¹⁷⁰. Однако цифровое пространство расширяет рамки взаимодействий, открывая возможность для проявления агрессивности.

Как нам представляется, многоконтактность пользовательского общения в Сети, включающая также малознакомых или вовсе незнакомых личностей, поднимает вопрос о реальности виртуальной обиды. Отмеченная ранее возможность быстрой и необременяющей способности оставлять всяческие попытки унижения личности без внимания показывает, по всей видимости, невозможность зарождения чувства обиды. Это вполне оправданно, поскольку и в реальной жизни на малознакомых, т.е. на людей, общение с которыми для нас не имеет, по крайней мере пока, никакой ценности, обижаться не имеет смысла. В отношении таких людей могут возникать кратковременные эмоции

¹⁶⁸Шефнер, В. Слова. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/14464/slova> (дата обращения: 30.04.2023)

¹⁶⁹Фетисов, Т.А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации. Обзор // Вестник культурологи. 2018. № 4. С. 186.

¹⁷⁰Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 4.

вроде гнева, недоумения и др. Однако они также быстро улетучиваются, как и возникают. Обида – чувство укорененное, которое само собой не рассасывается. Таким образом, возникновение гнева, недовольства со стороны жертвы вполне оправданно, однако это не является проявлением обиды в нашем ее понимании. Если учитывать характер истинной обиды как чувства, возникающего на почве близких или родственных чувств, тогда понятие виртуальной обиды в отношении «далеких виртуальных друзей», на наш взгляд, очень похоже на ложное ее проявление или же просто на принятие похожих переживаний за обиду. Можно предположить, что виртуальный *другой* и все чувства, связанные с его персоной, переносятся легче, но нельзя говорить о нереальности таких переживаний. Поскольку мое «я» реально, значит, и чувства настоящие. Эмоции, которые можно ощутить при виртуальном общении являются чисто субъективными и не связаны с чувством глубокой обиды. Отсюда мы бы хотели выделить два рода обиды: первый – истинная обида, которая характерна для близких людей и имеет под собой реальную почву и основания для такого переживания; второй – ложная обида, которая, по сути, ей не является, но проявляется в виде смежных похожих чувствований, быстро возникающих и быстро угасающих. Такая не-обида применима ко всем людям, включая малознакомых.

Настоящая, или истинная обида – особое душевное состояние, зарождающееся как ответная реакция на проявление агрессии со стороны окружающих. Она возникает только в отношении близких людей и необходимо требует акта прощения. Ложная обида, в свою очередь, проявляется и к малознакомым людям, но не требует прощения, поскольку не имеет под собой ценностных оснований в силу того, что незнакомец не имеет для обиженного никакой значимости. В таком случае ложная обида вполне может быть быстро забыта. «Как правило, такое рассасывание происходит в силу низкой значимости причины обиды»¹⁷¹.

¹⁷¹Бреслав, Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию // ВШЭ. Психология. 2020. Т. 17. № 1. С. 28.

Таким образом, основываясь на данных исследованиях, можно сделать предположение, что обида как переживание определяется в большинстве случаев как чувство отрицательное, нехарактерное для взрослого достойного поведения. Учитывая многоликость процесса коммуникации, т.е. наличие как живого, реального, так и сетевого, виртуального общения, необходимо понимать, что последнее не столько помогает удовлетворить потребность в социальном взаимодействии, сколько создает иллюзию единения с обществом, в то время как одиночество остается единственным онтологически реальным эффектом такого растворения в Сети.

Виртуальное пространство дублирует все, что мы встречаем в повседневной жизни. Именно поэтому оно становится уже не чем-то экзотическим и новым, но таким же привычным миром. Все реальные эмоции мы можем встретить и в виртуальном мире, которые легко заменяются графическими «эмоджи», ярко описывающие всевозможные чувства личности. Одна картинка вполне способна заменить целое предложение.

Однако, как нам кажется, именно наличие у сетевого общения ряда существенных особенностей, отличающих его от традиционного, способно сформировать у некоторых пользователей отрицательные поведенческие установки, которые пресекаются обществом в реальном живом общении. Если для последнего характерно, например, чувство стыда, затормаживающее девиантное поведение, то киберкоммуникация такие ограничения снимает. Именно поэтому, на наш взгляд, киберпространство – место, в котором агрессивное поведение проявляется проще и чаще. Примером такого поведения можно назвать кибербуллинг и троллинг. Можно сказать, что причиной зарождения виртуальной обиды будет киберагрессия, исходящая от знакомых людей. Хочется отметить, что к обидам виртуальной коммуникации более всего тяготеют подростки, которым в силу возрастных особенностей развития порой трудно сдерживать свои эмоции: «В подростковом периоде ребенок в силу специфических особенностей психического развития

демонстрирует агрессивность, которая по степени выраженности может превышать агрессивность взрослых»¹⁷².

Как отмечалось ранее, именно виртуальная мораль как «нравственность без нравственности» способствует деструктивному девиантному поведению личности и формированию новой мировоззренческой установки, нацеленной на агрессивность, хамство, жестокость и т.п. Такое поведение и есть проявление киберагрессии. Отметим, что сам термин стал известен относительно недавно – его вводит в оборот Д. Шабро в 2007 году¹⁷³. Мы под киберагрессией понимаем форму поведения человека, которая направлена на нанесение вреда другому человеку в Интернет-пространстве. Данное понятие показывает тот же самый двуединый процесс, как и при реальном общении: можно стать как обидчиком, так и жертвой. Т.А. Фетисов в своей работе «Агрессивное поведение в интернет-коммуникации» пишет: «такое поведение в области современной психологии получило название «феномен социального растормаживания», когда люди, не опасаясь потенциального наказания и неодобрения, позволяют себе гораздо больше, чем привыкли в обычной жизни, где они несут ответственность за свои поступки и высказывания»¹⁷⁴. И действительно, возможность оставаться в Сети инкогнито непосредственным образом способствует распространению чувства обожествления личности, могущей поступать с *другими* так, как невозможно поступить в жизни. Агрессор за счет угнетения некоторой личности пытается показать собственное превосходство и величие, свою власть над *другим*. В психологии существует масса исследований, доказывающих, что пользователи сети Интернет проецируют желаемое поведение, которое неосуществимо в реальной жизни, в виртуальном пространстве, потому что принятые социальные нормы и существующие запреты не позволяют проявить желания в полную силу. В особенности киберагрессия обладает такими

¹⁷²Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 4.

¹⁷³Фетисов, Т.А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации. Обзор // Вестник культурологи. 2018. №4.

¹⁷⁴Там же, с. 187.

специфическими чертами как: «безнаказанность, анонимность, непрерывность, отсутствие пространственных границ, увеличение количества свидетелей, незаметность для взрослых, отсутствие аффективной обратной связи»¹⁷⁵.

Выделяя сущностные характеристики киберагрессии, обратимся к исследованию А.А. Бочавера и К.Д. Хломова, которые указывают на следующие ее формы:

1) флейминг – процесс, напоминающий обычную дискуссию без предмета спора, т.е. простая перепалка. Особенностью флейминга выступает то, что разгорающийся спор обязательно сопровождается публичными оскорблениями, нецензурная лексика, грубая коммуникация и т.п. Однако такая форма агрессивного поведения отличается достаточно коротким временным промежутком, т.е. продолжается только во время спора, по окончании которого прекращается и сам флейминг.

2) харассмент – оскорбление жертвы в Сети достаточно продолжительное время. С.Г. Еремеев уточняет, что: «Под харассментом следует понимать проявление лицом, занимающим доминирующее положение, поведенческих признаков и (или) психологического воздействия, прямо или косвенно адресованных конкретному человеку с целью демонстрации своего сексуального интереса к нему»¹⁷⁶.

3) клеветничество – распространение информации, порой лживой, с целью унижения жертвы.

4) киберсталкинг – преследование в сети Интернет с применением угроз и запугиваний. На наш взгляд один из наиболее опасных видов проявления онлайн-агрессии, поскольку носит длительный повторяющийся характер с прямыми угрозами.

¹⁷⁵Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 4.

¹⁷⁶Еремеев, С.Г. Харассмент: понятие, сущность, структура и соотношение с уголовно-правовыми // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47). С. 121.

5) секстинг – рассылка материалов, содержащих запрещенный контент эротического характера.

Хотелось бы выделить хейтинг, как еще один вариант киберагрессии. Этот вид девиантного поведения, как отмечают Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова и С.В. Чигарькова отличается тем, что на человека или на группу лиц обрушиваются ненавистнические действия по признаку их пола, расы, сексуальной ориентации, физических особенностей, национальности, вероисповедания, этнического происхождения¹⁷⁷. Отметим, что, унижая личность, или подвергая «хейту» как выражается молодежь, обидчик набирает популярность, как бы показывая свою значимость среди онлайн-публики.

Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова и С.В. Чигарькова в своей работе «Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи» приводят следующие примеры агрессивности в сети Интернет:

«Флейминг. «Ваня посмотрел видео и оставил комментарий под ним, что ему оно очень понравилось. Маша, посмотрев это же видео, нашла его отвратительным и написала его в своем комментарии. Между ними завязалась перепалка, в ход пошли грубые выражения и злобные эмоджи. К ним присоединились и другие пользователи, кто-то был за Машу, кто-то за Ваню. Через какое-то время страсти утихли, и шумиха под видео закончилась»¹⁷⁸.

Троллинг: «Соня ела в столовой суп. Коля ее сфотографировал и сделал из этого мем. Затем он опубликовал мем на странице группы класса в социальной сети. В комментариях несколько одноклассников стали обидно насмехаться, подкалывать и провоцировать Соню. Спустя несколько дней об этом все забыли»¹⁷⁹.

Хейтинг: «Федор ведет свой блог о кино. Он делает рецензии на новые фильмы. Однажды он опубликовал свой отзыв о фильме про зомби. Неожиданно для него некоторые незнакомцы стали писать ненавистнические

¹⁷⁷Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 5-6.

¹⁷⁸Там же.

¹⁷⁹Там же.

и злые комментарии, обвиняя его в том, что он ни в чем не разбирается, тем более в кино»¹⁸⁰.

Киберсталкинг: «Оля пообщалась на форуме по интересам с незнакомцем. Через некоторое время Оле стали постоянно приходиться от него сообщения в одной социальной сети. Она не хотела продолжать общаться с ним и не отвечала. Незнакомец стал преследовать ее в других сетях и мессенджерах и даже писал в личку ее близким и друзьям»¹⁸¹.

Кибербуллинг: «Одноклассники Димы создали группу «Истории Димы Кошкина» в популярной социальной сети. В ней они пишут насмешливые и издевательские истории о нем. Они выложили его фотографии, которые взяли с его странички и сделали гадкие подписи. Они не успокаиваются, каждый день выкладывают все новые гадкие истории и приглашают в группу его друзей из социальной сети»¹⁸².

Рассматривая понятие киберагрессии, остановимся на понятии кибербуллинга и троллинга. Отметим, что феномен буллинга характерен и для реального общения, откуда и берет свое начало. Главной его целью является преследование и унижение личности, что дает ощущение превосходства агрессора. «Однако с развитием сети Интернет и информационно-цифровых технологий буллинг получает свое новое проявление – кибербуллинг, который достаточно распространен в среде подростковой молодежи»¹⁸³. Феномен кибербуллинга представляет собой достаточно опасное средство проявления девиантного поведения в интернет-пространстве, и тем самым вызывает большой интерес со стороны исследователей. Возможность непрерывного преследования жертвы причиняет серьезные психологические травмы и непосредственным образом наносит глубокую обиду личности (особенно, если мы говорим о буллинге со стороны близкого или знакомого человека).

¹⁸⁰Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 5-6.

¹⁸¹Там же.

¹⁸²Там же.

¹⁸³Макаренко, М.В. Проблема прощения в условиях виртуальной коммуникативной культуры // Вестник МГУКИ. 2021. № 1 (99). С. 122.

Необходимо отметить, что проявление высокого внимания именно к кибербуллингу связано с тем, что он, на наш взгляд, представляет собой гораздо большую опасность, в отличие от традиционного буллинга, если можно так выразиться. «В отличие от реальной травли, для кибербуллинга не нужна физическая сила. Достаточно иметь технические средства, время и желание кого-то терроризировать»¹⁸⁴. Именно в совокупности ключевых особенностей сетевой коммуникации и самого кибербуллинга пользователь-агрессор может сделать преследование онлайн-жертвы практически постоянным. «Подобно традиционной травле, кибербуллинг предполагает систематичность, агрессивность и неравенство в силе/власти преследователя и жертвы»¹⁸⁵.

Следующим способом нанесения виртуальной обиды можно назвать троллинг, что в принципе характерно только для сетевой коммуникации. «Личности, которые осуществляют эту деятельность, именуются троллями, цель которых – активизировать конфликт в общении, спровоцировать собеседника»¹⁸⁶. Для того чтобы бороться со всяческим проявлением троллинга, необходимо полное игнорирование тролля, цель которого одна – вызвать в жертве негативный выплеск энергии за счет «игры на нервах».

Говоря об особенностях троллинга, отметим исследование Т.А. Фетисова, который выделяет два его вида: толстый троллинг и тонкий¹⁸⁷. Итак, толстый троллинг, по своей сути, является открытым оскорблением личности с использованием всевозможных форм агрессии, учитывая, например, ненормативную лексику. В отличие от него, тонкий троллинг есть мягкое проявление агрессии, через забавные комментарии и шутки, в которых само оскорбление или унижение можно заметить далеко не сразу. Опасностью,

¹⁸⁴Фетисов, Т.А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации. Обзор // Вестник культурологи. 2018. № 4. С. 192-193.

¹⁸⁵Бочавер, А.А., Хломов, К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. № 3. С. 184.

¹⁸⁶Макаренко, М.В. Проблема прощения в условиях виртуальной коммуникативной культуры // Вестник МГУКИ. 2021. № 1 (99). С. 123.

¹⁸⁷Фетисов, Т.А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации. Обзор // Вестник культурологи. 2018. № 4. С. 188.

которую таит в себе данный метод нанесения виртуальной обиды, можно считать статус инкогнито самого тролля. Если зачастую агрессор кибербуллинга может быть вполне знакомым персонажем, то тролля обнаружить в многочисленном чате достаточно сложно. Однако обычно возражения и высказывания тролля похожи на обычную насмешку или сарказм, что уже более или менее заметно в процессе общения. Например, либо технически действия агрессора-тролля могут иметь характер активного противостояния общественному мнению, для того чтобы быть в оппозиции и вызывать бурную реакцию со стороны окружения, либо пользователь просто переходит на личности, особенно на те, которые имеют определенный авторитет в групповом общении, или же тролль просто может указывать на неграмотность пользователя, показывать его незнание в той или иной теме. Такие характеристики выделяет в своем исследовании Т.А. Фетисов. Также автор говорит об одном способе нахождения тролля: «чаще всего основанием, чтобы усомниться в искренности собеседника и заподозрить в нем тролля, является его как бы неискушенность и неинформированность в обсуждаемой теме»¹⁸⁸.

Таким образом, можно сделать предположение, что «троллинг представляет собой один из самых распространенных видов негативного поведения в интернет-пространстве и является формой проявления речевой агрессии. Огромный прирост информации порождает все большее количество троллей, которыми Интернет буквально кишит»¹⁸⁹. Отметим, что и кибербуллинг, и троллинг – феномены, которые изначально произрастают из лона традиционного реального общения, однако с развитием цифровых технологий и трансформацией способов коммуникации данные виды агрессии также претерпевают сущностные изменения, трансформируя традиционную форму в виртуальную. Эти способы агрессивной коммуникации в Сети вполне

¹⁸⁸Фетисов, Т.А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации. Обзор // Вестник культурологи. 2018. № 4. С. 189.

¹⁸⁹Макаренко, М.В. Проблема прощения в условиях виртуальной коммуникативной культуры // Вестник МГУКИ. 2021. № 1 (99). С. 124.

способны нанести реальный вред личности, особенно, если исходят от близкого и (или) знакомого человека.

Поскольку мы говорим о таком феномене, как виртуальная обида, и причинах ее проявления, необходимо раскрыть проблему виртуального прощения. На наш взгляд, рассматривая обиду как несправедливое оскорбление со стороны обидчика, логично понимать прощение как стремление жертвы к установлению своего рода справедливости. Стоит заметить, что, когда речь заходит о понятии прощения, рассуждения непосредственным образом переходят в лоно понятия справедливости. Это одна из методологических установок осмысления проблемы прощения, которая базируется на понятии справедливости. Если обратиться к Аристотелю и его «Никомаховой этике», можно найти два вида справедливости: распределяющую, которая воздает по заслугам, и уравнивающая, т.е. устанавливающая равновесие. М. Нуссбаум считает, что именно справедливость может главенствовать над враждебностью, или ресентиментом, в силу того обстоятельства, что негативные чувства превращают человека в раба. Но снова свободным он может стать только благодаря справедливости, которая помогает личности освободиться не просто от обиды, а от всех желаний в попытке, например, отмщения или от возможности жертвы надеть на себя маску обидчика. «Справедливость – это то, что определяет жизнеспособность личностных и общественных структур, это принцип гармонизации неизбежно существующей реальной множественности по принципу единства и целостности»¹⁹⁰. Если обратиться к мнению П. Рикёра, можно отметить, что справедливость есть нечто гуманное, поскольку направлена вовне, на общество в целом, включая как жертву, так и самого обидчика. Автор пишет: «Справедливость есть та сторона всех остальных добродетелей, что ориентирована на других...»¹⁹¹ Отсюда, на наш взгляд, есть два пути к справедливости, а именно прощение и наказание. В

¹⁹⁰Карчагин, Е.В. Проблема множественности справедливости // Концепт. 2019. № 4. С. 5.

¹⁹¹Рикёр, П. Справедливое. М.: Гозис логос, 2006. С. 261.

свою очередь, ни один из представленных способов не умаляет важности и значимости другого.

Напомним, что одной из особенностей обиды, как отмечалось ранее, является способность к нарастанию, или вынашиванию. «Одним из показателей этого вынашивания можно считать то, что эти переживания по поводу нежелательного и болезненного для нас поведения (проступка) других людей имеют тенденцию с большей или меньшей степенью регулярности возвращаться в сознание»¹⁹². Тогда прощение, на наш взгляд, будет определенным механизмом для снятия момента усиления обиды. Прощение не просчитывает все за и против, но, напротив, осуществляется вопреки. Прощение помогает отказаться человеку от всякой мести или ненависти за пережитые обиды. В. Янкелевич, например, считает, что прощение безвозмездно по своей природе¹⁹³. Стоит отметить, что именно о прощении многие исследователи говорят как о силе духа и одном из важных составляющих в процессе общения. «Как на личностном, так и на межличностном уровнях наши контакты с другими людьми во многом обусловлены позицией, которую мы занимаем в отношении прощения»¹⁹⁴, т.е. в прощении либо нуждаются, либо даруют.

Задаваясь вопросом о необходимости прощения, отметим исследование В. Термоса, который указывает на некоторые мотивы, которые способны сподвигнуть человека на прощение. Первое, что называет автор – это практическое прощение. По своей сути оно ограничивает нас в выборе прощать или нет, давая только один правильный вариант, дабы не стать членом такого общества, которое живет «по законам джунглей»¹⁹⁵. Далее, прощение из осознания единства с *другим*, иными словами, осознание наличия собственных ошибок и проступков дает основание к прощению *другого*. И еще одно

¹⁹²Бреслав, Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию // ВШЭ. Психология. 2020. Т. 17. № 1. С. 33.

¹⁹³Янкелевич, В. Прощение // Ирония. Прощение / Пер. с фр. ; послесл. В.В. Большакова. М.: Республика, 2004.

¹⁹⁴Холмгрен, М. Прощение и внутренние ценности личности // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. М.: РАН, Институт научной информации по общественным наукам, 1995. № 3. С. 64.

¹⁹⁵Термос, В. Прощение как полнота жизни // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 1. С. 120.

прощение, которое выступает фундаментом внутреннего мира, дающего опору для душевного спокойствия, гармонии, равновесия, которое легко теряется, если человек не находит в себе силы простить¹⁹⁶. К тому же М. Холмгрен определяет, что стремление жертвы к прощению мотивируется не просто способом облегчить свои страдания, избавляясь от тяжелых воспоминаний, а способностью привести обидчика к переоценке собственных поступков, выбирая путь исправления¹⁹⁷. «Однако, на наш взгляд, если рассмотреть такие подходы более внимательно, возникает следующее: данная позиция слишком наивна, поскольку в условиях современной реальности и переоценки ценностей обидчик просто не почувствует никакого давления и будет считать, что такое избежание какой-либо ответственности дает ему полную свободу на продолжение подобного рода действий. Возможно, более эффективным будет тот исход, который предполагает не только момент прощения, но и наказания за содеянное»¹⁹⁸. Только в тандеме «прощение – наказание» эффект переоценки своих поступков может возыметь то действие, которое можно будет характеризовать как положительное. Однако вовсе не стоит говорить о ненависти к обидчику. Можно не терпеть зло, обиды как явления, но относиться с пониманием к обидчику. Необходимо давать возможность *другому* стать на путь исправления ошибок и недостатков. Иными словами, тот, кто претерпел обиды прощает именно личность, обидчика, но не сам факт обиды. Человек может измениться, однако прошлое [факт обиды] уже произошел, этого не изменить. Поэтому наказание имеет место быть здесь, как способ исправления своих ошибок.

Напомним, что прощение с точки зрения христианских представлений есть благо, приближающее человеческую природу к Божественной. Именно оно раскрывает истинную экзистенцию личности. По мнению П. Рикёра,

¹⁹⁶Термос, В. Прощение как полнота жизни // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 1. С. 120.

¹⁹⁷Холмгрен, М. Прощение и внутренние ценности личности // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. М.: РАН, Институт научной информации по общественным наукам, 1995. № 3. С. 64.

¹⁹⁸Макаренко, М.В. Проблема прощения в условиях виртуальной коммуникативной культуры // Вестник МГУКИ. 2021. № 1 (99). С. 125.

прощение сродни понятию дара, которое устремлено в будущее. Дарить его – значит не ждать ничего взамен. Для Л.Н. Толстого прощение сродни понятию любви, которую необходимо распространять, дабы научить других своим примером поступать подобным образом и не множить агрессию. Исходя из этого, может показаться, что понятие прощения и наказания не могут сосуществовать в одном поле зрения. Однако не стоит путать социальные установки с личными мотивами к прощению. Наказание как социальное явление вполне может соприкасаться с личным прощением, в первую очередь для психического здоровья жертвы. Наказание, в свою очередь, не есть способ привести обидчика к испытанию страданий. Оно не должно быть тождественным понятию мести. «Прощение – это личная реакция пострадавшей стороны, оно совершенно не зависит от каких-либо юридических решений»¹⁹⁹. Так же считает И.А. Ильин, говоря о том, что отсутствие наказания приводит лишь к распространению и растворению человека во зле и преступлениях. Современный мир возвращает человечество с новыми ценностными ориентирами, которые отличаются большим уровнем цинизма и высокомерия, как нам представляется, вследствие чего одного личного примера любви к ближнему будет недостаточно. Именно поэтому так важно соблюдать баланс прощение-наказание. Тогда прощение никому не будет казаться проявлением слабости личности, но, напротив, мудростью и великодушием.

Отметим, что акт прощения предполагает обидчика и обиженного, а также особого проступка, который, с точки зрения жертвы, будет расцениваться как несправедливое отношение. Целью обиженного является понимание обидчиком недобросовестности своих действий. Для этого последний должен признать свою вину и пойти навстречу к примирению путем раскаяния и просьбы о прощении. Однако обиженная личность вполне способна отказать в этом прощении. Можно отметить, что в случае прощения

¹⁹⁹ Гассин, Э.А. Психология прощения. С. 96. [Электронный ресурс]. URL: https://nashaucheba.ru/v11246/гассин_э.а._психология_прощения (дата обращения: 30.04.2023).

как акта дарения коррелятом будет выступать все та же значимость или ценность отношений с обидчиком. Жертве необходимо учитывать тот момент, что моральный выбор, который совершается в процессе общения, – это своего рода слепой выбор, который может нанести обиду, а может и не нанести. Поэтому в роли обидчика может оказаться любой человек, и жертва обиды в том числе. Поэтому особенным механизмом в акте прощения можно назвать умение сопереживать и принимать другого как себя самого, способного допускать ошибки.

Сложность в осуществлении виртуального прощения усугубляется неконкретностью образа обидчика. Разумеется, если речь идет о малознакомом человеке, с которым хочется продолжить общение. Когда мы говорим о близком человеке, с которым мы общаемся и виртуально, тогда прощение в принципе процесс сложный, будь это виртуальное или традиционное прощение. Особенностью всякого рода прощения является то, как считает Е.С. Царева, что простое вычеркивание из виртуальных друзей предполагает законченность процесса общения, но прощение направлено на их сохранение, показывающее некоторую ценность другого для прощающего.²⁰⁰ Далекий образ собеседника затормаживает само прощение, поскольку нет полного понимания «виртуального *другого*» и осознанности того, что этот самый *другой* понимает виновность своих действий. И действительно, чтобы прощение стало возможным, обидчик непосредственно должен признать вину за свои действия. В противном случае у него просто не возникнет намерения быть прощенным жертвой. «Естественно, что нередко ожидания человека никак не совпадают с ожиданиями партнера по коммуникации, который вовсе не склонен рассматривать свои действия как какой-либо проступок в отношении обиженного»²⁰¹. Таким образом, можно предположить, что прощение в виртуальном мире становится несколько беспредметным.

²⁰⁰Царева, Е.С. Обида как форма реагирования на проявления агрессивности общения // Вестник Брянского гос. ун-та / Брянский гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского. 2015. № 2. С. 128.

²⁰¹Бреслав, Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию // ВШЭ. Психология. 2020. Т. 17. № 1. С. 34.

Разумеется, это больше относится к малознакомому виртуальному *другому*. Если речь идет об общении в сети с близким или знакомым человеком, тогда прощение просто не может быть беспредметным. Скажем то, что, в этом случае, виртуальное общение не будет каким-то противостоящим способом коммуникации, но продолжением обычного общения в жизни. В случае же с незнакомцами в сети, которые выступают в качестве «виртуальных друзей», которые по сути своей не несут той значимости, какую представляют для нас реальные друзья, обида и прощение становятся менее значимыми: и обида воспринимается как ложная, или не-обида, и прощение становится, в таком случае, беспредметным или не столь важным.

Однако отметим, что все же, оставаясь по факту обычным общением, правда опосредованным различными средствами связи, сетевая коммуникация должна подчиняться культуре общения, основывающейся на правилах взаимоуважения. Поэтому, как нам кажется, важно понять, что всяческое проявление агрессии, будь то виртуальное или реальное, должно пресекаться. За каждым пользователем сети Интернет находится реальная живая личность, которая должна понимать ценность человеческой жизни и ценность общения. Ведь так легко превратиться из обидчика в жертву чьих-либо насмешек и нападок.

Таким образом, отвечая на поставленный вопрос о возможности и необходимости прощения в онлайн-общении ответим следующее: независимо от вида общения, традиционное оно или же виртуальное, понятие обиды и прощения характерно для обоих видов коммуникации. Можно прослыть обидчиком или же жертвой в обоих случаях, и эмоциональный окрас от пережитых чувств будет ровно одинаковым. К тому же как при живом общении, так и при общении в Сети есть возможность спутать понятие обиды с другими чувствами, которые будут похожи по эмоциональному содержанию, но будут в корне отличными друг от друга. И пусть виртуальное общение, которое может заменить живую коммуникацию, все больше затягивает молодое поколение, необходимо научить людей понимать, что за каждой аватаркой и никнеймом

скрывается такой же живой человек, который чувствует, переживает, страдает от всякого рода проявления агрессии. И традиционная, и виртуальная обида от ближнего или знакомого несут одинаково значимый вред личности. Прививание базовых знаний традиционных гуманистических ценностей молодому поколению, как нам кажется, поможет взрастить трезво мыслящую личность, способную нести ответственность за свои поступки и правильно расценивать поступки окружающих.

Проблема прощения настолько широка, что уже давно является предметом анализа многих областей научного знания, приобретая статус междисциплинарной проблемы. Она находит свои основания не только в религиозном дискурсе, но и в философии, политологии, психологии, этике, а также в современной коммуникативистике. Однако если подразумевать, что межличностное общение представляет собой совокупность кризисных и, напротив, положительных моментов, то можно предполагать необходимость умений выхода из таковых критичных ситуаций путем их разрешения. Одним из таких способов разрешения конфликтов и выступает процесс примирения благодаря практике прощения. Стоит отметить, что как раз М.Р. Холмгрен полагает, что человек при всем многообразии отношений всегда выражает свою позицию по отношению к прощению²⁰².

В заключении хотелось бы привести пример агрессивного поведения [буллинга] среди подростков, с одной стороны и прощения – с другой, который очень ярко представлен в художественном фильме Р. Быкова, который вышел в 1984 году – «Чучело». Фильм рассказывает нам историю маленькой девочки, которая приехала к своему дедушке, (к слову сказать дети его недолюбливали за «странное» желание коллекционировать картины, при этом все время ходить в старенькой заплатанной одежде) и стала новенькой шестого класса. Лену, так зовут девочку, стали называть Чучело. Она была доброй и отзывчивой и в один день решила взять на себя вину своего одноклассника, из-за которого весь

²⁰²Летов, О.В. Холмгрен М.Р. Прощение и внутренние ценности личности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3 «Философия: реферативный журнал». 1995. № 3. С. 64.

класс не смог поехать на экскурсию. Лена думала, что он признается в своей вине, однако этого не произошло и девочку весь класс стал травить. Даже этот одноклассник в один момент становится на сторону класса и предается этой травле. В результате такого поступка Чучело не выдерживает, стрижется налысо и предстает перед всем классом на дне рождения Димы, чью вину взяла на себя, в образе той, «которая несет правду». Она больше не кланяется своим одноклассникам, она противостоит им. Теперь Лена полна воли. В конце картины режиссер показывает зрителю как Чучело Лена прощает своих обидчиков. Они с бабушкой дарят классу картину, на которой изображена девочка в точности напоминающая Лену и уезжают из городка. Все дети в классе понимают свою вину, принимают ее. Слова на доске: «Прости нас, Чучело» ярко говорят нам об этом.

Выводы по главе 2

На основе изучения психологического подхода и взгляда на прощение с точки зрения современной коммуникативной культуры можно сделать следующие выводы:

1. К проблеме прощения активно обращаются ученые различных областей знания. Психология, естественно не становится здесь исключением, но напротив, вносит огромный вклад в изучение феномена прощения. Уже с XX века на проблему прощения активно обращают внимание отечественные и зарубежные психологи: С.М. Зубарев, Г.М. Бреслав, К. Изард, которые передают особую важность роли обиды и обидчика на пути принятия прощения. Осознание обиды как тягостного чувства, разрушающего самость личности, приводит к пониманию необходимости перенаправить негативную энергию в позитивное русло, чему способствует практика прощения. К. Типпинг разрабатывает систему радикального прощения, которая напрямую показывает взаимосвязь прощения окружающих с прощением самого себя – самопрощением.

2. В связи с таким понятием как самопрощение в психологии зачастую можно встретить идею, что прощение есть практика принятия *другого* со всеми его недостатками, как самого себя, также обладающего изъянами и возможностью совершать ошибки. Если личность не умеет прощать себя, понимать и принимать собственное несовершенство, тогда научиться прощать другого становится гораздо сложнее, если вовсе невозможно.

3. Изучение прощения в психологии тесно переплетается с нравственно-философскими основаниями прощения. Э.А. Гассин, Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов показывают, что прощение возможно и необходимо, однако не стоит забывать о моральном долге каждого человека противостоять злодеяниям, что приводит к необходимости практики наказания. Прощение и наказание не взаимоисключают друг друга.

4. Информационное общество современности окружает себя цифровой реальностью, которая поглощает все большие области человеческой жизнедеятельности. В частности, общение людей все больше перемещается в область цифрового пространства, порождая виртуальную коммуникативную культуру, дающей рождение новой форме нравственности – виртуальной морали.

5. При всем том, что взгляды на прощение и его применение достаточно широко известны сегодня, современная мораль трансформируется в виртуальную, которая диктует новые правила и обесценивает устоявшиеся гуманистические представления. Установки молодого поколения, прикрываясь занавесом нового человеческого отношения к *другому*, давая выбор в самоопределении, создают миф и размытый образ личности, которая отличается своей мировоззренческой неопределенностью.

6. За кажущейся простотой виртуальной коммуникации остается опасность огласки диалогов. Любое высказывание или пост, попавший в Сеть, легко может стать достоянием общественности и вызвать волну критики со стороны социума, учитывая то, что у каждого процесса или явления можно выделить как положительные, так и отрицательные стороны. Поэтому, на наш

взгляд, цифровая революция в общении, с одной стороны, позволяет, некоторым образом, упростить процесс общения, но с другой, приводит к кризису ценностей в отношениях. Этико-моральные установки претерпевают такие же глобальные изменения, которые в достаточной мере верно отражаются в понятии виртуальной морали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного диссертационного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Современная жизнь человека, окруженная виртуальными способами взаимодействия, не отличается от традиционной тем, что людям непременно необходимо общаться. Близкие отношения характеризуются не подменной ценностью. Несмотря на то, что многие люди дорожат своими отношениями почему-то не перестают обижать и обижаться, забывают о прощении и его роли для сохранения этих отношений. Целостность личности и гармония с окружающими достигается непременно возможностью и готовностью человека прощать.

2. Проблема прощения ассоциативно направляет нас к области религиозного знания. Большинство известных теологических учений связывают понятие прощения с милосердием, состраданием, любовью (Библия, Коран, А. Мень, Дж. Телушкин). Простить обидчика есть наиболее сложное действие внутренних сил человека, но это такое усилие, которое приближает его к Богу. Человек прощает не только потому, что Бог прощает и учит этому, но Творец дарует прощение лишь тем, кто искренне открыл свое сердце для другого и научился прощать его.

3. Эзотерические учения показывают глубокую связь прощения с понятием любви (Дж. Ямпольский), а также идеей принятия как себя, так и своего обидчика. Практика прощения есть внутреннее усилие воли, которому необходимо научиться. Для этого в первую очередь необходимо принять тот факт, что все в этом мире должно пребывать в гармонии, которая достигается практикой позитивного мышления, прощения и принятия себя (В. Синельников, С.Н. Лазарев). Все негативные мысли, которые поселяются в подсознании человека, проецируются на окружающую действительность.

Сила подсознания – великая сила. Поэтому, чтобы изменить внешнюю реальность, необходимо начинать с себя самого: начать любить себя, уважать себя, прощать себя. Только тогда можно принять другого как личность, способную совершать ошибки и также способную их исправить, если ее этому научить. Главная цель такого научения другого – собственный пример.

4. Достаточно широко прощение рассмотрено в трудах отечественных и зарубежных философов (Л.Н. Толстой, И.А. Ильин, В. Янкелевич, П. Рикёр, Т. Гувье, Р.Г. Аперсян.). Проблема прощения здесь транслируется как проблема нравственно-философская, основанная на понимании личности, способной к изменению и прощению. Большинство философов считают, что прощение возможно на практике, оно реализуемо. Прощение необходимо для сохранения целостности личности, для сохранения гармоничных отношений с окружающими. При этом забывание обид, как будто их вовсе не было, не является прощением, о них необходимо помнить, как и о самом акте прощения. Прощение показывает близость между людьми, поскольку истинное прощение возможно лишь в дружеских, родственных, любовных и тому подобных отношениях.

5. Психология показывает прощение как необходимый ключ к душевному здоровью. Обиды, гнев, желание мести и прочие негативные эмоции только разрушают психологическое состояние личности, приводят к стрессам, неврозам и другим заболеваниям, а также разрушают отношения с окружающими. Практика прощения позитивно сказывается как на обидчике, так и на обиженном. Обида расценивается как положительная и негативная. Первая показывает ценность отношений, поскольку обижаться на незнакомца глупо, но вторая есть лишь манипуляция *другим* с целью добиться желаемого и потому несет только разрушительный эффект для личности. Однако скопление обид в душе приводит к разрушению человека, поэтому от них необходимо избавляться (К. Типпинг, К. Изард, Ю.М. Орлов, С.М. Зубарев, Г.М. Бреслав, Э.А. Гассин, А.А. Гусейнов).

6. Очень важным моментом на пути принятия *другого* и дарования ему прощения можно назвать феномен самопрощения. Некоторые исследователи считают, что именно внутренняя вина, которую личность ощущает по отношению к себе самому, мешает найти ключ к прощению окружающих (К. Типпинг). Негативные эмоции по отношению к себе словно переносятся на другого, так как в нем видится потенциальный враг. Вместо того чтобы копить внутренние обиды, необходимо сделать шаг навстречу себе самому, простить себя, признать собственные несовершенства, давая тем самым возможность ошибаться *другому* и возможность простить этого *другого*. Таким образом, на наш взгляд, если неумение прощать себя ведет к формированию комплекса жертвы и желания винить во всем окружающих, то возможность самопрощения как раз формирует не только здоровую личность, адекватно оценивающую другого, но и здоровые отношения с людьми.

7. Проблема прощения в современности сталкивает нас с понятием цифровой реальности и виртуальной морали. Поскольку прощение никогда не выводит нас из лоно нравственности, необходимо помнить о гуманистических ценностях, о *другом*, о чувствах *другого* и совершать правильный моральный выбор. Это относится и к практике прощения (прощать лучше, чем не прощать), и к практике обид, т.е. никто не имеет права задевать чувства другого ни морально, ни физически. Область виртуальной морали и виртуальной коммуникации выстраивает особый вектор поведения и общения людей. Этот вектор пытается выстроить «новую нравственность», которую, как нам кажется, стоит именовать «нравственность без нравственности» (А.А. Бочавер, К.Д. Хломов, В.Н. Первушина, Л.М. Савушкин, А.И. Галкин, И.А. Иванюшкин).

ГЛОССАРИЙ

Агрессия – это проявление целенаправленного деструктивного поведения человека или группы лиц, противоречащее нормам человеческого со-бытия и приносящее физический и психический ущерб.

Вина – это психологически-эмоциональное состояние личности в отношении поступка, который принес вред *другому*.

Виртуальная коммуникация – определенная форма общения людей, опосредованная различными средствами связи.

Виртуальная мораль – своего рода новый тип нравственных установок, для которого характерна вседозволенность.

Духовная культура – это ментальная и ценностно-целевая сфера, которая ярко выражена в коммуникации человека, в формах и способах его общения.

Культура– это совокупность способов действия, поведения и мироосмысления в единстве с их объективированными результатами (Э.С. Маркарян, В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов, Г.В. Драч).

Киберагрессия - форма поведения человека, которая направлена на нанесение вреда другому человеку в Интернет-пространстве.

Обида – это нанесение ущерба и причинение страдания прежде всего *значимому, в более широком смысле – знакомому человеку*: это ложь и обман доверия; унижения и оскорбления; измена и предательство в любви, дружбе и деловых отношениях; высокомерное и заносчивое поведение; отказ в помощи и поддержке, игнорирование как самого человека, так и его интересов и потребностей, ответ злом на добро.

Прощение – это безвозмездный дар, добровольный отказ от всякого рода *мщения и проклятий* в отношении *другого*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева, И.А. Особенности виртуальной коммуникации и организации виртуальных сообществ в пространстве глобальной сети / И.А. Авдеева. // Философия и общество. – 2016. – № 4 (81).
2. Апресян, Р.Г. «Мне отмщение, Аз воздам». О нормативных контекстах и ассоциациях заповеди «Не противься злему» / Р.Г. Апресян. // Этическая мысль. – 2006. – Вып. 7.
3. Апресян, Р.Г. Предисловие к публикации / Р.Г. Апресян. // Этическая мысль. – 2004. – Вып. 5.
4. Апресян, Р.Г. Ресентимент и историческая динамика морали / Р.Г. Апресян. // Этическая мысль / отв. ред. А.А. Гусейнов. – Москва : ИФРАН, 2001. – Вып. 2. – С. 28-39.
5. Апресян, Р.Г. Этика силы в противостоянии насилию и агрессии / Р.Г. Апресян. // Вопросы философии. – 2010. – № 9.
6. Арендт, Х. Vitaactive, или О деятельной жизни / Х. Арендт. – Санкт-Петербург : Алатейя, 2000. – 437 с.
7. Артемьева, О.В. Мораль в жизнеучении Льва Толстого / О.В. Артемьева. // Этика: новые и старые проблемы. – Москва, 1999.
8. Артемьева, О.В. Эта мнимая идея самопрощения / О.В. Артемьева. // Человек. – 2020. – Т. 31. – № 4.
9. Архипова, М. Прощение: как примириться с собой и с другим / М. Архипова, М. Михайлова. – Москва : Никея, 2018.
10. Бадью, А. Апостол Павел. Обоснование универсализма / А. Бадью. – Москва – Санкт-Петербург : Московский философский фонд : Университетская книга, 1997. – 95 с.
11. Баева, Л.В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика / Л.В. Баева. // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 4-1

12. Батай, Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай. – Санкт-Петербург : Аxioma/Мифрил, 1997. – 336 с.
13. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. В.Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2002. – 390 с.
14. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман ; пер. с англ. В.Л. Иноземцева. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 238 с.
15. Бельтюкова, А.В. Понятие обидчивости: природа возникновения, особенности проявления / А.В. Бельтюкова. // Вестник Удмуртского ун-та. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2019. – № 3.
16. Библия. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 30.04.2023).
17. Библия о прощении. Каковы условия для получения прощения? [Электронный ресурс]. URL: http://uspenie-kamishin.prihod.ru/tak_govorit_biblija/view/id/1153071#:~:text=Прощение%20-%20это%20акт%20извинения,нанесённую%20обиду%2C%20причинённую%20боль%3B%20примирение (дата обращения: 30.04.2023).
18. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – Москва : Библион Русская книга, 2003. – 272 с.
19. Большунова, Н.Я. Прощение как духовно-нравственное явление и психологический феномен / Н.Я. Большунова. // Человек и мир. – 2017. – № 1. – Т. 1. – С. 201-218.
20. Бочавер, А.А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов. // Психология. Журнал ВШЭ. – 2014. – № 3.
21. Бреслав, Г.М. Обида как предмет психологического изучения: от прощения – к его отсутствию / Г.М. Бреслав. // ВШЭ. Психология. – 2020. – Т. 17. – № 1.
22. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер. [Электронный ресурс]. URL: http://biographicalcounselling.ru/biograficheskaya_rabota/library/library_to_read/Martin_Buber_I_and_You.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

23. Бычкова, М.В. Прощение как социально-психологический феномен / М.В. Бычкова. // Вестник Костромского гос. ун-та. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». – 2021. – № 1.
24. Вдовина, И. Поль Рикёр о совместном бытии людей / И. Вдовина. // Философская антропология. – 2020. – № 2.
25. Гассин, Э.А. Обряд прощения / Э.А. Гассин. // Московский психотерапевтический журнал. – 2006. – № 3.
26. Гассин, Э.А. Православие и проблема прощения. / Э.А. Гассин. [Электронный ресурс]. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2003_n3/cpp_2003_n3_Gassin.pdf (дата обращения: 30.04.2023).
27. Гассин, Э.А. Психология прощения. / Э.А. Гассин. [Электронный ресурс]. URL: https://nashaucheba.ru/v11246/гассин_э.а._психология_прощения (дата обращения: 30.04.2023).
28. Галкин, А.И. Философские проблемы виртуальной реальности / А.И. Галкин. // Общественные науки. – 2004. – № 4.
29. Гернер, И. Прощение. / И. Гернер. [Электронный ресурс]. URL: http://u-nog-hrista.narod.ru/ivan/proshjenie_statia.html (дата обращения: 30.04.2023).
30. Гувье, Т. Прощение и непростительное / Т. Гувье. // Этическая мысль. – 2004. – Вып. 5.
31. Гудков, Л.Д. Память о войне и массовая идентичность россиян / Л.Д. Гудков. // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3.
32. Гусейнов, А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? / А.А. Гусейнов. // Вопросы философии. – 2004. – № 3.
33. Гусейнов, А.А. Л.Н. Толстой. Непротивление злу насилием / А.А. Гусейнов. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphrras.ru/uplfile/ethics/biblio/N/10.html> (дата обращения: 30.04.2023).

34. Гусейнов, А.А. Понятия насилия и ненасилия / А.А. Гусейнов. // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 35-41.
35. Гусейнов, А.А. Прощение / А.А. Гусейнов // Этика : учебник для бакалавров. – Москва : Юрайт, 2013.
36. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах / В.И. Даль. – Т. 3. – Москва : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1982.
37. Дементьев, С.А. Реальность виртуальной морали в информационном обществе: риски и угрозы человеческой экзистенции / С.А. Дементьев. // Вестник АГУ. Выпуск 1 (194). 2017.
38. Долгов, Ю.Н. Вина и стыд как социальные чувства / Ю.Н. Долгов. // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2013. – № 33.
39. Егоров, Н.С. Категория виртуальности в истории философии от XIX века до современности / Н.С. Егоров. // Colloquium-journal. – 2019. – № 2-3 (26).
40. Еляков, А.Д. Виртуальное и реальное (О процессе разрушения социального) / А.Д. Еляков. // Философия и общество. – 2010. – № 2.
41. Еремеев С.Г. Харассмент: понятие, сущность, структура и соотношение с уголовно-правовыми запретами / С.Г. Еремеев. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47).
42. Золотухина-Аболина, Е.В. Прощение и самопрощение: единство морального и психологического / Е.В. Золотухина-Аболина, М.В. Макаренко. // Человек. – 2020. – Т. 31.
43. Зотов, А.Ф. Западная философия XX века / А.Ф. Зотов, Ю.К. Мельвиль. – Москва, 1994.
44. Зубарев, С.М. Смертельное чувство / С.М. Зубарев. // Дискурс-Пи. – 2010. – № 1-2.
45. Иванюшкин, И.А. Интернет-зависимость: норма или патология? Философский взгляд / И.А. Иванюшкин. // Биоэтика и гуманитарная

экспертиза / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. Ф.Г. Майленова. – Москва : ИФРАН, 2013. – Вып. 7.

46. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – Санкт-Петербург : Питер. – 2003.

47. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2001.

48. Ильин, И.А. Аксиомы религиозного опыта / И.А. Ильин. – Москва : АСТ, 2002. – 592 с.

49. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою / И.А. Ильин. [Электронный ресурс]. URL:

https://legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_o_soprotivleniyu_zlu_siloyu.pdf

(дата обращения: 30.04.2023).

50. Кафка, Ф. Процесс / Ф. Кафка // Собрание сочинений / пер. с нем. ; сост. Е. Кацевой. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 1999. – 560 с.

51. Кемеров, В.Е. Концепция радикальной социальности / В.Е. Кемеров. // Вопросы философии. – 1999. – № 7. – С. 3-13.

52. Кемеров, В.Е. Социальная обусловленность познания: эволюция проблемы в XX веке / В.Е. Кемеров. // Социемы. – 2007. – № 14.

53. Кентерберийский, Ансельм. Почему Бог стал человеком / Ансельм Кентерберийский. // Материалы второго междунар. симпозиума христианских философов. – Санкт-Петербург : Высшая религиозно-философская школа, 1999. – С. 20-138.

54. Керимов, Т.Х. Социальная обусловленность познания: анализ состояния проблемы и тупиковых ситуаций / Т.Х. Керимов. // Социемы. – 2007. – № 14. – С. 23-36.

55. Керимов, Т.Х. Неразрешимости / Т.Х. Керимов. – Москва : Академический проект, 2007. – 218 с.

56. Керимов, Т.Х. Поэтика времени / Т.Х. Керимов. – Москва : Академический проект, 2005. – 192 с.

57. Коран. [Электронный ресурс]. URL: <https://quran-online.ru/> (дата обращения: 30.04.2023).

58. Красицкий, Я. Грех, вина и чувство вины / Я. Красицкий. // Вестник РХГА. 2017. №1.

59. Курченко, В.Н. Примирение сторон и деятельное раскаяние как основание прекращения уголовного дела / В.Н. Курченко. // Уголовный процесс. – 2005. – № 9.

60. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор ; общ. ред., сост. и предисл. С.А. Исаева ; пер. с дат., коммент. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. – Москва : Республика, 1993. – 383 с.

61. Лазарев, С.Н. Человек будущего. Первый шаг в будущее / С.Н. Лазарев. [Электронный ресурс]. URL: <https://knigogid.ru/books/65804-chelovek-buduschego-pervyy-hag-v-buduschee/toread> (дата обращения: 30.04.2023).

62. Лазарев, С.Н. Диалог с читателями / С.Н. Лазарев. [Электронный ресурс]. URL: https://bookap.info/okolopsy/lazarev_dialog_s_chitatelnyami/gl4.shtm (дата обращения: 30.04.2023).

63. Лазарев, С.Н. Пособие по выживанию / С.Н. Лазарев. [Электронный ресурс]. URL: https://bookap.info/okolopsy/lazarev_posobie_po_vyzhivaniyu/ (дата обращения: 30.04.2023).

64. Лебедева, Г.В. Память о Холокосте: от вины к прощению / Г.В. Лебедева. // Память о Холокосте: боль познания : материалы междунар. науч.-практич. конф., 17 мая 2007 г., Екатеринбург. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.

65. Левинас, Э. Избранное. Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. – Москва – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. – 416 с.

66. Летов, О.В. Прощение и внутренние ценности личности / О.В. Летов, М.Р. Холмгрен. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и

зарубежная литература. Серия 3 «Философия: реферативный журнал». – 1995. – № 3.

67. Макаренко, М.В. Метафизика прощения и наказания в концепциях Л.Н. Толстого и И.А. Ильина: традиция и современность / М.В. Макаренко. // KANT. – 2021. – № 2 (39).

68. Макаренко, М.В. Проблема прощения в условиях виртуальной коммуникативной культуры / М.В. Макаренко. // Вестник МГУКИ. – 2021. – № 1 (99).

69. Малышев, М.А. Сослагательное наклонение – виртуальный бунт против судьбы / М.А. Малышев. // Дискурс-Пи, ФГБУ науки, Институт философии и права Уральского отделения РАН. – 2010. – Т. 9 (1-2).

70. Марков, Б.В. Аналитика вины, стыда и совести / Б.В. Марков. // Этическая мысль. – 2020. – № 1.

71. Маслова, А.В. Акт прощения как вызов и спасение / А.В. Маслова. // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – № 4 (793).

72. Медведева, А.Т. Прощение как фигура признания: дискурс агаре у П. Рикёра и В. Янкелевича / А.Т. Медведева. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2016. – № 3.

73. Мелешко, Е.Д. Христианская жизнь: ступени осуществления нравственного идеала / Е.Д. Мелешко // Христианская этика Л.Н. Толстого. – <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/meleshko-hristianskaya-etika-tolstogo/index.htm> (дата обращения: 30.04.2023).

74. Мень, А. Беседа об искуплении / А. Мень. – http://alexandrmnen.ru/books/mdc/mdc5_08.html (дата обращения: 30.04.2023).

75. Мень, А. Религиозно-философские взгляды Л.Н. Толстого / А. Мень // Мировая духовная культура. Церковь. Лекции и беседы. – Москва : Фонд имени Александра Меня, 1997. – 671 с.

76. Мясникова, Л.А. Опыт: обретение открытости и откровения / Л.А. Мясникова, В.Я. Нагевичене. – Екатеринбург : Изд-во УрАГС, 1997. – 96 с.

77. Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2007. – 400 с.
78. Ницше, Ф. Антихрист. Проклятие христианству : собрание сочинений в 2-х томах / Ф. Ницше. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 2.
79. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость. Афоризмы и изречения : сб. / Ф. Ницше. – Минск : Попурри, 1997. – 704с.
80. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – Москва : Азбука, 2011. – 352 с.
81. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_dict (дата обращения: 30.04.2023).
82. О даре. Дискуссия между Ж. Деррида и Ж.-Л. Марионом / пер. В.Р. Рокитянского. // Логос. – 2011. – № 3.
83. Орлов, Ю.М. Обида. Вина / Ю.М. Орлов. – Москва : Слайдинг, 2004.
84. Орлова, Л. Ошо. Основные идеи, учения и теория / Л. Орлова. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/21154/ogl.shtml>. (дата обращения: 30.04.2023).
85. Первушина, В.Н. Особенности коммуникации в киберпространстве / В.Н. Первушина, Л.М. Савушкин, С.Н. Хуторной. // Вестник ВГУ. Серия «Философия». – 2017. – № 1.
86. Петлин, М.А. Постмодерная культура – киберкультура / М.А. Петлин. // Омский научный вестник. – 2013. – № 5 (122).
87. Печин, Ю.В. Исследования обиды в российской психологии: современное состояние и перспективы / Ю.В. Печин. // Сибирский педагогический журнал. – 2016. – № 3.
88. Пилипчук, Д.С. Концепция И. Ильина о сопротивлении злу силой и русская христианская православная традиция / Д.С. Пилипчук. // Вестник ТГУ. – 2014. – № 2 (130).

89. Православие и ислам / Диакон Георгий Максимов. - Изд. 3-е, испр. и доп. - Москва : Православное миссионерское о-во им. прп. Серапиона Кожезерского, 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Maksimov/pravoslavie-i-islam/ (дата обращения: 30.04.2023).
90. Распутин, В. Василий и Василиса / В. Распутин. [Электронный ресурс]. URL: <https://skazki.rustih.ru/valentin-rasputin-vasilij-i-vasilisa/> (дата обращения: 30.04.2023).
91. Ратмайр, Р. Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Р. Ратмайр / пер. с нем. Е. Араловой. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.
92. Радионова, А.А. Прощение в структуре нравственной потребности личности / А.А. Радионова. // Вестник ТГУ. – 2007. – № 3 (47). – С. 142-146.
93. Ремезова, И.И. Милосердие как социокультурный феномен / И.И. Ремезова. // Вестник культурологии. – 2018. – № 4 (87).
94. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – Москва : Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 727 с.
95. Рикёр, П. Справедливое / П. Рикёр. – Москва : Гозис логос, 2006. – 279 с.
96. Риэрдон, Б.Э. Толерантность – дорога к миру / Б.Э. Риэрдон ; пер. с англ. О. Артемьевой, А. Бураковской, Л. Котовой. – Москва : Бонфи, 2001. – 304 с.
97. Сакс, Д. Достоинство различия: как избежать столкновения цивилизаций / Д. Сакс / пер. с англ. Б. Дынина. – Москва : Мосты культуры, 2008. – 329 с.
98. Сидорова, М. Прощение как опыт возможного: подходы Х. Арендт и П. Рикёра / М. Сидорова. // Социологическое обозрение. – 2016. – № 2.
99. Синельников, В.В. Таинственная сила слова. Формула любви. Как слова влияют на нашу жизнь. / В.В. Синельников. [Электронный ресурс]. URL:

<https://readnow.me/k/tainstvennaya-sila-slova-formula-lyubvi-kak-slova-vliyayut-sinelnikov#tx> (дата обращения: 30.04.2023).

100. Синельников, В.В. Сила намерения / В.В. Синельников. [Электронный ресурс]. URL: <https://homeread.net/book/sila-namereniya-valeriy-sinelnikov> (дата обращения: 30.04.2023).

101. Скрипник, А.П. Негодование и нетерпимость / А.П. Скрипник. // Этическая мысль. – 2019. – № 1.

102. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, С.В. Чигарькова. // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38)

103. Стросон, П. Свобода и обида / П. Стросон. // Финиковый компот. – 2020. – № 15.

104. Телушкин, Дж. Еврейский мир / Дж. Телушкин. [Электронный ресурс]. URL: https://booksafe.net/read/telushkin_dzhozef-evreyskiy_mir-203937.html#p1 [ТОС_idp3680](#) (дата обращения: 30.04.2023).

105. Термос, В. Прощение как полнота жизни / В. Термос. // Московский психотерапевтический журнал. – 2007. – № 1.

106. Типпинг, К. Радикальное прощение. Духовная технология для исцеления взаимоотношений, избавления от гнева и чувства вины, нахождения взаимопонимания в любой ситуации / К. Типпинг ; пер. с англ. – Москва : София, 2020. – 256 с.

107. Типпинг, К. Радикальное самопрощение. Прямой путь к подлинному принятию себя / К. Типпинг ; пер. с англ. – Москва : София, 2020. – 224 с.

108. Толерантность и полисубъектная социальность : материалы конф., Екатеринбург, 18-19 апреля 2001 г. / науч. ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов, В.А. Лекторский. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 212 с.

109. Толстой, Л.Н. Благо любви / Л.Н. Толстой. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0700.shtml (дата обращения: 30.04.2023).

110. Толстой, Л.Н. Воскресение / Л.Н. Толстой. – Санкт-Петербург : Азбука, 2016. – 640 с.
111. Толстой, Л.Н. Наше непонимание. / Л.Н. Толстой. [Электронный ресурс]. URL <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/philosophy/nashe-zhizneponimanie.htm> (дата обращения: 30.04.2023).
112. Толстой Л.Н. и Пушкин А.С. Сопричастность идей, образов, судеб : материалы XXV междунар. толстовских чтений, ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 1999. – 320 с.
113. Томильцева, Д.А. Опыт прощения: социально-философский анализ / Д.А. Томильцева. // Известия Уральского гос. ун-та. Серия 3 «Общественные науки». – 2010. – № 1 (73). – С. 7-17.
114. Томильцева, Д.А. Искажение христианской традиции прощения: свидетель и лжесвидетель / Д.А. Томильцева. // Берестень: философско-культурологический альманах, НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Новгород, 2008. – № 2. – С. 297-300.
115. Томильцева, Д.А. Извиняющееся общество / Д.А. Томильцева. // Неклассическое общество: векторы развития : материалы всерос. науч.-практич. конф. ВЮИ, каф. гуманитарных дисциплин. – Владимир, 2008. – С. 226-228.
116. Томильцева, Д.А. Холокост: от непростительного к непростительному / Д.А. Томильцева. // Память о Холокосте: боль познания : материалы междунар. науч.-практич. конф., Екатеринбург, 17 мая 2007 г. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2007. – С. 96-99.
117. Томильцева, Д.А. Опыт прощения. К проблеме / Д.А. Томильцева. // Ломоносов : материалы XIV Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 11-14 апреля 2007 г. – Москва : Изд-во МГУ, 2007.
118. Томильцева, Д.А. Опыт прощения как ценность / Д.А. Томильцева. // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках : материалы X Всерос. науч.-практич. конф.

Гуманитарного ун-та, 10-11 апреля 2007 г. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2007. – Т. 1. – С. 229-231.

119. Томильцева, Д.А. Большие обиды / Д.А. Томильцева. // Zaart, журнал создателей и потребителей искусства. – 2007. – № 15. – С. 93-94.

120. Томильцева, Д.А. Неявная ритуализированность прощения / Д.А. Томильцева. // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира : материалы всеросс. науч.-практич. конф. НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Новгород, 2008. – С. 339-342.

121. Томильцева, Д.А. Прощение и социальный контекст / Д.А. Томильцева. // Наука. Философия. Общество : V Российский философский конгресс. – Новосибирск, 2009. – С. 159-160.

122. Томильцева, Д.А. Прощение и ответственность в контексте примирения с прошлым / Д.А. Томильцева. // Экономика, социология, право, журнал научных публикаций. – 2009. – № 11. – С. 52-56.

123. Томильцева, Д.А. Прощение: основания светского рассмотрения / Д.А. Томильцева. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, журнал научных публикаций. – 2009. – № 3. – С. 90-93.

124. Томильцева, Д.А. Примирение и прощение: черты различности и аспекты взаимодействия / Д.А. Томильцева. // Общество различия и современная социальная онтология : материалы стола. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. – С. 120-131.

125. Троицкий, К.Е. Прощение: от двух этических концепций к двум моральным перспективам / К.Е. Троицкий. // Вопросы философии. – 2020. – № 2. – С. 86-97.

126. Фетисов, Т.А. Агрессивное поведение в интернет-коммуникации. Обзор / Т.А. Фетисов. // Вестник культурологии. – 2018. – № 4.

127. Фокин, А.Р. Тертуллиан и его вклад в формирование западного учения о «первородном грехе» / А.Р. Фокин. // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. – 2022. – № 2 (14).

128. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с.
129. Фрейд, З. Недовольство культурой / З. Фрейд. [Электронный ресурс]. URL: https://bookap.info/clasik/freyd_nedovolstvo_kulturoy/#o (дата обращения: 30.04.2023).
130. Фромм, Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни / Э. Фромм. – Москва : Прогресс, 1990. – 384 с.
131. Хьюз, П. Прощение / П. Хьюз. [Электронный ресурс]. URL: <https://philosophy.ru/ru/forgiveness/> (дата обращения: 30.04.2023).
132. Царева, Е.С. Обида как форма реагирования на проявления агрессивности общения / Е.С. Царева. // Вестник Брянского гос. ун-та / Брянский гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского. – 2015. – № 2.
133. Что такое прощение. Молитвенно-проповедническая встреча (воскресник). / Православная община. – 1999. – № 49. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1999/no49/article/chto-takoe-proshchenie-molitvenno-propovednicheskaja-vstre/> (дата обращения: 30.04.2023).
134. Чукова, А.С. Теоретические основы исследования прощения как феномена межличностного общения / А.С. Чукова, В.В. Гриценко. // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32. – № 5. – С. 16-22.
135. Шефнер, В. Слова / В. Шефнер. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/14464/slova> (дата обращения: 30.04.2023).
136. Шмелев, И. Масленица / И. Шмелев. Лето Господне. [Электронный ресурс]. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Shmelev_Leto_Gospodne.pdf (дата обращения: 30.04.2023).
137. Электронная еврейская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eleven.co.il/judaism/religious-ethics/13339/> (дата обращения: 30.04.2023).
138. Эстес, К. Бегущая с волками / К. Эстес. [Электронный ресурс]. URL: <https://sauap.org/wp->

content/uploads/2016/08/Klarissa_Pinkola_Estes_Beegushchaya_s_volkami.pdf.

(дата обращения: 30.04.2023).

139. Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – Москва : Гардарики, 2001. – 671 с.

140. Эфроимсон, В.П. Родословная альтруизма (этика с позиции эволюционной генетики человека) / В.П. Эфроимсон. // Новый мир. – 1971. – № 10. – С. 192-213.

141. Ямпольская, А.В. Герменевтика прощения у Левинаса / А.В. Ямпольская. // История философии и Герменевтика II : материалы межвуз. конф., Москва, 6-7 декабря 2007 г. / под ред. А.И. Алешина. – Москва : РГГУ, 2007.

142. Ямпольская, А.В. За пределами события: Поль Рикёр о даре и прощении / А.В. Ямпольская. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/02/23/1090682348/За%20пределами%20события-%20Рикер%20о%20даре%20и%20прощении.pdf> (дата обращения: 30.04.2023).

143. Ямпольская, А.В. Прощение между даром и обменом. Антипелагианская полемика Августина в контексте философии XX века, 2012 / А.В. Ямпольская. [Электронный ресурс]. URL: [http://articult.ruh.ru/upload/articult/journal_content/007/ARTICULT-07_\(3-2012,P.1-18\)-Yampolskaya.pdf](http://articult.ruh.ru/upload/articult/journal_content/007/ARTICULT-07_(3-2012,P.1-18)-Yampolskaya.pdf) (дата обращения: 30.04.2023).

144. Ямпольский, Дж. Прощение: Великий целитель. Серия «Беседы с Богом» / Дж. Ямпольский. – София, Гелиос АРВ, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.avatargroup.ru/Biblioteka/Dzheraljd_Yampoljski_-_Proschenie-velichajshij_celitelj.aspx (дата обращения: 30.04.2023).

145. Янкелевич, В. Прощение / В. Янкелевич // Ирония. Прощение / пер. с фр. ; послесл. В.В. Большакова. – Москва : Республика, 2004. – 335 с.

146. Янкелевич, В. Смерть / В. Янкелевич ; пер. с фр. Е.А. Адриановой, В.П. Большакова, Г.В. Волковой, Н.В. Кисловой. – Москва : Литературный институт им. А.М. Горького, 1999. – 448 с.

147. Янси, Ф. Что удивительного в благодати? / Ф. Янси. – Москва : Триада, 2007. – 352 с.

148. Ярасова, Н. Обида: истоки, признание, прощение / Н. Ярасова, прот. Дионисий Свечников. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/obida-istoki-priznanie-proshhenie> (дата обращения: 30.04.2023).